

Татьяна Ганнибал

**КОРОЛЕВА
РИВЕРОВ**

г. Санкт-Петербург
2019

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
Г19

Г19 **Ганнибал Т.Ю.**
Королева риверов. Книга четвёртая. –
2019. – 412 с.

«Королева риверов» – четвёртая книга из четырёх.

«Юной дочери королевы Сежи, Лаэтан, очень хочется найти таинственных риверов, которые живут где-то поблизости, но о которых почти ничего не известно. История её поисков и неожиданных находок и рассказана в этой книге».

Книга красочно проиллюстрирована.

Автор – Ганнибал Т.Ю.
Иллюстрации: Александра Соша

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6

© Ганнибал Т.Ю., текст и оформление. 2019

Часть 1

Глава 1

Сложив широкие белые крылья, Вещая птица шумно плюхнулась на ветку дерева и с любопытством уставилась на девочку, собирающую ягоды в колючем кустарнике.

— Ну и ну! — проговорила она ворчливо, глядя на юную королеву. — Мне показалось, что тут замышляется что-то интересное, а нашлась всего лишь одна маленькая девочка....

— Не такая уж и маленькая, — улыбнулась Лаэтан, поднимая голову и закладывая за ухо длинную светлую прядь волос, — завтра мне исполнится десять. — Она внимательно посмотрела на птицу, не решаясь спросить Вещую, о многом ли та догадалась.

— А! Так это я просто высоко сажу? — Птица перепрыгнула через несколько веток и, оказавшись на нижней, поглядела на аппетитные красные ягоды, покрывшие дно корзины. — Собираешь ягоды на праздничный пирог?

— Да, а ты откуда здесь взялась?

— Робин отправил меня к вам, на денёк.... Какая досада!

— Досада? — не поняла Лаэтан. — Почему? Ты не рада меня видеть?

— Я могла увидеть тебя и завтра. Стоило бросать все свои дела и мчаться сюда как на пожар?

— Какие дела? Какой пожар? — пробормотала, недоумевая, девочка. — Чем таким важным ты была занята?

Птица поёрзала на ветке, устраиваясь поудобнее, и покосилась на Лаэтан голубым глазом.

— Я — думала, — сказала она важно.

— Разве «думала» — это «дела»?

— Смотря о чём думала, как и где. Я сидела на верхней ветке самого высокого в этом мире дерева, медленно раскачивалась на ветру взад-вперёд... и думала о жизни.

— О жизни? — недоумённо пожала плечами Лаэтан. — И что же ты надумала?

— Вот как странно получается. У всех вокруг есть пара: у Робина — Тимон, у Рики — Дрейэл, у твоей мамы — твой папа... а у меня — никого.

— И у меня никого. Хотя... ведь иногда прилетаешь ты, да еще есть бегунки. Хотя с ними дружить сложно, больно уж они суетливые.

— Я говорю тебе совсем об ином друге, о Друге с большой буквы. С которым я могла бы, со временем, создать семью. Вот сама рассуди: вокруг тебя живёт множество арахонцев и миротворцев, и, когда ты вырастишь, у тебя обязательно будет друг. А у меня? Ведь даже если у моих родителей ещё кто-нибудь родится, то мне он придётся братом или сестрой, и других Вещих птиц в этом мире никогда не будет! Мысль об этом меня так сильно печалит... Просто доводит до отчаянья.

— Поговори об этом с Ороном. Ведь где-то же он раздобыл для Бегунка Белочку? Может быть, он сможет узнать, где водятся другие Вещие птицы, и привезти одну... одного сюда?

— Я... стесняюсь, — потупилась птица. — Может быть, ты сможешь его спросить?

— Конечно. Вот только ягоды ещё собирать и собирать. — Девочка отпустила ветку кустарника, понимая, что разговор не окончен. — Знаешь, мне тоже очень хотелось бы иметь настоящего Друга. — Лаэтан искоса взглянула на

птицу, решая: можно ли говорить с ней о сокровенном? — Иногда я осторожно подхожу к селению и смотрю на ребят, играющих там. Ведь если забыть, что я королевская дочка, и представить, что я обычная девочка, то вполне могла бы дружить с каким-нибудь мальчиком. Хотя... когда я вижу, как они бегают большой шумной ватагой или дерутся, то не понимаю: как бы я могла с ним дружить?

— Тогда подружись с девочкой. Они же не дерутся?

— С ними ничуть не проще, — понурилась Лаэтан, — несколько раз я пыталась подходить к ним.... Чаше всего при виде меня они вскрикивают и убегают. А если кто-то и остаётся, то начинает трогать меня за волосы и одежду и так пристально меня разглядывать, словно я дикий зверёк. Я не могу вытерпеть это и ухожу.

— Неудивительно, что они тебя разглядывают. Ты же у нас одна такая девочка: светловолосая, синеглазая, и одеваешься ты не так, как деревенские, и ходишь не так, и говоришь по-другому, и кожа у тебя всегда светлая, почти совсем не загорелая. Быть может, они думают, что ты сделана из льда? — усмехнулась птица.

— А однажды я случайно столкнулась в лесу с парнем лет семнадцати. Славный такой, улыбчивый... Не побоялся ко мне подойти и участливо спросил, не заблудилась ли я.

— И?

— ...И тут появился мой наставник Орон и сделал вот так. — Лаэтан выставила ладонь вперёд и нахмурилась.

— А мальчик что?

— Перепугался и убежал. Больше я его не встречала.

— Так это Орон мешает тебе с кем-нибудь подружиться! — воскликнула Вещая птица. — Наверное, он хочет, чтобы ты всю жизнь провела в одиночестве, как делали в старину их Властительницы. Помнится, я что-то слышала о стеклянном дворце, в котором жила их королева, решая судьбы мира.

— Я не хочу жить в стеклянном дворце, — отпрянула Лаэтан. — Тем более одна.

— Твоя мама тоже на это не согласилась, поэтому вы

теперь и живёте здесь так странно: вроде бы и в мире арахонцев, а на самом деле не совсем в нём...

— Ты тоже знаешь про Запретный Город?

Вещая многозначительно поскребла горло когтем.

— Я внимательная... и умная. Я давно подметила, как твоя мама, королева Сежи, может зайти в дом в одном платье, а выйти совсем в другом, при том, что в вашем доме совсем нет места для королевской гардеробной. И миротворцы иногда заходят туда толпой, но, если заглянешь в ваше окно, их там нет. Слушай, — оживилась Вещая, — а если тебе издать такой указ, что тебе можно делать всё, что хочется, и дружить, с кем захочется?

— Указ! — фыркнула девочка. — Я же ещё только ребёнок, с которым не так уж и считаются.

— Если ничего не менять, само ничего не изменится! — ворчливо сказала птица, спрыгивая на большой валун, а потом — на землю.

— Я знаю, — согласилась девочка. — И мне придётся спросить об этом Орона напрямик.

— Прямо сейчас, — подсказала птица.

Лаэтан согласно кивнула.

Внимательно поглядев в пустоту перед собой, девочка задумалась, словно высматривая там кого-то, птице невидимого, а потом строго окрикнула:

— Орон! Явись немедленно!

На лужайке, не приминая травы, прорисовался образ светловолосого и сероглазого миротворца в длинных голубых одеждах, которому на вид трудно было дать больше двадцати пяти лет. Наваждение очень быстро приобрело чёткость, отбросило тень, а трава как будто бы даже примялась под рослой фигурой.

Явно озадаченный столь очевидно дерзким вызовом, миротворец вопрошающе взглянул на девочку.

— Если ты перестанешь сердиться, Лаэтан, и выскажешь вслух то, что тебя мучает, мы разрешим все трудности, —

мягко проговорил он, почтительно прижимая ладонь к груди. — И Вещая птица может больше не прятаться, я её заметил.

— А я и не прячусь, — пробормотала Чудик смущённо, выглядывая из-за валуна. — Я тут ягоды собираю!

— Ты очень любишь расставлять всех по ступеням, — собралась с мыслями Лаэтан. — Скажи: кто в нашем мире главнее всех?

— Королева Сежиен.

— А потом?

— Будущая королева Лаэтан.

— А ты? — требовательно спросила девочка, взбираясь на большой камень, чтобы немного сравняться с наставником в росте.

— Я всего лишь Мастер Наваждения, которому доверена честь помогать будущей королеве Лаэтан в познании мира.

— И если я потребую от тебя честного ответа, ты дашь мне его?

— Я никогда не вру, — пожал плечами Орон. — В крайнем случае, я промолчу.

— У меня совсем нет друзей среди арахонцев, и дети убегают, заметив меня. Скажи: это твоих рук дело?

Облик Орона внезапно потускнел, подёрнулся рябью.

— Не уходи от вопроса, — строго приказала Лаэтан. — Останься и ответь!

Облик восстановился, но Орон избегал смотреть в глаза своей ученице.

— Несколько раз мне пришлось прибегнуть к наваждению, чтобы люди, недостойные твоего общества, не досаждали тебе, — уклончиво ответил он.

— Не досаждали? — нахмурилась девочка. — Они так и будут всю жизнь сторониться меня?

Прекрасно владея мастерством создавать наваждения, Орон вдруг выхватил, невесть откуда, огромный отточенный

меч, со свистом рассек воздух, отбрасывая по сторонам солнечные блики, и медленно опустил многослойную сталь себе на ладонь.

— Чтоб выковать такой меч, нужно много труда и терпения. День за днём попадая то в огонь, то в воду и наращивая всё новые и новые слои, простое некогда железо превращается в звенящую многослойную сталь. Затем она будет отточена и отполирована до блеска, и это станет только второй ступенью в жизни оружия. Если же я буду ленив и небрежен и посчитаю, что расплюснутая металлическая лента — уже готовое оружие, если стану бросать его где попало... — Орон отшвырнул в сторону меч, и тот, ударившись о небольшой камень, треснул. — То разве после этого я могу называться мастером?

Он сверкнул было на Лаэтан глазами, но тотчас, спохватившись, принудил себя к спокойствию.

— Когда ты была младенцем, лёжа в колыбели, ты могла бы размышлять так: «Вот моя мама, вот моя игрушка и кровать. Это весь-весь мой мир, и я знаю о нём всё». Когда ты научилась ходить, то могла бы рассудить так: «О, мой мир оказался больше, чем я думала, в нём по-прежнему есть мама и папа, а также комнаты моего дома, трава за окном и тёмная полоса леса в дали. *Теперь-то* я знаю весь свой мир». Но вот ты ещё больше выросла и должна просто поверить мне на слово, что мир беспределен и непознаваем. И там, среди звёзд, живут те, кому ты сможешь помочь, если научишься этому. И это так же важно, как помочь рядом живущему, а иногда, может быть, даже и важнее.

Впереди у нас с тобой тяжёлый «подъём в гору». Путь, по которому ты пока сделала всего несколько шагов. Он труден и от этого не радостен, ведь карабкаться вверх многократно сложнее, чем сдаться и отступить. И если ты будешь дружить с простыми арахонцами, многие осадят тебя вопросом: «Что надо тебе наверху? Возвращайся! Будь среди нас, будь как все... День прошёл, и ладно. О чём можно мечтать? Чтоб обед был сытным, муж достался не злой, а дети в старости подали воды. Зачем помогать тем, кто живёт среди звёзд? Для чего

тратить на это свою жизнь?» Я здесь для того, чтобы помочь тебе это понять и суметь подняться настолько высоко, насколько ты будешь способна. В этом моё предназначение!

Лаэтан порозовела от смущения; давно она не видела своего наставника в таком волнении.

— А если я просто попрошу тебя выполнить одно моё пожелание... завтра. В день моего рождения?

Орон с поклоном прижал руку к груди.

— Обещаю, что исполню его.

— И у меня будет несколько дней, свободных от занятий?

— Как обычно.

Образ Орона растаял, и Лаэтан без сил опустилась на тёплый от солнца камень.

— Что-то я разволновалась. Не обидела ли я его, потребовав отчёта?

— Да, так с ним и надо! — ворчливо отозвалась птица. — Построже надо с ним, построже. Ты ведь будущая королева, а он всего лишь какой-то там...

— И вовсе он не «какой-то»! — опечалилась Лаэтан. — Я знаю, что если потребуется, он не колеблясь отдаст за меня жизнь. Есть ли ещё на свете другие люди, готовые ради меня на это? Наверно, это и есть настоящий Друг. Скажи мне, Чудик, ведь ты же Вещая птица: встречу ли я когда-нибудь в своей жизни такого же верного друга?

— Ф-ф! — вздыбила перья Чудик. — Ты же знаешь, что, придя в этот мир, мы потеряли дар ясновидения. Как говорит мой отец Харэй: «В этом мире мы не Вещие, а Разговаривающие!» Знаешь, с чем я бы сравнила умение или неумение видеть будущее?

— Нет. Я вообще не понимаю, как вы можете видеть то, что ещё не произошло!

— Я подметила это во дворце короля Шафаржа: если кто-то войдёт в мраморный зал и громко крикнет, то звук будет таким звонким, многократно отражённым от стен, что даже с закрытыми глазами легко понять, большое ли это

помещение, есть ли там люди... ну, и многое другое. То есть, по каким-то другим признакам можно судить о том, чего не видишь. Так, я очень отчётливо «слышу» будущее в мире ариданов, а в этом мире... словно всё время идёт сильный дождь, и сколько я ни кричу, кроме его шума, почти ничего не могу разобрать. Иногда я всё же предвижу некоторые события, но не чётко и не ясно. Вот хотя бы сегодня... Когда я качалась на своей ветке, я вдруг явственно «услышала», что здесь что-то замышляется. Как будто множество людей собралось здесь и устроило заговор. И как же я удивилась, застав тебя здесь одну!

— Ты ещё издали заметила, что я что-то замышляю? — смутилась Лаэтан. — Наверно, я так сильно думала, и сразу о многом и о многих....

— А ты и вправду что-то замышляешь? — оживилась Чудик, с любопытством склоняя голову на бок.

— Да. Я очень хочу посмотреть на риверов. Хотя бы издали, хотя бы одним глазком, — задумчиво проговорила Лаэтан, слезая с камня и расправляя замятый подол короткого молочно-белого вязаного платья. — Ведь не может такого быть, чтобы никто из людей не видел риверов, которые живут где-то совсем рядом с нами?

Я расспросила всех, кто мог бы мне помочь, но... Рика не знает о них ничего, и её это совершенно не беспокоит, Робин, быть может, и видел, но стараниями Орона всё забыл. Мама много лет назад видела одного, мельком, но кроме того, что у него были большие грустные глаза, она ничего не запомнила. Папа... конечно же, Король охотников, со своим невероятным обонянием, не может не знать о риверах. Но даже он отчего-то на все мои вопросы только усмехается да тербит себя за кончик носа.

Я пыталась разузнать правду у Орона, спрашивала: «Кто вырастил для нас эти фрукты? Кто сшил эти одежды?» А он только пожимает плечами: «Риверы». «А какие они из себя?»

— И какие? — нетерпеливо спросила птица. — Он-то уж точно знает.

— Может, и знает, но ответил, как обычно, в своём духе: «Чтобы не было хаоса, все должно быть подчинено зако-

нам. Риверы стоят на низшей ступени развития и не имеют права даже с человеком разговаривать, не то что с миротворцами. А уж тебе, будущей королеве, до них и вовсе не должно быть дела».

Не должно быть дела! — проворчала девочка, окидывая взглядом густой кустарник под вековыми деревьями и кусочек искрящегося на солнце моря, пробивающегося сквозь зелень. — Прямо у меня уж столько важной работы, что и думать мне некогда. К тому же, в последнее время, при мыслях о неведомых существах, меня охватывает жгучее желание их увидеть. Хотя бы одним глазком, хотя бы издали! Вдруг риверы несчастливы? Они всё работают и работают на миротворцев, и совсем не отдыхают... А вдруг их держат в больших клетках, чтобы они не смогли убежать?

«Разве собака страдает оттого, что охраняет дом человека?» — сказал как-то Орон. — «Так же и риверы. Они просто счастливы служить миротворцам, находя в этом служении своё жизненное призвание!»

Девочка поёжилась.

— Может, миротворцам только кажется, что работать на них — счастье? А на самом деле этим существам нужна помощь, о которой им совсем некого попросить? Тебе вот, Чудик, разве не интересно узнать про них?

— Не знаю. — Чудик почистила когтем клюв. — Риверы и риверы... Мне всё равно!

— Может быть, ты знаешь, какие они?

— Откуда? — нахохлилась птица. — Я понимаю, что они живут в вашем Закрытом Городе. А нам, *не королевам миротворцев*, — съехидничала она, — вход туда запрещён.

— Мне тоже запрещён, но... — Лаэтан настороженно огляделась по сторонам, опасаясь, не подслушает ли кто случайно их разговор. — Но я решила раскрыть этот тайну с помощью ягод.

— Ягод?

— Они такие ароматные, что запах от последнего праздничного пирога я чувствовала в доме ещё несколько дней.

— И как же пирог поможет отыскать риверов?

— Ты слышала, что Орон обещал выполнить мою просьбу. Я попрошу его отнести пирог риверам, а для моего носа это равно тому, как если бы он сделал по всему пути яркие пометки. Попозже, когда ни Орона, ни мамы не будет поблизости, я тихонечко пройду в Закрытый Город и хоть издали погляжу на трудолюбивых маленьких работников.

— Какая ты хитроумная! — пришла в восторг Чудик. — Я бы до такого не додумалась.

— Я ведь дочь Короля охотников, и папа учит меня всяким хитрым охотничьим штучкам: разгадывать следы, плести силки, устраивать ловушки, хотя... — Девочка приуныла. — Тогда получится, что я сделала ловушку на Орона... Мне стыдно за этот обман уже сейчас.

— Врать нехорошо, — согласилась Чудик, — но ты и не ври. Просто скажи ему только ту часть правды, что можно сказать, а про остальное молчи.

— Это как?

— Скажи, что в честь своего дня рождения ты хотела бы порадовать бедных голодных риверов куском королевского пирога. Что-то в этом духе.

— Ты права. Просто передать им пирог, и всё, правда, Чудик? А потом я, может, вовсе и не соберусь никого идти искать?

— Пожалуй, — опять согласилась птица. — Дай-ка мне свою ленточку из волос. Я попробую понять, не выйдет ли из этой затеи беды.

Лаэтан поспешно расплела волосы и протянула птице красную шелковистую ленту.

— Постарайся, пожалуйста!

Птица приняла ленту, слегка пожевала её и взлетела на ветку.

— Что могу сказать, — протянула она задумчиво, выпуская ленту из клюва. — Жизнь твоя скучной не будет. И друзей ты найдёшь. Быть может, не таких, как теперь себе представляется, но настоящих! — Птица взмахнула крыльями, собираясь улетать. — А мне потом про риверов расскажешь?

— Конечно! Только ты о нашей тайне никому ни слова. — Лаэтан строго погрозила Вещей пальцем.

— Да чтоб у меня все перья выпали!

Шумно хлопая крыльями, Вещая птица набрала высоту и скрылась за деревьями.

Глава 2

Корзинка с ягодами уже оттягивала руку, и, перекладывая её с одного бока на другой, Лаэтан поспешила домой. Избегая встретиться с кем-то из арахонцев на лесной тропинке, взяла напрямик через лес, вышла к морю и ходко пошла по еле заметной тропе над кромкой воды. Море, ещё не успокоившееся после ночного шторма, гулко било в обрывистый песчаный берег, постепенно подтачивая его. С годами, оно всё больше и больше приближалось к Арахонии, вгрызаясь в кромку земли, местами захватывая

большие куски леса и превращая их в островки. Похожие на небольшие лодки, отплывшие в море, с накренившимися во все стороны деревьями-мачтами, они наводили на девочку тоску: ведь её дом стоял совсем недалеко от полосы прибоя, и, если бы миротворцы не укрепили берег огромными, плотно подогнанными друг к другу валунами, дом королевы Сежи давно и неизбежно поглотило бы море.

Девочка окинула внимательным взглядом величественное ветвистое дерево с сожжённой молнией макушкой и начавшими от этого засыхать верхними крупными ветвями, под которыми ютился их маленький дом. Сложенный из бревна и крытый дранкой, всего из трёх комнат с небольшой прихожей, он многим показался бы неподобающим местом обитания королевской семьи. Но Лаэтан, выросшая в этом месте с рождения, считала его самым лучшим местом в мире.

Перекинула корзинку на другую руку и подумала, что её мама не зря всё-таки пожелала поселиться здесь на берегу. Пусть в свои шестнадцать она не предвидела всяческие опасности, которые могли случиться с домом в дальнейшем, зато из всех его окон открывались красивейшие виды на море, лес и Арахонию.

Заслонив ладонью лицо от солнца, Лаэтан посмотрела в сторону поселения, на дом королевы Элис: высокий, двухэтажный, выстроенный из серого камня, под черепичной крышей. Его венчали четыре ажурные башенки с флюгерами, а с парадной стороны красовались два больших витражных окна и даже настоящая медная дверь, вывезенная из старого мира. Лаэтан с удовольствием разглядела трепещущий на ветру вымпел на высоком шпиле, прищулив глаза, поймала взглядом красный отблеск от витража и заставила его преломиться в ресницах радужными короткими лучиками.

— Красота! — с удовольствием прошептала девочка, таинственно улыбаясь.

Мало кто знал из арахонцев знал, что миротворцы неведомым способом так перестроили дом королевы Сежи, что, внешне по-прежнему оставаясь деревянным и маленьким, внутри он хранил большую-пребольшую тайну!

Лаэтан толкнула дверь в дом, быстро прошла прихожую и спальню родителей и оказалась у стены, за которой не должно и не могло быть ничего, кроме берега. Но теперь здесь была скромная дверь, за которой.... Девочка осторожно потянула ручку на себя...

Насколько хватало взгляда, вдаль уходила анфилада красивых узких залов, отделанных чудесным сине-голубым камнем с узорчатым витиеватым рисунком. Полированный иссиня-черный пол мерцал мелкими золотистыми вкраплениями, а мраморные колонны поддерживали и арочные перекрытия, и молочно-белый потолок, источавший такой же белый ровный свет. Лаэтан прищурила глаза, чтобы, глядя через ресницы, разложить его на лучи, но не смогла этого сделать.

— Странно, — прошептала девочка. Она прекрасно знала, что любой свет - солнца, свечи, факела и огня в камине - всегда распадается на лучи, и считала это его естественным свойством. Непонятно: из чего же тогда был соткан этот свет?

Лаэтан, задрав голову, пристально вгляделась в бесконечно длинный светящийся потолок, пытаясь постичь его суть. Пожалуй, девочка смогла бы его сравнить только с зашторенным белой тонкой тканью окном, за которым вставало солнце. Вот только она уже давно заметила, что этот свет всегда оставался неизменным и днём, и ночью.

— Эй! — осторожно крикнула вдаль Лаэтан, прислушалась к убежавшему вдаль эху и добавила ещё осторожней: — Риверы? Вы где?

В ответ её чуткое ухо различило звук лёгких шагов, и в конце анфилады показалась молодая королева Сежи со своим неизменным верным спутником Ороном.

Узкое, длинное, тёмно-синее платье королевы, которой можно было дать от силы лет двадцать пять, плотно облегало стройную невысокую фигуру. По высокому, под самый подбородок, воротнику и по бокам шла серебряная вышивка с оторочкой из речного жемчуга, а голову Сежи покрывала тончайшая голубая ткань, которую удерживала жемчужная диадема.

Белая узкая рука Сежи неторопливо отвела от лица край накидки, серые внимательные глаза устремились на дочь.

— Мама? — смутилась Лаэтан. «Как не вовремя решилась я на исследования!» Дождалась её подхода и, придав лицу самое невинное выражение лица, проговорила: — Я набрала ягод. Целую корзинку. — Девочка выдвинула доказательство вперёд, поспешив опустить ресницы, скрывая блестящие от волнения глаза.

— Ты знаешь, Лаэтан, как я огорчаюсь, если вижу тебя там, где бывать тебе пока рано. Ты обещала, что не будешь входить в Запретный Город.

— Да, мама, — ещё ниже опустила взгляд девочка. — Я не входила, а только посмотрела, нет ли тебя поблизости.

Девочка отступила на несколько шагов в свой маленький деревянный дом, подождала, пока плотно закроется дверь, скрывающая потайные залы.

Молодой человек, которому королева едва доставала до плеча, задумчиво взглянул на свою ученицу. Он был весьма проницателен и, наверно, мог бы легко раскусить игру подопечной, вот только в чём он мог её заподозрить?

— А мы с Ороном как раз говорили о тебе... — продолжила, улыбаясь, королева Сежи, ласково поглаживая ладонью волосы дочери. — Завтра день твоего рождения, моё сердечко; я могла бы чем-то порадовать тебя?

— Да! — выдохнула Лаэтан, с надеждой вглядываясь в её лучистые серые глаза. — Ты так давно не пекла мне ягодного пирога, а я о нём так мечтаю, так мечтаю, что он даже приснился мне этой ночью. Такой большой, ароматный, расчудесный, — Лаэтан нежно прижалась к матери, — ведь только ты умеешь испечь его так удивительно вкусно.

Сежи с улыбкой поцеловала дочь в макушку.

— Ты просто умница, что позаботилась об этом, ведь и твой папа, ужасный сладкоежка, недавно вздыхал о том, что мы давно его ничем не баловали.

Лаэтан подняла лицо, прислушиваясь к чему-то далёкому.

— Папа идёт! Отвлеки его, а я как следует спрячу ягоды, пусть и ему завтра случится получить неожиданный подарок.

— Куда же деть аромат, который разлился теперь по всему дому?

Лаэтан на мгновение замешкалась, откинула прядь волос с лица и по-взрослому рассудила:

— Догадается обо всём... непременно. Но промолчит. Не лишит себя удовольствия получить завтра радость. Отвлеки его разговором, чтобы я не попалась ему на глаза.

Сежи вышла на порог в волнующем предвкушении встречи.

— Моя Властительница? — Невысокий загорелый мужчина, в светлых замшевых штанах и белой рубахе, отвесил ей полушутливый поклон. — Позволено ли будет мне приблизиться к королевской особе? — Тёмно-синие глаза его взглянули в большие серые с трепетной нежностью. Мимолётным взмахом головы откидывая от лица длинную выгоревшую чёлку, он поднялся на крыльцо, собрал в свои ладони прохладные узкие кисти жены.

— Позволено, — запоздало прошептала Сежи, чувствуя, словно тринадцать лет назад, мурашки, бегущие по спине от его приближения.

Эйвор легко обхватил жену за талию, с урчанием довольного кота потёрся щекой о её щёку.

— О! — сказал он неожиданно с досадой, выпуская Сежи из объятий. — Я чувю Орона... Опять он был с тобой весь день?

— Надеюсь, ты не ревнуешь меня к неприкасаемому? — насмешливо сверкнула глазами Сежи.

— И не надейся! Конечно же, ревную!

— Глупый, — Сежи коротко, но нежно, поцеловала мужа в губы. — Я уже давно сделала свой выбор.

— И с тех пор ни разу не пожалела об этом? — Король охотников вновь притянул к себе жену.

— Ты лучший! — уверила Сежи, сопровождая сказанное новым поцелуем. — Ты — самый-самый.

— Но... я старею. — Впервые решился он высказать вслух то, что давно мучило. — Мне уже сорок два, и в моих волосах, хоть это совсем не заметно, появляется седина.

— Всё в жизни изменяется... — подавив вздох сожаления, проговорила Сежи.

— Всё, — согласился он, почувствовав, как заколотилось её сердце. — Но только не ты... и не Орон. Вы оба остаётесь такими же, как много лет назад. Вы не стареете.

— Я мудрею, — попробовала она отшутиться. — Посмотри мне в глаза. — Она насупила брови. — Разве ты и теперь дашь мне двадцать?

Эйвор невесело улыбнулся, кончиками пальцев разгладил её нарочитую морщинку и нежно поцеловал в лоб.

— Пусть будет, как будет. Ведь я знал, что ты не такая, как все... и жизнь миротворцев куда длиннее обычной человеческой. Просто я оказался не готов ко всему этому.

«А уж как я не готова... — подумала Сежи, чувствуя тоску в сердце. — Так не готова со временем пережить всех, кто мне дорог, что просто впадаю в отчаянье, которому нет конца и края!»

Из дома донеслось лёгкое предупреждающее покашливание.

— Властительница? — негромко окликнул Орон. — Могу ли я покинуть тебя до завтрашнего утра?

— Да хоть навсегда! — сердито отозвался Эйвор.

— Эйви! — тихо укорила Сежи. — Охранять нас — его работа. Уважай, пожалуйста, этот нелёгкий труд.

— Нелёгкий труд? — поморщился охотник. — Кому нужна эта охрана? Кто угрожает нам — арахонцы? Или те мыши и птицы, что водятся в наших местах? Так ведь он, при всём своём желании,мышь и за два шага не учует.

— Кроме видимых врагов, существуют невидимые, которые, подчас, куда опасней... — спокойно возразил миротворец, подходя ближе. — Ты же охотник... прости, Король охотников, большой знаток только обычной дичи. Ты никогда не мог отличить реальное от нереального, и для тебя даже самое простое наваждение — чудо.

— Неправда, — нахмурился Эйвор. — Я всегда легко разгадываю твои наваждения по духу. Тому духу, которого в них нет! Ты рисуешь только красивую картинку, забывая о многих мелочах. Мне даже кажется, что из всех органов восприятия у тебя остались только глаза.

— Не ссорься, пожалуйста, — вмешалась Сежи. — Каждый из вас мастер своего дела, нет нужды доказывать мне, кто из вас лучше.

— Я сам могу защитить свою дочь и жену! Нет хищника, даже на дальних планетах, которого я не смог бы остановить, — не унимался охотник. — Почему же в моём доме вечно торчит этот чужак?

— Я миротворец, а не чужак, — ровно ответил Орон. — И в мою обязанность входит защита обеих королев и даже тебя, охотник, так как твоя несвоевременная смерть может

расстроить тех, кому я верно служу. И вообще я не вижу смысла возвращаться к давно разрешённому спору: да, тебе повезло, и ты смог, против всех законов, забрать у нас королеву для себя одного, но ты не смеешь отнять у нас право охранять её. Жаль только, что ты по-прежнему веришь только в то, что видишь своими глазами и чувствуешь своим расчудесным обонянием. Всё остальное от тебя скрыто. — Орон с явным трудом удержался от усмешки. — Наверно, ты до сих пор веришь в существование радуги?

— При чём здесь радуга?

— При том, что на самом деле её нет, — загадочно улыбнулся Орон, отступая в сторону Закрытого Города. — Смотри, на несколько часов я доверяю тебе охранять наших королев!

Глава 3

Лаэтан уже проснулась, но не спешила открывать глаза. В доме было тихо, спокойно, и девочка с блаженством потягивалась под одеялом. Сегодня у неё день рождения! Каждый раз она втайне ожидала от этого дня чего-то нового, совершенно необыкновенного, и часто её ожидания оправдывались.

Вот и сейчас, несмотря на то, что стояло лето, девочке показалось, что за окном выпал первый снег. Она хорошо помнила это чудесное ощущение от первого снежного утра: вся земля вдруг разом оказывалась белой и светлой, кругом повисала необыкновенная тишина, и, несмотря на всеобщие уверения, что снежинки не пахнут, по воздуху растекалась невероятная прохладная свежесть с запахом зимы! Лаэтан даже на некоторое время остановилась в размышлениях, припоминая: не напутала ли она чего, не проспала ли вдруг лето и осень? Действительно ли сегодня ей исполнилось десять?

Безо всякой причины, она отчего-то нетерпеливо ждала этой даты, как будто проснувшись в ней Вещь тихонько прошептала на ухо: «Жди чудес!»

За дверью слышались лёгкие шаги, дверь еле слышно толкнули.

— Папа? — прошептала с улыбкой Лаэтан, всё ещё не открывая глаз. — Ты уже проснулся?

Неожиданный сильный дух огня, металла и кузницы ударил в нос, от чего перехватило дыхание. Принёсший его с собой Король охотников присел на краешек кровати и осторожно поправил прядь волос дочери, заслонявшую ей глаза.

— Я хотел быть первым, кто поздравит тебя сегодня. — Эйвор нежно поцеловал дочку в щёку.

— Ты опоздал, — сонно пробормотала девочка. — Помнится, ночью на подоконнике топталась Вещая птица, она тоже хотела быть первой.

— Вот досада, — ухмыльнулся Эйвор, — что же мне теперь делать с подарком, который я принёс?

Лаэтан приподнялась на локте, одним глазом окинула фигуру отца и упала обратно на подушку.

— Ты был в кузнице. От тебя невыносимо пахнет железом и дымом, — наморщила нос Лаэтан. — И подарков я что-то у тебя не вижу и не чувую.

— А это? — Эйвор раскрыл и тотчас быстро закрыл кулак. На ладони что-то блеснуло.

— Что это? — встрепелась девочка, безуспешно пытаясь разжать крепко стиснутый, словно каменный, кулак отца.

— А вот что. — Пальцы неожиданно ослабли, открывая небольшой складной нож: в деревянной отполированной рукояти блеснула яркая серебристая змейка. — Здесь великолепное, отточенное лезвие. — Эйвор, шевельнув кистью, заставил выскочить острие. — Он отлично уравновешенный. — Охотник положил раскрытый нож серединой на палец, и нож даже не шелохнулся. — Прочный и надёжный, с фиксатором лезвия. Э-э-э... — замялся он, заметив, что оговорился, и попытался объяснить чуждое для арахонцев слово: — В общем, не даёт ему сложиться не вовремя и поранить руку.

— Дай мне! — с азартом потянулась Лаэтан к подарку, но отец поднял нож над головой.

— Как будущая Королева охотников, ты должна уметь добыть оружие в честном поединке. — Он помахал ножом в воздухе, подзадоривая девочку достать его.

Лаэтан рассмеялась. Наверно, многие очень сильно удивились бы, узнав, что отец видит в ней свою преемницу — Королеву охотников, а не Королеву миротворцев. И что втайне от Орона он всегда стремился научить её разным охотничьим премудростям.

Эйвор двумя пальцами перехватил нож за лезвие... мимолётное движение запястьем — и нож воткнулся в косяк двери.

— Здорово! — искренне порадовалась Лаэтан.

— Только чтоб Орон не видел, — предупредил Эйвор. — Незачем ему доказывать, что будущая королева и сама должна уметь постоять за себя. — Он выдернул нож из косяка, сложил и подал дочери. — Береги его. В вашем мире, такой нож сделать оказалось весьма хлопотно.

— Какой же ты у меня... замечательный! — Лаэтан обняла отца за шею - и тут вдруг осознала, что за окном действительно зима: все деревья, трава, и даже подоконник были засыпаны снегом.

— Не может быть! Что это? — вскрикнула она, подбегая к окну и распахивая его.

— Это всё Орон, — неохотно пробормотал Эйвор. — Наверно, хотел тебя удивить... а про запах, как всегда, позабыл.

Лаэтан высунулась в окно по пояс: огромное старое, никогда не цветущее дерево, которое росло возле дома, теперь сплошь было покрыто бутонами и цветами, которые легко роняли свои белоснежные лепестки. Они, словно маленькие лодочки, кружились в воздухе и медленно падали вниз, засыпая и траву, и землю толстым пушистым слоем.

Чуть в отдалении, у самого леса, также обильно цветущего, Лаэтан заметила великана Уита. Слово ребёнка, носился он взад-вперёд, подпрыгивал, размахивая руками и ловя

растопыренными пальцами как можно больше лепестков, и тут же отправлял их в рот.

— Люди подумают, что я его не кормлю вовсе, — неодобрительно пробормотал Эйвор.

— А зачем он их ест? — Девочка подцепила пальцем один из лепестков, лежащий на подоконнике, и осторожно попробовала на вкус. — Здорово! — восхитилась она, понимая, насколько трудно создать такую обширную иллюзию, столь точную в мелочах. — Запах он и вправду создавать не умеет, а со вкусом удалось. Похоже на... холодный сладкий сок. —

Девочка поискала Орона взглядом, не нашла и опечалилась. Вчера она всё-таки была слишком резка со своим наставником. Подумав, как бы теперь поправить дело, решила сделать встречное наваждение: протянула вверх руку и старательно сотворила радугу, протянувшую свой разноцветный мост от леса до моря.

— Сразу видно, что вы с Ороном не тратите время зря, — проворчал Эйвор и насупился.

— За что ты так его не любишь? — обернулась Лаэтан. — Ведь он не делает тебе ничего плохого.

— Не то чтобы уж я очень его не люблю, — вяло протянул Эйвор, разглядывая лепестки. — Но как мужчина мужчине не доверяю. Он слишком красив, умён и... такой весь себе на уме. Вчера он намекнул, что я не смогу вас защитить, и я, как мальчишка, не спал всю ночь, бродил вокруг дома, старательно высматривая и выдумывая опасности....

— Не пойму я вас, взрослых: это у вас игры такие, или всё происходит всерьёз? — озадаченно проговорила девочка.

— По-всякому бывает. Ты ведь знаешь, что это по его вине я потерял всё и оказался здесь. Я имею вполне весомый повод ненавидеть его. С другой стороны, однажды он спас мне жизнь, а значит, я теперь ему обязан. Орон мне не враг, но и не друг. Рядом с ним я всё время настороже, всё время боюсь, как бы он не похитил у меня любимую жену.

— Не волнуйся ты об этом, он же неприкасаемый, — удивилась девочка. — Он никогда ни на ком не женится. Таков закон.

Эйвор тяжело вздохнул. Он-то отлично понимал, что, постоянно находясь рядом с его Сежи, даже такой стойкий

миротворец, как Орон, не может не испытывать к ней чувств. И видеть рядом мужчину, пусть и неприкасаемого, который в тайне любит твою женщину, было мучительно.

Глава 4

— А что подарила тебе Вещая Птица? Помнится, ты говорила, что она побывала здесь ночью, — поспешил Эйвор сменить тему.

— Ой! И вправду. — Лаэтан пошарила под подушкой и извлекла небольшой холщовый мешочек. — Как я могла его заспать? Чудик же оставила мне подарок. — Девочка задумалась, припоминая, что же она слышала сквозь сон. — Это от Робина и Тимон... Они ждут малыша и сами не смогли приехать на мой день рождения.

Девочка ослабила шнурок, стягивающий мешочек, перевернула его и вытряхнула содержимое на одеяло. Что-то увесистое, завёрнутое в ярко-синий шелковистый платок, выскользнуло из мешочка, слегка звякнув. Лёгкие края платка сами собой опали в стороны и... Лаэтан вскрикнула от неожиданности и восхищения. Перед ней оказались какие-то невероятно красивые драгоценности: множество гранёных синих, сверкающих камней, словно небольшие сосульки, укреплённые на золотой цепочке!

— Что это? — восхитилась девочка, ухватывая цепочку двумя руками за концы и растягивая ее.

Отбрасывая голубые, синие и золотые блики, тонко позвякивая, самоцветы разошлись в стороны, маня к себе таинственностью, глубиной и роскошью.

— Я не большой знаток женских украшений, но это, кажется, колье.

— И это мне?!

— Ну, не мне же!

Лаэтан подняла колье выше, разглядывая через синие прозрачные камни мир за окном: дальний лес теперь казался глубоким волнующимся морем, всё небо расчертили разноцветные яркие всполохи, а падающие лепестки показались звездопадом.

Эйвор пальцем осторожно качнул ряд подвесок.

— Дорогая вещица. В том мире, откуда я родом, за один такой камень с радостью бы отдали все наши поселения, причём вместе с людьми.

— Ужас! — Лаэтан отодвинула от себя подарок. — Не надо мне такого, вдруг я его потеряю?

Эйвор пожал плечами.

— Не понимаю я женщин. Вокруг меня одни королевы, и никто не терпит драгоценности. Королева Сежи считает их безделушками, отвлекающими от дела, королева Элисандрей предпочтёт им хорошую конскую сбрую и отточенное оружие.... Подозреваю, что шкатулки Рики набиты всяческими заколками и брошками, но когда ты в последний раз видела, чтобы она их надевала? И даже тихая Тимон, похоже, никак не проникнется мыслью, что она полноправная властительница ариданов, и не спешит увешивать свои одежды самоцветами и золотом.

— В мире существует очень много всего красивого. На что мы будем походить и как сможем двигаться, если навешаем всё это на себя?

Эйвор вздохнул, энергично потёр кончик носа и многозначительно показал глазами на дверь.

— Тебя нисколько не волнует тот чудесный аромат, что просачивается в комнату?

— Да-да, — рассеянно отозвалась Лаэтан, убирая кольцо обратно в мешочек и пряча его под подушку. Она вдруг вспомнила, что скоро увидит Орона и ей придётся лукавить и стараться не краснеть, когда придёт время странной просьбы. Несмотря на то, что ей по-прежнему хотелось отыскать риверов, мысль о том, что придётся обмануть наставника, сильно тяготила её.

— Честно говоря, — удручённо протянул Эйвор, чувствуя, как сквозняки разносят по дому сытный дух готовящейся снеди, — если ты будешь и дальше медлить, я прямо здесь и умру... Да-да, возьму и умру от сильного переживания по поводу пирога, который я обожаю!

— Так что ты ждёшь? Иди скорее в кухню! Ведь мне же ещё надо одеться, причесаться...

— Мне без тебя не дадут, — убитым голосом пробормотал охотник.

Лаэтан задумалась.

— Ты как-то рассказывал, что раньше жили специальные такие люди, которые должны были пробовать всю еду, которую подавали на стол королю. — Лаэтан по-отцовски хитро прищурилась. — Вот иди и пробуй мою. Я хочу точно знать, что пирог не отравлен. Так и скажи всем, что это я велела!

— Ах, какая же ты у меня умница... — ухмыльнулся Эйвор, исчезая за дверью.

— «Умница», — проговорила печально Лаэтан, берясь за деревянный гребень. — Целое дело замыслила против своего учителя!

Но Лаэтан беспокоилась зря, Орона ещё не было в доме, а в гостиной она нашла только своих родителей. Эйвор, с довольным урчанием голодного кота, уплетал кусок ягодного пирога, роняя на стол крупные крошки.

— Кажется, твой отец решил уничтожить пирог в одиночестве, — сказала Сежи, целуя Лаэтан в лоб. — Как маленький. Никакого терпения нет.

— Я — хуже маленького! — отозвался Эйвор, лукаво поглядывая на жену из-под длинной чёлки.

— И где ты только нашла себе такого отца? — с преувеличенно тяжёлым вздохом покачала Сежи головой, поправляя вздыбившийся хохолок на голове мужа.

— В лесу. Под кустом, — поддержала игру Лаэтан, подмигивая папе.

— Но ты же хотела собаку, или хотя бы кота... — сокрушённо покачала головой Сежи.

— Я лучше, чем кот и собака, вместе взятые! — уверил Эйвор. — Я очень редкое и ценное существо, и вы должны гордиться тем, что смогли заманить меня в свои сети. Ведь, если потребуется, я могу не только идти по следу

самых ужасных хищников, но и ловить мышей. Сколько вам, красавицы, наловить мышей? Ведро или два?

— Давай оставим его себе насовсем? — попросила Лаэтан, обнимая отца за плечи. — Ведь он и вправду такой хороший!

— Не знаю, не знаю... — не сдавалась Сежи. — Это твоё «хорошее существо», уже истребило полпирога! Напомните-ка мне: у кого из вас сегодня день рождения?

Эйвор быстро поднял глаза к потолку и сделал вид, будто и не тянулся вовсе за следующим куском.

— Благодарю, кажется, я уже сыт. Хочешь, маленькая? Очень вкусно.

Тут Лаэтан услышала, как дверь, ведущая в Закрытый Город, отворилась. Обернувшись, увидела Орона с небольшим красным свёртком в руках. Почтительно поклонившись Сежи, Орон, словно взрослую, поприветствовал свою ученицу:

— Долгих, мирных лет жизни и мудрости, Властительница. Смирренно прошу принять этот скромный дар. — Орон положил на край стола красный свёрток.

Под нетерпеливой детской рукой края шелковистой ткани разошлись в стороны, и Лаэтан в восторге захлопала в ладоши: перед ней лежала пара чудесных коротких, белых, меховых сапожек. По верху они были со вкусом украшены большими красными бусинами и вышивкой из кручёной серебряной нити. Но то, что на первый взгляд показалось мехом, на самом деле оказалось...

— Перья?! — изумлённо воскликнула Лаэтан, проводя по ним рукой, и скорее по тонкому духу, чем по виду, догадавшись об этом. Большие белые перья были распущены на отдельные «шерстинки» и так искусно вплетены в плотную шерстяную ткань, что казались её естественным продолжением.

Король охотников впился взглядом в подарок.

— Вы ощипали Вещую птицу? — с восторженным ужасом прошептал он.

— В это время Вещая птица линяет, и мы просто попросили её сохранить эти перья для нас, — сухо пояснил Орон.

— Вот зимой-то мне будет в них хорошо! — восхитилась Лаэтан, всовывая ноги в невесомые сапожки, и радостно попрыгала в них, чувствуя непередаваемое удовольствие от подарка. — Кто сшил такое чудо?

— Риверы.

— Как они могли сделать так, что сапожки пришили мне точно в пору?

— Я измерил твой след, — неохотно признался Орон.

Лаэтан подняла взгляд на наставника и поняла, что лучшего времени для её просьбы не найти.

— Мне очень нравится, как риверы сделали для меня подарок, и хотела бы чем-то их отблагодарить. — Она взяла со стола блюдо с ещё одним нетронутым пирогом, накрыла его расшитой цветами салфеткой и подала Орону. — Отнеси это им, пожалуйста.

Немало удивившись, Орон перевёл недоумевающий взгляд на Сежи, и Лаэтан торопливо спросила:

— Разве есть закон, запрещающий мне это сделать?

— Нет, — пожал плечами миротворец. — Но зачем риверам пирог?

— Затем, чтобы им было вкусно! — намеренно сердито сдвинула девочка брови. — Хочу, чтобы в день моего рождения и у них был немножко праздник... А если ты мне откажешь, то я и подарок от них не приму! Вспомни: ты

ведь обещал исполнить одну мою просьбу, значит теперь не можешь мне отказать.

— Вот как... — пробормотал Эйвор, догадываясь, что его дочь затеяла какую-то хитрость, но пока не мог постичь её суть.

Лаэтан строго взглянула в глаза отца, сделала ему быстрый, не заметный для других знак: «Молчи! Это секрет!»

Глава 5

Дождавшись ухода Орона, Лаэтан вышла на крыльцо, уселась на свою любимую ступеньку и задумалась. Её затея пока складывается весьма удачно; повезет ли ей и дальше? Сколько времени сможет продержаться дух пирога, прежде чем ароматный след, оставшийся за Ороном, развеется? Ведь случай войти за запретную дверь может представиться нескоро.

Ветер донёс до девочки далёкий неясный звук, идущий от поселения. Повернув одно ухо в ту сторону, Лаэтан прислушалась. Через лес кто-то гнал коня в их сторону. Чуткий слух девочки подсказал: «Рика». Только конь из конюшни королевы Элисандрей мог идти такой ладной скорой иноходью, и только у вороного коня её дочери Рики уздечка была украшена тонкими серебряными колечками, которые, незаметно для обычного человеческого слуха, тонко позвякивали.

Девочка подождала, пока всадница покажется из-за поворота, и встала ей навстречу.

Загорелая, черноволосая молодая женщина лет двадцати пяти, в дорогом охотничьем костюме, осадил коня перед самым крыльцом и наклонилась к Лаэтан.

— Король охотников здесь?

— Он дома. Что-то случилось? — забеспокоилась девочка.

— Да... — отрезала Рика, торопливо скручивая растрепавшиеся волосы в тугую жгут. — Странные дела творятся нынче... Так что Эйвор?

— Он же охотник! Отличный слух и безмерное любопытство... он не заставит себя ждать.

Эйвор бесшумно возник в дверном проёме, окинул взволнованную Рiku оценивающим взглядом.

— Я здесь. Если мне объяснят, что произошло, это пойдёт на пользу делу.

— Вчера в селении пропала лошадь с жеребёнком. Её искали весь вечер, но увы - найти не смогли... А сегодня пропала её хозяйка, и опять без следа. Народ волнуется и вооружается, поползли слухи, что появились у нас то ли страшные хищники, то ли недобрые люди.... В общем, надежда на тебя, Эйвор!

Охотник просиял.

— Здорово!

Приложив руку ко рту, издал протяжный птичий крик, дождался, когда затрещит ближайший кустарник под тяжёлыми ступнями верного Уита, что-то крикнул ему на чужом языке и жестом показал, чтобы тот поторапливался.

— Мы будем готовы через... — Он скрылся в доме и тотчас возвратился, затягивая на талии широкий охотничий пояс. Удовлетворённо хмыкнул, увидев, как рослый Уит отламывает от дерева огромную дубину, и кивнул Рике. — Впрочем, вот мы уже и готовы. Веди, показывай, где всё произошло.

На крыльцо вышла встревоженная Сежи. Зябко кутаясь в тёплую шаль, проследила взглядом за уходящими, коротко прижала Лаэтан к себе.

— Ты не обидишься, если я оставлю тебя одну? Пропадшим может понадобиться и моя помощь.

— Да, мама. Иди, — сказала Лаэтан, ловя себя на том, что даже рада уходу родителей. Теперь, когда дома никого не осталось, она сможет привести свой план в исполнение.

Глава 6

Лаэтан осторожно приоткрыла дверь в Закрытый Город и чутко прислушалась. Никого. Старательно оправила платье,

чтобы унять волнение, глубоко вздохнула и сделала шаг вперёд.

Пол прямо-таки обжёг холодом. Воспитанная отцом в почти в аскетической атмосфере, привыкшая всё лето ходить босиком при любой погоде, девочка всегда удивлялась разнице между тёплым деревянным полом в доме и этим, поразительно гладким и холодным. Привстала на цыпочки, сделала несколько шагов вперёд и поняла, что чувствует ногами что-то ещё... Гул! Ровный и монотонный, совсем не похожий на шум от накатывающихся на берег волн.

— Какое здесь всё странное, — проговорила она вслух, чтобы звуком собственного голоса немного ободрить себя. — Но я не боюсь. Здесь совсем нет ничего страшного.

Поёжилась, сама себя обнимая за предплечья и таким способом пытаясь сохранить быстро уходящее тепло, и ускорила шаг.

Аромат пирога вёл девочку через несколько совсем узких проходов, до середины очередного пустого зала. Здесь запах неожиданно оборвался.

Лаэтан с недоумением огляделась. В полированных мраморных стенах не было ни намёка на дверь, а в гладком полу — ни малейшей тончайшей трещинки, возможно, подсказавшей бы о потайном ходе. На всякий случай она прошла чуть дальше, но тотчас возвратилась: духа ягод там не было.

Юная охотница медленно повела носом, отыскивая чёткий запаховый след Орона. Вот здесь он ещё был, а здесь уже нет. Лаэтан недоумённо нахмурилась. В отличие от своих наваждений, сам Орон, во плоти, не имел способности исчезать, а значит, она может и должна разгадать эту тайну.

Пальцами прикоснулась к холодной полированной стене, ощутила и через неё неясный далёкий гул, провела ладонью влево, вправо... что-то почувствовала и возвратила руку назад. В одном месте стена была чуть тёплой и слегка податливой, словно нагретая солнцем туго натянутая ткань. Витиеватый рисунок мрамора тронула едва заметная рябь, как если бы на бездвижную водную гладь озера упала

мошка. Девочка снова прикоснулась стены в том месте: рябь пошла сильнее, но стоило отнять ладонь, тотчас пропала. Наваждение? Лаэтан отступила на шаг, собралась с мыслями, стараясь проникнуть в суть увиденного так, как учил Орон. Сосредоточенно оглядела стену, медленно прошлась по ней рукой, пытаясь понять её природу, и в том месте, где её касалась Лаэтан, на «голубом мраморе» образовались небольшие вмятины — следы от пальцев, по которым пробежали слабые световые всполохи. Это была какая-то охранная сила, вполне настоящая, а не кажущаяся.

Лаэтан положила на стену сразу две ладони, поскребла пальцами, пытаясь на ощупь отыскать скрытую дверь, и та вдруг бесшумно отъехала в сторону, открывая проход в тёмный узкий коридор. Вздвогнув от неожиданности, Лаэтан повела плечами, прогоняя бегущий по спине холодок.

— Я не боюсь. Я смелая, — уверила себя девочка, сглатывая ком в горле и делая шаг вперёд.

Огромных залов дальше не было. Насколько хватало взгляда, вдаль уходил узкий, сделанный из тёмно-зелёного стекла арочный коридор. Такой низкий, что, наверное, рослому Орону приходилось пригибать голову, проходя здесь.

Подошла вплотную к стене, с удивлением разглядывая короткие, быстро пробегающие по ней искры. Тронула пальцем — ничего. Пригляделась внимательнее... За толстой стеклянной преградой почудились неясные морские глубины. То тут, то там, в её толще медленно проплывали тёмные силуэты, как будто тела огромных рыб, а искры — дальние огоньки, казалось, указывали им дорогу.

В душе девочки родилась тревога. Одна её часть, приученная к послушанию, торопила возвратиться скорее домой, вторая, до той поры дремлющая, широко раздувая ноздри, требовала разведать и исследовать как можно больше, ведь аромат ягод здесь смешался с множеством незнакомых запахов, которые иногда исходили от одежды Орона и названия которым Лаэтан не знала.

— Я пройду ещё немного дальше, — примирила наконец девочка две соперничающие в её душе стороны, — и буду

всё время настороже. А если замечу что-то недоброе, тотчас возвращусь назад.

Коридор закончился небольшим круглым залом, отделанным серым мрамором. В центре него высилась широкая колонна из молочно-белого мутного стекла, а у подножия её виднелась такая же стеклянная дверь. След Орона вёл туда.

Лаэтан огляделась: по стенам зала виднелись несколько чёрных дверей, но все они были закрыты и ничем не тревожили ни слух, ни обоняние.

Лаэтан наложила руки на стекло, ожидая открытия прохода, но ничего не произошло. Поводила ладонью из стороны в стороны... Ничего. По-видимому, в этот раз дверь хотела от неё что-то иное.

— Как же ты открываешься?

Прикрыла глаза и принюхалась, отыскивая среди сильного запаха ягод тонкий дух самого Орона. Учувяв его, прошла по нему и обнаружила, что Орон прикасался к

небольшому белому квадрату, вмурованному в стену. Приподнявшись на цыпочки, девочка приложила к этому квадрату ладонь, и стеклянная дверь с тихим шорохом поднялась вверх, открывая вход в маленькое полукруглое помещение, скорее похожее на кладовку, чем на комнату. Лаэтан заглянула внутрь: на уровне её глаз шла широкая серая полоса, на которой вспыхивали и гасли огоньки.

— Смелее, Королева охотников! — подбодрила себя девочка, осторожно входя внутрь.

— Пожалуйста, выберите уровень, — неожиданно, на языке миротворцев, произнёс мягкий мужской голос.

Лаэтан сжалась, втянув голову в плечи.

— Я... я ищу Орона, — пролепетала она, запинаясь, — вы не знаете, где он?

— Пожалуйста, выберете уровень, — так же ровно повторил голос, и Лаэтан поняла, что это говорит какой-то хитроумный механизм.

Она помнила рассказы отца о Земле и всяческих странных вещах, там его окружавших, и с облегчением перевела дух. Кажется, её пока никто не заметил! Впрочем, она хорошо помнила и слова отца: «Если ты не уверена в своих силах, или обстоятельства неожиданно изменились так, что ты к ним не готова, отступай. Охота — не бой, отступление здесь не позорно!»

Лаэтан сделала шаг назад, покидая странное место, и стеклянная дверь с тихим шелестом опустилась.

Лаэтан велела себе успокоиться и собраться с мыслями. Раньше она думала, что Закрытый Город подобен дворцу из старого мира арахонцев, о котором она так много слышала. И что достаточно проникнуть сюда, а там она сумеет разобраться в его сути, ведь она достаточно ловка и умна, чтобы не растеряться. Но вот она здесь - и видит, что всё гораздо сложнее, чем она ожидала, и даже необычайное обоняние и след от пирога не помогли.

— Другого такого случая не будет, — грустно прошептала она, — и я так и не узнаю, какие же они, эти риверы!

Неожиданно её чуткое ухо уловило какой-то странный звук, идущий из-за ближайшей закрытой двери. Приподняв лицо, девочка вслушалась, и вскоре поняла, что кто-то поднимается по металлической лестнице. Ступени вздрагивали, с металлическим скрипом прогибались под чьим-то весом, а затем, освобождённые, продолжительно тонко гудели. Пока Лаэтан размышляла, как лучше поступить - удрать или спрятаться за стеклянную колонну, - времени на отступление совсем не осталось. Тяжёлые шаги раздались уже прямо за дверью, и девочка, поспешно вжавшись в холодную стену, сползла по ней спиной и уселась на пол.

«Что ж, — подумала она, закусив губу, — сотворим небольшое простенькое наваждение».

Она знала, что удачней всего удаются видения, которые человек ожидает увидеть, поэтому образ пустого зала, который она сотворила над собой, был теперь лучшим ей прикрытием.

Шаги приблизились и дверь приоткрылась. Кто-то остановился возле Лаэтан, тяжело переводя дух. Стараясь не бояться, девочка зажмурилась...

Ноги в больших тяжёлых ботинках пришли совсем рядом, в нос ударил резкий дух, замешанный на запахе пота и металла. Искоса глянув в спину мужчине, Лаэтан засомневалась, что это миротворец. Уж слишком он был иной: шумный, грязный и вонючий. Кто-то из арахонцев? Девочка недоумённо повела бровью; впрочем, из неприятной смеси запахов, прошедших мимо её носа, она не смогла вычленить тонкий дух, присущий арахонцам. Подождала, пока некто, одетый в толстые чёрные штаны и такую же рубаху, скроется за одной из просто открывающихся дверей, поднялась на ноги и перевела дыхание. Папа был прав: хотя на охоте иногда и бывает страшновато, но зато какое это увлекательное и волнующее занятие!

Девочка подошла к той двери, из-за которой пришёл незнакомец и которая так и осталась полуоткрытой, и заглянула за неё. Слух не обманул: взгляду открылась крутая металлическая лестница с узкими шершавыми ступенями, уходящая и вверх, и вниз. Лаэтан предположила, что Орон или поднялся, или спустился каким-то своим особым путём на другой этаж, и, медленно втянув носом воздух, постаралась услышать слабый аромат пирога, который могли бы сюда донести сквозняки.

Глаза заслезились от резкого духа чужака, только что прошедшего здесь, но краешком сознания девочка уловила искомую нотку. Зажав нос рукой, чтобы больше не травмировать чуткое обоняние, постаралась определить, откуда тянулись сквозняки. Лизнув палец, подняла его и по лёгкому холодку, коснувшемуся влажной кожи, поняла, воздух поднимался снизу вверх, а значит, Орон уходил вниз.

Лаэтан заглянула в открывшийся неширокий пролёт и невольно отпрянула. Казалось, что лестница ведёт куда-то далеко вглубь земли, и от так и не увиденного дна аж дух захватило. Эдак не сложно и заблудиться! Девочка замешкалась, размышляя: как бы отметить дверь, ведущую

к миру арахонцев? Поискала на своём светлом вязаном платье зацеп, вытянула и оторвала небольшой кусок нитки, а затем, склонившись к самому полу, незаметно перевязала одну из металлических деталей верхней ступеньки. Оглядела скептически на предмет обнаружения посторонними и осталась довольна: если не станешь искать намеренно, ни за что не заметишь!

Стараясь больше не растрачивать драгоценное время, Лаэтан поспешила вниз по лестнице. Чувствуя под ногами неприятно холодные и тонко гудящие ступени, спускалась до тех пор, пока снова не уловила аромат пирога, принесённый воздухом из боковой двери. Толкнув её, с удивлением увидела перед собой тот же полукруглый зал, из которого некоторое время назад вышла. В недоумении попятилась, не понимая, как она могла, незаметно для себя, сделать такую петлю и вернуться. Но тут же, приметив некоторые изменения в зале, поняла, что ей просто попались внешне очень схожие места. Дух пирога, самого Орона и почему-то обычной травы были здесь уже так сильны, что сомнения сразу развеялись: она пришла именно туда, куда хотела. Возможно, желанное скрывалось за очередной гладкой, серебристой, металлической дверью?

Лаэтан подёрнула ручку, потянула её на себя и, заглянув в открывшийся проём, остолбенела: сразу за порогом начинался огромный цветущий луг! Живые, яркие цветы, быть может, даже слишком яркие и крупные для луга, ковром уходили от ног девочки в даль, вплоть до видневшейся неподалёку невысокой рощи. Аромат цветов, травы, древесной листвы, ударивший в лицо, мгновенно перебил запах металла. Лаэтан радостно вскинулась: «Так вот, значит, чем иной раз так тонко пахло от одежды Орона. Я нашла-таки место, где живут риверы!»

Она ступила на тропу, недавно посыпанную чистым песком, и, плотно закрывая за собой дверь, оглянулась: с этой стороны стена была вся разрисована цветами и казалась продолжением луга, идущего аж до самого горизонта. Впрочем, нет, цветы вовсе не были нарисованы;

подчиняясь почти неощутимым колебаниям воздуха, они едва различимо покачивались из стороны в сторону.

Девочка в замешательстве прикоснулась к стене: она была холодной и твёрдой, но цветы, «нарисованные» на ней, словно в удачно сотворённом наваждении, ничем по виду не отличались от живых, расстилавшихся вокруг.

Эта граница между настоящим и ненастоящим была столь призрачна, внезапна и невероятна, что Лаэтан не сразу решила идти по песчаной тропе. Внимательный взгляд юной охотницы быстро различил её нарочитость и некоторую фальшь: девочка прикоснулась рукой к дорожке, проследила, как на «нарисованном» песке с некоторым запозданием образовался след от её пальцев... С опаской подумала: «Орон непременно заметит мои следы!» Стараясь не приминать

цветы, ступила на траву, и, присев на корточки, внимательно рассмотрела дорожку. Теперь она заметила, что крупные размытые следы от обуви, очевидно, Орона, одной цепочкой уходили вдаль, а другой возвращались, медленно «тая» на нарисованном песке. Дочь Короля охотников наклонилась совсем низко, исследуя следы, и, учуяв запах Орона, успокоилась: он действительно был здесь, но уже ушёл.

Сделала несколько шагов в сторону рощи. Песок не скрипел под ногами и не ускользал в стороны так, как это бывает обычно, да и сама поверхность на ощупь была какой-то пружиняще-мягкой, каким бывает плотный мох, растущий на камнях. Оглянувшись, увидела, как неспешно, поверх следов Орона, прорисовываются и её маленькие следы. Взглянула на небо: оно было голубым и ярким, но отчего-то совсем без солнца и облаков, и эта странная небесная пустота обескуражила девочку.

— Опять наваждение? — пробормотала она с досадой. — Могли бы уж облачка какие нарисовать, а за ними солнце... или птичек...

Словно ответив на её просьбу, небо пересекла быстрокрылая птица и с громким щебетом плюхнулась

на песок неподалёку. Зыркнула на девочку любопытными бусинками глаз, испуганно чирикнула, и, подпрыгнув в воздух, стремительно унеслась прочь, оставив на песке след от хвоста, лапок и маленькое белёсое пёрышко.

Подобрав перо, Лаэтан с любопытством покрутила его в руках, обнюхала.

— А здесь не всё фальшиво!

Посмотрела вслед улетевшей птице и только теперь различила сквозь густой кустарник, растущий вдаль, высокий плетень. Лаэтан поспешила в ту сторону, нетерпеливо вытягивая шею, и скоро увидела странные жилища: в стволах толстенных деревьев тут и там были выдолблены круглые отверстия-окна, закрытые такими же круглыми ставнями. Какие-то из окон были закрыты, какие-то открыты, некоторые находились очень высоко, а некоторые у самой земли, и ко всем были прилажены жерди-лесенки, с приделанными к ним удобными для залезания перекладами.

«Ура! — возликовала девочка, подпрыгивая от радости. — Я нашла вас, риверы!»

Стараясь не шуметь, чтобы не привлечь к себе ненужного внимания, Лаэтан пригнулась и короткими перебежками от куста к кусту стала пробираться к селению.

Шелковистая трава приятно щекотала ноги, лепестки и пыльца незнакомых цветов оставались на подоле платья и коленях. Захотелось громко закричать от переполнявшего сердце восторга, поваляться на ковре из ароматных цветов...

«Как хорошо, что Орон не обладает чутьём охотника, — порадовалась Лаэтан. — Иначе от него невозможно было бы скрыть моё маленькое путешествие. Папа-то, конечно, сразу всё разгадает... Ну, а с папой... с ним мы договоримся!»

Девочка подобралась совсем близко к селению, схоронилась за плетнём и принялась ждать, надеясь увидеть кого-нибудь из хозяев. Но время шло, слабый ветерок разносил сытные запахи готовящегося обеда, а маленьких жителей, проживающих за круглыми окнами, всё не было видно.

«Спят они, что ли? — с досадой подумала Лаэтан, пытаясь уловить хотя бы малейшее движение. — Или попрятались по домам, чтобы без помех съесть мой пирог?» В воздухе отчётливо разносился его сильный аромат, который шёл отовсюду, как если бы угощение поделили на множество кусочков и разнесли во все стороны.

— Риверы? — шёпотом позвала девочка, нетерпеливо вертя головой. — Куда вы все подевались?

Она перелезла через высокий плетень, заметила ближайшее жилище, устроенное высоко в дереве, и подобралась поближе, чтобы всё как следует разведать. Дерево было толстое, обхвата в два, сплошь покрытое какими-то непонятными шерстинками... Девочка задумчиво поковыряла древесные шерстины, которыми густо порос ствол, потянула за одну, легко отделившуюся и быстро ушедшую вверх. С натугой подёргав её, оторвала и задумчиво повертела в руках, обнюхивая. Так и не поняла, росло ли это что-то на дереве, густо оплетая ствол, или так было устроено само дерево. В мире Лаэтан не было ничего похожего!

Задрав голову, оглядела открытое круглое окно на высоте трёх её ростов и зелёные толстые ветви, начинавшиеся ещё выше. Похоже, что обустройство дома в центре ствола ничуть не мешало жизни этого самого дерева. Оно бодро зеленело в вышине, его крупные глянцевые листья шевелились на ветерке. Как же попасть к окну? Ведущая к нему лесенка казалась слишком хлипкой и тонкой, чтобы выдержать вес девочки. Для проверки прочности Лаэтан поставила ногу на одну из перекалинок, слегка навалилась, сразу ощутив, как гнётся и потрескивает гибкое основание. В замешательстве затеребила ухо, не понимая: каким же образом ей заглянуть в окно? Да и вообще, дома ли схоронились неведомые ей жители?

Юная охотница плотно прижала ухо к дереву, чутко прислушалась, надеясь уловить тихие перешёптывания или возню в домике, но кроме едва ощутимого потрескивания самого дерева, ничего не услышала.

— Куда же вы подевались? — с недоумением прошептала девочка, внимательно оглядываясь по сторонам и надеясь заметить быстро спрятавшееся личико или подол одежды. Отчего-то риверы всегда представлялись ей маленькими человечками из сказки, которые в детстве рассказывал её папа. Правда, там жителей подземных городов называли «гномами» и говорили про них, что они злые и жадные, но Лаэтан не верила в это: существа, сделавшие для неё такие прекрасные сапожки, не могли быть ни злыми, ни жадными.

По-прежнему стараясь ступать бесшумно, Лаэтан обошла вокруг десятка жилищ, везде ощущая недавнее присутствие их хозяев. В воздухе начал разливаться неприятный дух подгорающей пищи. Отыскивая причину, Лаэтан пошла в центр селения. Заметила ряд небольших ткацких станков, стоящих под навесом, несколько прялок и, наконец, странную круглую печь, сложенную посреди широкой лужайки и издали не отличимую от крупного пня.

Круглый «спил дерева», над которым определённо помудрили миротворцы, был раскалён докрасна, а стоящие на нём горшочки вовсю кипели, шумно булькая и расплёскивая вокруг своё содержимое.

— Риверы! — сердито выкрикнула Лаэтан, видя, как подгорают выкипающие блюда, большинство из которых были уже безнадежно испорчены. — Надо же следить за своей печкой! Так и до пожара недалеко!

Не находя рядом ничего, чем следовало снимать горшки с огня, она торопливо натянула рукава белого шерстяного платья на ладони, стараясь не обжечься, быстро снимала горшки на землю. Сокрушенно качая головой, попыталась отряхнуть рукава от копоти, однако невольно лишь вся перемазываясь. Заметив, что так становится только хуже, закатала рукава до локтя, с досадой понимая, что дома это скрыть не получится.

И тут уловила какой-то очень тихий звук, шедший со стороны. Девочка насторожилась, прикидывая: не несёт ли этот звук для неё угрозы и не надо ли дать дёру? В ответ ей пришла чужая боль. Она была такой сильной, что девочка

дёрнулась, как от ожога. Немного поколебавшись между убежать и остаться, Лаэтан всё же решила разведать, что происходит.

Сразу за чередой деревьев-домов рос густой кустарник. Зачем-то пригнувшись, будто ожидая, что за ней подсматривают, Лаэтан короткими перебежками от дерева к дереву выбралась на край селения. Раздвинула сплетённые между собой густые ветви кустарника и... увидала в траве какого-то зверька, свернувшегося клубком. Тёмно-коричневая шёрстка его была всклокочена, короткие усики нервно подрагивали во сне, из маленькой пастишки, на остроносой мордочке, вырывались короткие всхлипы и стоны, а длинный чёрный хвостик был крепко поджат к животу.

Лаэтан опустила рядом на колени, сочувственно погладила несчастного по мягкой шёрстке.

— Бедненький! Что с тобой случилось?

Зверёк вздрогнул, поднял и развернул в сторону девочки прижатые до того к голове широкие мохнатые уши, открыл один круглый сонный глаз, затем второй, и некоторое время в недоумении смотрел на девочку.... Потом взгляд его стал осмысленным, зрачки расширились от ужаса, он отпрянул назад и, неожиданно пискнув, потерял сознание. Лапки его раскинулись в стороны, открывая светлое шелковистое брюшко, а всё тельце безвольно обмякло.

— Ой-ой-ой! — запричитала Лаэтан, торопливо хватая зверька, и только теперь замечая, что он за заднюю лапу

был привязан к кусту верёвкой. Девочка подёрнула верёвку, пытаясь порвать, но та оказалась слишком прочной. — Гадкие риверы! — Рассердилась Лаэтан, стараясь развязать замысловатый узел. — Бросили тебя тут, бедного! Да ещё, небось, и не кормили!

Попытки отвязать пленника ни к чему не привели: узлы были так хитро и туго завязаны, что Лаэтан даже не смогла найти конца.

Тут она вспомнила о папином подарке, и отточённое лезвие маленького ножа с хрустом начало разрезать сплетённые волокна. Последние усилия и... девочка осторожно прижала к себе мягкое, пахнущее травой и цветами тельце, ощущая, как тихо бьётся маленькое сердечко.

— Ну и ладно, так им и надо! — вспомнив про пригоревшую еду, воскликнула девочка. — Я возьму тебя к себе, и никто никогда тебя больше не обидит.

Лаэтан с нежностью поцеловала зверька в мохнатый лоб, ощущая просыпающуюся к нему любовь. Пусть раньше у неё никогда не было настоящего друга, а теперь будет! Глядя в

милую маленькую мордочку с грустно опущенными усами, она чувствовала себя совершенно счастливой.

— Ничего не бойся, я буду всегда рядом, буду заботиться о тебе... Вот увидишь, мы подружимся!

Сняв с себя синюю кофточку, Лаэтан бережно уложила в неё несчастного, а затем, крепко прижав к себе своё «сокровище», девочка со всех ног бросилась обратно домой.

Глава 7

Но мечта занять друга не спешила осуществляться. Принесённый домой зверёк испуганно забился в угол диванчика и сидел там, дрожа, сжавшись в комок.

Лаэтан разложила возле него всевозможные лакомства, которые, как ей казалось, должны были возбудить в нём аппетит: орехи, печенье, разнообразные фрукты, и даже кусочек ягодного пирога. Но зверёк упорно отворачивался и от всего этого роскошного угощения, и от самой Лаэтан, и тихо всхлипывал.

На глаза Лаэтан сами собой начали наворачиваться слёзы. Она сегодня совершила столько непростительных проступков, и всё зря! Зверёк, унесённый ею из Закрытого Города, скоро умрёт с голода, и когда родители возвратятся домой... о, об этом девочка даже не могла думать. От мысли, что придётся как-то всё произошедшее объяснить, ей тоже захотелось забиться в какой-нибудь угол и закрыть голову руками.

И тут чуткий слух девочки уловил звук открывшейся и закрывшейся двери, а неторопливый шорох шагов подсказал: это возвратился Орон.

В полном смятении, ощущая себя преступником, идущим на казнь, Лаэтан вышла в коридор. Мельком взглянула на задумчивого рослого миротворца и тотчас опустила взгляд, понимая, что не найдёт теперь ни одного слова в своё оправдание.

— Что случилось? — спросил он тихо, сразу заметив необычную бледность и полную растерянность своей подопечной.

Лаэтан, закрыв лицо руками, только и смогла прошептать:

— Я столько всего нарушила! Я такая... неправильная! — К глазам подступили предательские слёзы, а в горле встал ком, дыхание перехватило. — Я и сказать не могу, и не сказать не могу...

В памяти быстро промелькнули картины происшедшего: вот она придумывает, как обмануть Орона, и сама подаёт ему пирог, потом крадётся по коридорам Запретного Города, без спроса берёт чужого зверька, обрезав удерживающую его верёвку, вот безуспешно пытается его накормить, но он ничего не ест, и совсем скоро умрёт с голоду....

Видение маленького безжизненного тельца, раскинувшего в стороны лапки, добило девочку: она вдруг зарыдала горько-горько, как, наверное, никогда прежде.

Орон вздрогнул, ощущая боль Лаэтан как свою, опустился перед ней на одно колено, молча отнял её руки от заплаканного лица и сжал их в своих ладонях. Мощная тёплая волна разошлась от этих рук по всему её телу, согревая и успокаивая. Совсем скоро жизнь перестала казаться безысходной, а неудачи прошедшего дня — уж такими непоправимыми.

Орон осторожно стёр с её щёк мокрые дорожки от слёз. Попросил тихо:

— Пожалуйста, не плачь. Я ведь всегда рядом, я помогу.

— Ты же неприкасаемый! — пробормотала Лаэтан. — Тебя не накажут из-за меня?

— А мы никому не скажем, — ободряюще улыбнулся миротворец. — И сейчас мы вместе попробуем всё исправить. Да, Лаэтан?

«Да», — кивнула девочка.

— Пойдём, я кое-кого тебе покажу, — она ухватила Орона за рукав и потянула за собой.

Увидев зверька, Орон остолбенел.

— Где ты взяла ривера?

— Кого? — удивилась девочка, испуганно заглядывая в серые глаза наставника: не шутит ли он? — Это и есть ривер? Но разве они не маленькие человечки?

— Что за глупости!

Миротворец подошёл к зверьку и строго спросил его:

— Ты кто?

Тот что-то шепеляво залепетал в ответ, но так быстро и невнятно, что Лаэтан не разобрала ни слова.

— Он умеет разговаривать? — удивилась девочка.

— Конечно. Правда, по-нашему он говорит плоховато, но понять можно... — Орон нахмурился, озабоченно покачал головой. — Ну и дела...

— Что он тебе сказал?

— У тебя есть нитки? — неожиданно спросил Орон. — Дай мне моток, а то он тут у тебя ещё с ума сойдёт!

— Нитки? — вскинула брови девочка, подумав, что миротворец зачем-то хочет связать её маленького гостя. Заглянув в шкаф, нашла там и достала небольшой деревянный сундучок для рукоделия, а из него - клубок голубых шерстяных ниток. — Такой тебе подойдёт?

— Сейчас узнаем. — Орон протянул клубок риверу: — Держи. Я разрешаю!

Ривер впился взглядом в протянутое, явно оживляясь, потом вдруг разжал кулачок и, вытянув вперёд три длинных пальца, быстро ухватил клубок. Двумя лапками крепко прижал к себе, смешно шмыгая чёрной «кнопкой» носа, посопел, принюхиваясь, с облегчением вздохнул, шепеляво проговорил что-то вроде: «хоосые ниски», — и принялся быстро крутить нить между пальцев. Из маленького кулачка показался тонкий плетёный жгут.

— Что он делает? — не поняла девочка. — И зачем ему нитки?

— Он из касты плетунов. Плетение из ниток - его основное занятие.

— А зачем тогда он был привязан к дереву?

— Привязан? — удивился Орон. — Ты что-то натворил? — спросил он ривера.

Тот поспешно сжался, пряча нос за мотком, и, отводя взгляд больших круглых карих глаз, что-то прохныкал в ответ.

— Он здорово провинился, — помрачнел Орон. — Украдкой ходил смотреть на миротворцев, а ведь это строжайше запрещено их законами. Вот его и приговорили к самому суровому наказанию: лишили НА ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ возможности общаться со своими родственниками, а главное — возможности работать. Я же говорил тебе, работа для риверов — это не принуждение, это их смысл жизни, без неё они даже могут погибнуть.

Орон внимательно посмотрел на Лаэтан.

— Теперь ты представляешь, что ты натворила? Им запрещено даже на нас смотреть, не говоря уж о королеве. А тут ты сама пришла в их селение, да ещё и брала беднягу в руки! Это такое серьёзное нарушение всех норм и правил, что даже если теперь вернуть беднягу, риверы не будут знать, что с ним делать и как его наказать.

Услышав это, маленький плетун разволновался, засопел, заёрзал на месте, быстрее закрутил между длинных пальцев пряжу, всем своим видом показывая, что он вовсе и не смотрит ни на миротворца, ни уж тем более на королеву.

— И что же теперь делать? — испугалась Лаэтан.

— Не знаю. — Орон задумался и вскоре собрался уходить. — Попробую уладить это дело, а ты, пожалуйста, не трогай его и поменьше беспокой своим вниманием. — И добавил уже на языке арахонцев, чтобы ривер не понял: — Он вовсе не зверь. — Орон взглядом показал на блюдце с молоком, стоящее на полу. — Не котёнок и не щенок, а разумное существо... что-то вроде нас с тобой, только маленькое и с шерстью. Если хочешь, налей ему молока в чашку, как гостю, поставь её на стол... Хотя, честно говоря, я не знаю, пойдёт ли ему в прок ваша пища, ведь они привыкли совсем к другой.

— Папа говорит, что, бывая в других мирах, он всегда по запаху узнавал, можно ли есть то или иное блюдо. «Наш мозг — прекрасный анализатор, — часто говорит он, — и когда обоняние раскладывает незнакомое блюдо на составляющие, мозг с лёгкостью определяет, годится ли оно нам в пищу или нет. Без этого я бы давно умер с голода, так как не всегда есть возможность таскать с собой мешок еды».

— Ты знаешь, что такое анализатор? — вскинул брови миротворец.

— Нет. Но я понимаю, что папа этим хотел сказать. Риверу надо хорошенько понюхать мою еду, и он поймёт, что для него полезно.

— Твой отец... хм... великий оригинал, — со скрытым сарказмом пробормотал Орон, пододвигая к риверу миску с орехами и что-то тихо объясняя.

— Мой папа - Король охотников. — с удовлетворением согласилась девочка. — А ты сможешь узнать у своих про ривера: как мне теперь с ним быть?

Орон пожал плечами.

— Попробую. Только ты постарайся не наделать других ошибок в моё отсутствие.

Орон ушёл. Ривер не обращал внимания на пирог, выплетая из нитки нечто похожее на жгут, и Лаэтан стала думать, как же ей теперь завоевать расположение гостя. Раз он так любит работать, надо этой работой его и порадовать.

Девочка поставила на диванчик сундучок с рукоделием, откинула крышку, и, наклонив голову так, чтобы волосы скрыли её лицо, принялась перебирать клубки с нитками, ленты, обрывки бус, кулёчки со стеклянными и деревянными пуговицами, разглядывать несколько начатых зимой, но не оконченных игрушек — лоскутных человечков. Искоса наблюдая за гостем, она поняла, что клубки ниток вызвали у него наибольший интерес, он прямо-таки взгляда от них оторвать не мог.

Тогда Лаэтан начала крутить в руках клубки, говоря задумчиво, как бы просто размышляя вслух:

— У меня сегодня день рождения, и я надела своё любимое светлое платье, но... оно ведь совсем не смотрится без кушачка.... Вот только не знаю, какой цвет для него лучше выбрать?

Девочка повертела в руках белый и синий мотки, сквозь висящие у лица волосы внимательно следя за ривером. Он замедлил движение пальцев, скосил глаза на нитки, просто поедая взглядом белый клубок.

— Пожалуй, белый цвет лучше подойдёт к моему платью.

Лаэтан отложила его в сторону. Затем маленький гость благосклонно поглядел на красный клубок и на жёлтый, он даже нетерпеливо зашмыгал носом, видя, как девочка достаёт их из сундучка.

— Мда, — мечтательно протянула Лаэтан, кладя клубки так, чтобы они по диванчику немного откатились в сторону гостя. — Какой красивый кушачок получился бы из этих ниток! — На самом деле ей вовсе не нужен был кушак, да и эти три цвета не казались ей подходящими друг к другу, но, чтобы подружиться с ривером, она была готова на всё. — Ты не мог бы мне помочь? — Лаэтан ещё ближе подвинула клубки к своему гостю.

Тот замер, повёл носом, смешно топорща тёмные усики, и вдруг быстро подгрёб к себе клубки. Всё так же, не глядя в сторону девочки, он принялся ловко наматывать нитки на пальцы, создавая петли, через которые протягивал новые и новые нитки. Лаэтан попыталась было проследить за его работой, но ей казалось, что он просто создает беспорядочную путанку. Затем, потянув за одну из ниток, ривер затянул всё в плотный комок, который неожиданно оказался цветком! Ещё несколько неуловимых движений - и рядом появилась бутон и несколько листиков. Лаэтан была озадачена: у неё прямо на глазах создавалась изящная шерстяная полоска, украшенная цветочным орнаментом. И ривер был прав, выбрав эти нитки: жёлтые цветы с красными серединками и красные цветы с жёлтым очень нарядно смотрелись на белом фоне.

— Что-то я проголодалась, — пробормотала Лаэтан, подумав, что и её гость наверняка сильно голоден, и только

робость не позволяет ему прикоснуться к орехам и ягодам, лежащим неподалёку.

Она сбегала в кухню, отыскивала там остатки праздничного пирога, разрешила их на мелкие кусочки и, сложив в тарелку, принесла обратно в комнату.

— Ты уже слышал, что сегодня у меня день рождения, — стараясь говорить медленно, так, чтобы ривер понял, сказала Лаэтан. — В этот день для меня пекут праздничный пирог, и все, кто приходят в мой дом, должны его попробовать.

Девочка поставила тарелку на диванчик и пододвинула её в сторону гостя. Тот повёл носом, пошевелил усами, но к еде не притронулся.

— Это вкусно, и тебе не должно повредить! — Лаэтан положила кусочек себе в рот, пожевала, и мечтательно протянула: — Так вкусно, что я бы ела этот пирог каждый день, но, к сожалению, такое удовольствие выпадает только раз в году.

Она отвернулась, делая вид, что разбирает клубки, в то же время чутко прислушиваясь к движению за спиной. Ничего вроде бы не произошло, но в воздухе сильнее запахло пирогом, ривер сглотнул и издал короткий звук, похожий на довольное урчание. Лаэтан улыбнулась. Дело, кажется, стронулось с мёртвой точки! Она посмотрела на гостя, в усах которого осталась крошка, и на тарелку, где стало на кусочек меньше. Пирог, очевидно, пришёлся риверу по вкусу, но он опять занялся своим плетением, делая вид, что сыт.

— По закону... по нашему закону миротворцев, каждый гость должен съесть всё, что ему предложит королева! — строго сказала девочка, ещё ближе подвигая тарелку к риверу и снова отворачиваясь.

Раздалось быстрое, негромкое чавканье и довольное урчание. Острые коготки соскребли с тарелки последние крохи.

Лаэтан налила молоко в чашку и поставила её на опустевшую тарелку.

— И молоко тоже!

Тихо булькая, молоко исчезло так же быстро, как пирог.

— Тебя как зовут? — спросила Лаэтан, стараясь не тревожить гостя взглядом.

— У меня нет имени, — через некоторое время отозвался малыш шепеляво, с забавным присвистыванием.

— Как это нет? — удивилась девочка. — У каждого должно быть имя. Я — Лаэтан, а тот миротворец, что был здесь, — Орон.

— Ты королева, для тебя можно придумать имя. А риверов много. Каждому имя придумать нельзя.

— Что за глупости?! — возмутилась девочка. — У нас в поселении живёт очень много арахонцев, и у каждого есть имя!

— Как же можно запомнить все имена... если их много? — после некоторого раздумья еле слышно спросил ривер.

— А как же тогда к тебе обращаются твои родные, чтобы ты понял, что зовут именно тебя?

— Ой, сто это? — внезапно спросил малыш, указывая на пол.

— Где? — Лаэтан посмотрела на потёртый тканый коврик на полу, но не заметила на нём ничего интересного.

— Я не назвал тебя по имени, но ты поняла, сто я говорю с тобой, — проговорил маленький гость, смешно топорща усики.

— Да ты хитрец! — развеселилась Лаэтан. — И говоришь так чудно, всё «шусе» да «сусе»? Прямо Сусенк какой-то! — Она подумала немного. — Ты не против, если я так и буду тебя звать: Сусенк?

Ривер округлил глаза, а потом так тяжело задумался, что девочка не выдержала и рассмеялась.

— Ладно, как королева решила, так оно и будет! И не грусти, ведь я такая же непослушная, как и ты. Мне тоже не разрешали вас увидеть, но мне так сильно захотелось, что я нарушила запрет и... — При этих ее словах ривер опустил усы и сник. — Не огорчайся, Орон что-нибудь придумает.

Глава 8

Орон возвратился к полуночи. Найдя в гостиной так и уснувшую на диванчике Лаэтан, а в её ногах ривера, решил уже никого не тревожить и оставить всё как есть. Поправил сползшую с девочки шерстяную накидку, вынул из вялых лапок ривера неоконченное плетение.

— Спать! — велел он строго встрепенувшемуся малышу и погасил масляный светильник.

Прошёлся по тихому пустому дому, проверяя, всё ли в порядке. Разжёг огонь в остывшей печи на кухне, присел на табурет возле покрытого белой холщовой скатертью стола, собираясь терпеливо ожидать возвращения Сежи, но усталость взяла своё, и миротворец незаметно для себя уснул.

Вскоре возвратилась Сежи. Намереваясь немного поужинать, тихо вошла в кухню, и... сердце заколотилось от неожиданности: за столом, опустив голову на руки, безмятежно улыбался во сне Орон. Голубая накидка, обычно покрывавшая его голову, сползла, светлые длинные пряди волос разметались по сторонам.

Зная, как миротворец педантично соблюдает все правила и никогда не сидит в её присутствии, тем более с непокрытой головой, Сежи хотела было окликнуть его, но внезапно ощутила нежность при виде его, такой трогательной, беззащитности. Замерла, стараясь даже дышать тише, чтобы ненароком не разбудить его и хоть ненадолго, но продлить дивную возможность видеть его спящим.

Сколько лет она знает его - пятнадцать? Семнадцать! Как быстро промелькнуло это время, словно один долгий день...

Сколько всего смог он за это время, всегда закрытый и собранный, преданный и надёжный друг, в чьей искренней любви она никогда не сомневалась.

Сколько дней и ночей провёл он без отдыха, обеспечивая безопасность Робину и Рике в мире ариданов, спасая от гибели Шафаржа и его детей, властителя Хоттуна и его дочь Ахочинес.... Сколько их было, в мирах ближних и дальних,

известных и безымянных? И даже короля охотников Эйвора, которого можно было назвать «более удачливым соперником», он спас от шорков, совершив, казалось бы, невозможное смещение пространств.

Он никогда не ждёт похвалы, и каждый раз, спасая ли «Великого Повелителя Миров» или крошечного Бегунка, смущаясь, отводит взгляд: «Рад, что пригодился».

«Благодарю тебя, друг мой, — одними губами прошептала королева миротворцев, — что так чутко в обучении Лаэтан и невозмутим в общении с Эйвором. Не представляю, где ты берёшь столько терпения всё время видеть меня рядом с ним. Сколько сил надо для этого, какое большое иметь сердце!»

Волна нежности, от которой защемило сердце, охватила Сежи: захотелось хоть на мгновение прикоснуться к нему, пройтись рукой по волосам, нежно обнять за плечи, делаясь с ним той любовью и благодарностью, что жили в её душе. Ну отчего она не имеет право даже на такую малость?

Орон тяжело вздохнул во сне, приподняв голову, взглянул на неё, но, видимо, ещё пребывая в другой реальности, не сразу осознал, кто перед ним. Глаза его вспыхнули радостью и недоумением, и королева торопливо отвернулась, позволяя своему подданному привести себя в порядок.

— Я задремал, — проговорил он еле слышно, тревожащим душу голосом. — Прости... Властительница.

Сежи не ответила, ощущая, как покидает её сердце нежность, уступая место печали. Вздохнула. Плотнее закуталась в тёплую шаль.

Орон помедлил, видимо, желая что-то добавить, но решил только на два слова: «Добрых сновидений». И открыл дверь на улицу.

— Куда ты? — удивилась Сежи, ведь за порогом дома была чёрная беззвёздная ночь.

Он оглянулся, как-то по-особенному, с грустью, посмотрел на королеву.

— Надо привести мысли в порядок.

— Спасибо тебе... просто за то, что ты есть в моей жизни, — прошептала Сежи, чувствуя неодолимую потребность сказать ему что-то сердечное.

Он запнулся на пороге и неожиданно спросил:

— Ты счастлива с ним?

— Да, — тотчас, не колеблясь, ответила Сежи.

Орон шагнул в темноту.

«Я действительно счастлива с Эйвором, — подумала Сежи. — Но отчего же мне так больно, когда ты уходишь?»

Чувствуя смятение в сердце, Сежи вышла на крыльцо вслед за уходящим рослым миротворцем и открыла вслед ему свою душу. Почувствовав нечто, он оглянулся и увидел: будто вырвав из груди яркую золотую звезду, Сежи выбросила руку вверх... Острокрылая птица легко взмыла в ночное небо, развернула там свои призрачные крылья, заливая чёрный лес волшебным, золотисто-голубым туманным светом. Слово сотканный из струящихся мерцающих нитей, свет залил и лес, и дом, и миротворца, отражаясь в его глазах искристыми звёздочками.

Птица шевельнула крыльями, изогнулась в полёте, доставая макушек деревьев огненными перьями своего причудливого хвоста, а несколько нечаянно выпавших перьев осыпались на землю золотыми снежинками.

Орон замер, с волнением разглядывая в небе замысловатый рисунок наваждения: вот волшебная птица начала угасать, и два крыла постепенно превратились в два огромных серых глаза Сежи, которые вскоре смазал и развеял лёгкий морской ветерок.

Сежи настоящая грустно улыбнулась и закрыла за собой дверь. Наваждение совсем растаяло, но к ногам Орона, медленно кружась, опустилось золотое пёрышко. Оно, словно живое сердце, ещё билось и трепетало, освещая тропу.

— Я понял тебя, душа моя, — прошептал миротворец, поднимая послание. Осторожно прижал к губам ускользающее из пальцев наваждение, успевая ощутить его исчезающую теплоту. — Я терпеливый. Я тебя дождусь!

Глава 9

Лаэтан проснулась от ощущения, что на неё пристально смотрят. Приподняв ресницы, заметила ривера, который был совсем рядом и, приоткрыв рот, с восхищением, словно на божество, глядел на неё.

— Что ты? — смутилась девочка, быстро садясь и убирая попавшие на лицо волосы.

Ривер, не ответив, шмыгнул в угол диванчика и там сел, старательно отводя взгляд.

— Хорошего утра, — пожелала Лаэтан с улыбкой, сладко потягиваясь. — Как тебе спалось?

Тут она заметила горку сплетенных кушаков, лежащих на подлокотнике. Похоже, маленький гость не спал вовсе!

— Нитки кончились, — прошепелявил малыш, расстроено хлопнув носом.

— Уже все закончились? — не поверила девочка, вспоминая кучку клубков, собранных ею накануне.

Она ухватила за конец одного из кушаков, потянула его, и, развернувшись, тот достал до пола.

— Зачем такой длинный? — удивилась она, и усики ривера печально повисли, в глазах блеснули слёзы, а остроносая мордочка сникла. — А вообще-то длинный гораздо лучше короткого! — торопливо поправилась Лаэтан, боясь, что малыш сейчас заплачет.

Она поднялась на ноги, оправила платье, в котором так и уснула вчера вечером, и раз пять обернула кушак вокруг пояса.

— Красота, правда? — Она повертелась перед гостем, показывая со всех сторон свою обновку.

Глаза ривера высохли, он торопливо утёр нос лапкой и облегчённо вздохнул.

— Надо есё ниски!

«Есё, есё, — мысленно передразнила ривера девочка. — Где же я возьму ещё? И куда я буду девать всё то, что наплетёт неугомонный плетун?»

Тут Лаэтан вспомнила, что ушедшие накануне родители до сих пор не возвратились. Она встревоженно прислушалась к тишине в доме, подняв лицо, чутко принялась. Ухватила свежий дух мамы и Орона, явно прошедших здесь ранним утром. Но где же Король охотников?

— Я что-то беспокоюсь за папу, — проговорила Лаэтан, исподволь поглядывая на гостя, — пойдём, Сусенк, погуляем. Может быть, он скоро придёт? Да и тебе поразмять лапки будет полезно.

Впрочем, оказалось, что ривер вовсе и не умеет гулять. Он вяло походил туда-сюда, срывая на ходу длинные травинки и тотчас сплетая из них какие-то замысловатые загогули. Не привыкший к настоящему солнцу, он быстро устал, принялся часто и мелко дышать, и Лаэтан, нарвав охапку травы, поспешила усадить его под большой лопух.

— Поплети пока здесь, в тенёчке, а я, кажется, слышу тяжёлые шаги Уита.

Девочка отбежала от дома на пригорок, заслонив ладонью глаза от солнца, посмотрела в сторону селения. И точно: размахивая на ходу руками и что-то объясняя шедшему рядом Эйвору, великан Уит быстро приближался к дому королевы Сежи. Волосы, рубашка и штаны его были так сильно вымазаны грязью, будто он намеренно валялся в ней. Впрочем, досталось и Королю охотников: обычно опрятный, он теперь грязной рукой утирал лоб, откидывая от лица выпачканные светлые волосы.

— Где это вы были? — спросила девочка, скептически оглядывая подходящих. — И где так умудрились вымазаться?

— Спасали, — радостно объяснил Уит, отколупывая от волосатой груди засохшие куски грязи.

— Кого спасали?

— Всех!

Девочка с досадой поморщилась, понимая, что от немногословного Уита, как всегда, ничего не удастся узнать.

— Иди-ка ты скорее мыться в море! — велела она, зажимая нос. — А то моё бедное обоняние очень сильно

расстроилось. И с тобой, папа, тоже что-то надо сделать. У меня сегодня гость, и мне будет неловко перед ним за тебя.

— Тогда неси поскорее воды и щётку!

С трудом отлепив от тела рубашку, Эйвор бросил её на траву. Потом принялся, склонив голову на бок, и с удивлением спросил:

— Я чую ривера... Откуда он здесь?

— Он у меня в гостях, — потупилась Лаэтан, отступая в сторону дома. — Подожди немного, я быстро...

Эйвор проследил, как дочь быстро взбежала по ступеням крыльца, и как за ней следом шустро проскочил небольшой зверёк.

— Ну и дела! — пробормотал Король охотников, ловя в воздухе оставленный ривером запаховый след и тщательно к нему прихвываясь. — Чего только в этой жизни не случается!

Лаэтан скоро возвратилась, неся таз с водой. Подозрительно посмотрела на отца.

— А как ты догадался, что он и есть ривер?

— Я давно приметил, что многие вещи из Закрытого Города имеют этот дух. И кто, как не мастера, сделавшие эти вещи, могли оставить его? Впрочем, я представлял риверов по-другому....

Он принялся шумно умываться, фыркая и брызгаясь, а Лаэтан, сбегавшая ещё и за большим кувшином воды, теперь бдительно следила, чтобы вся грязь с лица и волос была отмыта.

— Что случилось в поселении? — не утерпев, спросила она. — Кто на вас напал?

— Никаких монстров и врагов на самом деле не оказалось, во всём виновата обычная человеческая глупость... и чуть-чуть невезения. Последние дожди подмыли грунт в предгорье, он стал ненадёжен, и пасаясь там лошадь свалилась в неглубокую, но узкую расщелину. На следующий день её таки нашла глупая хозяйка, но вместо того, чтобы

позвать на помощь, сама попыталась вытянуть её наверх... ну, и получила копытами брыкающейся лошади по колену. Нога стала как бревно, и бедолага осталась ночевать там же, где и пострадала, а её дети быстро разнесли по Арахонии весть о появлении неизвестных зловредных похитителей.

Твоя мама быстро исправила дело с повреждённым коленом, а вот с несчастной лошастью нам пришлось повозиться: её буквально заклинило в щели. Мы стреножили её, чтобы не брыкалась, подвели под брюхо одеяло. Тянули с Уитом, тянули... все бока бедной животине ободрали. Никак не достать, уж больно край острый! Пришлось дожидаться рассвета, сбивать молотом острые гранитные края, да застилать камни, для безопасности, ветками. Только по ним, как по горке, и вытянули эту лошадь.... Полей-ка мне ещё вот сюда на затылок, а то и вправду перед гостем будет неловко.

...Выйдя к дому Сежи, Орон неожиданно заметил умывающегося возле крыльца Эйвора. Замер на полушаге, со внезапно вспыхнувшей ревностью вглядываясь в фигуру малорослого охотника: обнажённый по пояс, загорелый и ладно сложенный, Эйвор весело расплёскивал по сторонам из таза воду и, фыркая, брызгался на дочь.

— Поберегись! — крикнул он, и Лаэтан с радостным визгом отскочила в сторону.

Мотая головой, словно пес, охотник отряхнул пряди волос от воды, принял поданное полотенце и с удовольствием растёрся им.

Невольно сравнивая себя с Эйвором, Орон с досадой отметил, что он никогда не смог бы вот так беззаботно плескаться и хохотать. И, хотя Король охотников был по-детски непосредственен в желании пошутить да побаловаться, он в тоже время был весьма красив и мужествен. Скорее всего, именно это странное соединение душевной мягкости и физической силы так привлекали Сежи.

Взглянул на смеющуюся Лаэтан, и сердце защемило: одно лицо с Сежи, а глаза... глаза Короля охотников, такие же ярко-синие! «А у моей дочери были бы серые, — внезапно

подумал Орон, нарушив данный самому себе запрет не размышлять об этом. - И никогда, бывая со мной, ни Лаэтан, ни Сежи не бывали так веселы, как рядом с ним, — подумал он, отступая на шаг. — Мне давно следовало понять и принять это поражение, и не тешить себя иллюзиями».

Почувяв Орона, Эйвор отнял полотенце от лица, сквозь мокрые сосульки волос взгляделся в миротворца, и улыбка на его губах угасла. Король без королевства, охотник-неудачник, заброшенный судьбой в этот потерянный мир... Как смог он вырвать из рук этого рослого красавца Сежи? Как сможет и впредь удерживать её рядом с собой, когда рядом - невероятный по духовной мощи, рассудительности и мудрости соперник? Такой всегда до тошноты опрятный и безукоризненный?

Эйвор молча принял поданную дочерью рубашку, медленно застегнул пуговицы, тщетно стараясь не думать о миротворце. «Наверно, Сежи права, мне давно пора повзрослеть. Но что мне сделать, как навсегда доказать Сежи, что я лучше?»

Безуспешно пытаясь пригладить всклокоченные мокрые лохмы, Эйвор с досадой заметил, как подбежавшая Лаэтан робко встала перед Ороном. Отвернувшись, чтобы больше не тревожить душу, охотник поспешно ушёл в дом.

Орон проследил, как захлопнулась за Эйвором дверь, печально сказал вполголоса: «Хм-хм», — и опустил взгляд на Лаэтан.

— Ты узнал что-нибудь про ривера, Орон? — спросила та с надеждой.

— Да. Он был наказан всего лишь на день, и уже к вечеру, счастливый и свободный, присоединился бы к своей семье. Ты нашла не самое удачное время, чтобы взять его с собой. Теперь же риверы решили, что он сам перегрыз верёвку и сбежал, и не на шутку рассердились на него.

— Но он же не виноват! — вскинулась Лаэтан. — Разве ты не мог объяснить им, что это я взяла Сусенку, и для него это были обстоятельства непреодолимой силы?!

— Конечно же, я всё объяснил. Но небольшой ум риверов не способен вместить столь сложные рассуждения, а сама мысль, что кто-то из них явился виновником беспокойства юной королевы, буквально сводит их с ума. Так что вряд ли можно теперь просто взять и вернуть твоего гостя назад.

Лаэтан умоляюще заглянула в глаза Орона.

— Пусть тогда Сусенк немного поживёт у меня? Мне кажется, он привыкнет, перестанет меня бояться, и мы подружимся. А позже... Ведь если королева Сежи повелит риверам не обижать моего друга, они не послушаются?

— Да, риверы не посмеют нарушить приказ королевы, но станет ли твой приятель таким, как был прежде? Вот ты сама представь, что кто-то из арахонцев совершил непростительное преступление... Теперь селение бурлит, негодует, а королева вдруг велит «просто забыть о случившемся». Смогут ли арахонцы действительно всё забыть и принять виновного?

— Я совсем не хотела, чтоб так случилось, — понурилась Лаэтан. — Я собиралась только посмотреть на них издали и уйти. Но в селении почему-то не оказалось ни одного жителя....

— Правильно. Птица-сторожок бдительно следит за всеми входящими и предупреждает о них риверов. А раз, следуя закону, никто из них не смеет видеть королеву, им и пришлось спешно бежать. От тебя.

— Птица-сторожок, — упавшим голосом проговорила девочка, вспомнив странную маленькую птаху. — Но как она узнала, кто я?

— Ни птица, ни риверы действительно не видели тебя, но они прекрасно знают и о королеве Сежи, и о её светловолосой дочери Лаэтан. Не случайно ведь, выплетая свои хитрые узоры, риверы никогда не забывают добавить в рисунок знак большого, а рядом — маленького солнца. — Орон взялся за конец обмотанного вокруг пояса девочки кушака, показывая два выплетенных стилизованных светлых солнца.

— Ой, какая же я глупая! Так значит, это из-за меня у риверов подгорела вся еда! А я-то сердилась, что они совсем не следят за своей печкой.

Орон опустил свою большую ладонь на голову Лаэтан, незаметно забирая уныние и волнение.

— Что было, то было. Не грусти. Мы сумеем разрешить все трудности, дай только время. А это передай своему гостю. — Орон вытащил из-за пазухи небольшой тканый свёрток. — Здесь самые тонкие, самые любимые плетунами нитки, в них твой друг найдёт душевное спокойствие.

Глава 10

Эйвор выслушал сбивчивый рассказ Лаэтан, кинул внимательный взгляд на гостя, занятого новой работой.

— А ты позови в гости Бегунков. Пусть эти хитрые бестии покажут твоему плетуну, что в нашей жизни есть место и для таких маленьких существ, как он. Быть может, осознав это, он перестанет тебя бояться?

— И ты не сердись на меня за то, что я сделала?

— Сердиться? — пожал плечами Эйвор. — Да я даже рад, что моя дочь оказалась такой смыслёной и бесстрашной охотницей! — Он обнял Лаэтан, звучно целуя её в макушку. — Я и сам не раз думал о подобной проделке, но боялся, что если миротворцы застигнут меня в Закрытом Городе, это сильно расстроит твою маму.

— Так я зову Бегунков? — обрадовалась Лаэтан.

— Конечно, зови. Мне самому любопытно, что из этого выйдет...

Лаэтан прикрыла глаза и принялась мысленно искать бегунков, и призывать их к себе в гости. Не прошло много времени, как на крыльце послышался шуршание ног, шумная возня, и, отталкивая друг друга, в комнату ворвались два бегунка. Худенькие, поросшие серой шёрсткой, едва достающие Лаэтан до колена, одетые в штанишки и рубашки с короткими рукавами, они быстро прошлёпали босыми пятками по полу, помахивая кисточками на своих длинных «мышинных» хвостах.

— Я первый! — радостно прокричал Ухрик, тут же спотыкаясь о задравшийся край тканного коврика.

— Нет, я первый! — завопил Шустрик, ловко перескакивая через брата.

— Нет, я первый! — Ухрик ухватил Шустрика за хвост, потянул на себя и, воспользовавшись его коротким замешательством, прорвался в гостиную.

— Нет, я!

— Нет, я!

Бегунки, толкаясь, ставя друг другу подножки и дёргая за хвосты, принялись носиться по комнате, подняв невообразимую суматоху.

Ривер замер, впервые за последние несколько часов перестав плести очередной кушак. Открыв рот от изумления, он неотрывно следил за беготней и свалкой неведомых ему существ, не понимая, что происходит.

— Дети! — попыталась призвать их к порядку Лаэтан. — Бегунки! Остановитесь хоть ненадолго да познакомьтесь с нашим гостем....

Ухрик с разбегу заскочил на диванчик, на котором сидел Сусенк, и принялся прыгать на нём, весело дрыгая в воздухе ногами, а Шустрик, заметив кушак, свешивающийся из лапок ривера, взялся дёргать за него, выкрикивая возмущённо:

— Что это за верёвка такая? Зачем здесь эта верёвка?

— Это мой гость Сусенк, он плетёт мне кушачок. — Лаэтан торопливо отняла плетение у Шустрика и возвратила его риверу. — Не трогай его, пожалуйста, а то испачкаешь!

— А зачем такой длинный? — Прыгающий на диване Ухрик боком добрался до ривера, резким движением выдернул у него кушак и принялся обматывать его вокруг своего тела.

— Длинный? Да потому что мне так нравится... подлиннее, — порозовела Лаэтан. Она не любила врать, но и сказать при Сусенке, что десятый кушак ей вовсе ни к чему, конечно же, не могла.

В дверном проёме показалась ещё одна гостья. Беленькая девочка-бегунок кокетливо помахала Лаэтан красным цветком, сверкнула на гостя чёрными глазками-бусинками.

— Привет! — Маленький ротик растянулся в улыбке. — Я — Звёздочка. — Она нарочито медленно прошла перед гостем, поправила свой беленький фартучек, на котором Лаэтан собственноручно недавно вышила лучистую голу-

бую звезду, и ловко забралась на колени к Лаэтан, всё также не отрывая взгляд от гостя. — А тебя как зовут?

— Сусенк, — невнятно пробормотал ривер, опуская нос.

— Кто-кто? — засмеялись мальчишки-бегунки.

— Сюся?

— Сюся-Масюся?

Они начали кататься по дивану, держась от смеха за животы.

Усики ривера опустились, он вновь принялся за плетение, намеренно стараясь не смотреть на шалунов.

— Не обращайтесь, пожалуйста, на них внимание, — тихо сказала ему Звёздочка. — Ведь они ещё совсем дети! — Она вскарабкалась к Лаэтан на плечо, укрылась, словно занавесой, её волосами, оставив на виду только маленький чёрный носик-пуговку да любопытный глаз.

При виде такого невообразимого проступка ривер вновь перестал плести, с немым ужасом наблюдая за тем, как гостя посмела не только прикоснуться к самой королеве, но и сидеть у неё на плече!

— Чего это он так на меня уставился? — тихо спросила Звёздочка у Лаэтан.

— Риверам запрещено даже смотреть на королеву... Он думал, что этот закон для всех.

Услышавшие о необычайном запрете, мальчишки-бегунки тотчас начали дёргать Лаэтан за руки и за край платья, препираясь при этом между собой, кого из них Лаэтан любит больше.

— Вы не могли бы вести себя потише? — укорила их девочка.

— Не могли бы. — Ухрик стал разглядывать разноцветные клубки ниток, проследил за тем, как начал работать Сусенк и как из его кулачка выдвигается готовый отрезок кушака, и неожиданно потребовал: — И меня научи! Я тоже так хочу!

Некоторое время он внимательно смотрел, как Сусенк ловко наматывает на пальцы нитки и стягивает их в узор, и

решил, что более простого дела не бывает. Схватив четыре лежащих рядом клубка, он принялся быстро наматывать их на пальцы и на запястья, пока не обмотался нитками так, что запутался и упал. Шустрик взялся было помогать брату, но... в итоге они оба запутались и принялись сердито разгрызать и разрывать нитки, чтобы освободиться.

— Дурацкие нитки! Дурацкий плетун! Не хотим больше плести, развяжите нас скорее! — кричали они во весь голос, приводя Сусенку в уныние.

Лаэтан попыталась уладить дело миром, выпутывая близнецов.

— По-моему, нитки очень даже замечательные, это с вами что-то не так. Быть может, они научат вас вести себя хорошо?

— Это он нам неправильные нитки подсунил! — сердился Шустрик, стряхивая с себя шерстяные обрывки. — А так дело-то несложное, плети себе да плети!

— Просто у тебя руки неправильные, — неожиданно возразил Сусенк. — Пальцев слишком много, и все непослушные!

Он раскрыл ладонь, пошевелил тремя длинными подвижными пальцами, которые могли изгибаться во все стороны. Только теперь Лаэтан заметила, что у её гостя на руке есть большой, указательный и средний палец, а безымянный и мизинец были совсем не развиты.

— Это у тебя они неправильные! — рассмеялся Шустрик, шевеля своими короткими четырьмя пальцами. — Вот как должно быть! Правда, Лаэтан?

Все обернулись к девочке, поспешно сжавшей руки в кулачки.

— У всех у вас руки правильные, — уверила она, впервые чувствуя себя прямо-таки Мировым Судьёй. — И у всех у вас столько пальцев, сколько вам надо для этой жизни.

В комнату заглянул Эйвор. Окинул галдящую компанию взглядом и намеренно сурово произнёс:

— Так, малышня, прекратите шум и возню, Королёв охотников надо выспаться... Иначе он станет очень злой, и всем вам не поздоровится!

— Не беспокойся, папа, я сейчас же применю моё «верное, безотказное оружие».

Лаэтан ухватила бегунков за шкурки и тихонько подула в их мордочки. Глаза их сразу сделались сонными, шалуны сладко зевнули, потёрли вялыми лапками мордочки и, свернувшись калачиками на диване, уснули.

Звёздочка свесилась с плеча Лаэтан, с любопытством буравя ривера взглядом.

— А для меня ты сможешь что-нибудь сплести?

Сусенк кивнул.

— А фартучек?

Ривер, совсем по-человечески, неопределённо повёл плечами, мол: «Какая мне разница, что плести?»

— Разве ты умеешь плести не только кушачки? — удивилась Лаэтан.

Ривер перестал работать и с недоумением посмотрел на девочку.

— Конечно. Мы умеем плести всё, что требуется миротворцам.

Лаэтан почувствовала себя неловко. Отчего она раньше не догадалась спросить ривера об этом?

Звёздочка сползла с плеча Лаэтан и под села к риверу.

— А «мы» - это кто?

— Плетуны! — сказал он с гордостью, но тут же усы его поникли. Кажется, теперь он был уже не один из всех, а просто совсем один.

— А пойдёте гулять?

Звёздочка крепко ухватила ривера за кисть и, несмотря на его вялые возражения, увлекла за собой. Следом потянулся длиннющий кушак и разматывающиеся подпрыгивающие клубки.

Лаэтан подхватила дремлющих бегунков, вынесла их на травку, а потом подобрала оброненное плетение и уселась на крыльцо. Денёк был солнечный и тёплый, тревоги сами собой куда-то ушли, и жизнь потихоньку налаживалась. Ривер, кажется, уже не боялся Лаэтан, а если бегунки смогут вовлечь его в свои шумные игры и беготню, то на грусть у него совсем не останется времени.

Разомлев на солнце, Лаэтан начала уже задрёмывать, привалившись спиной к бревенчатой стене, когда из-за угла дома выглянула Звёздочка. Привлекая внимание девочки, замахала лапками, заговорщицки проговорила:

— А у Сусёночка есть ТАЙНА! — и тут же исчезла за углом.

— Тайна? — зевнула Лаэтан. — Ерунда какая-нибудь: нитки спутались, клубки разбежались...

Она опять начала клевать носом, когда услышала доверительный голосок Звёздочки, вновь показавшейся из-за угла:

— СТРАШНАЯ тайна!

— Что за тайна? — переспросила Лаэтан. — И почему «страшная»?

Звёздочка задумчиво потерла ухо.

— Не знаю. Просто «Очень Страшная Тайна, о которой нельзя никому говорить!»

Она махнула кисточкой хвоста и ускользнула прочь.

Лаэтан обхватила колени руками, подтянула их к подбородку и задумалась, с наслаждением повторяя про себя: «СТРАШНАЯ ТАЙНА, О КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ!» Вот это да! Она в жизни своей не знала ничего подобного, ни одной, даже очень маленькой страшненькой тайночки, и даже представить себе не могла, что бы это могло быть.

Любопытство, наконец, потянуло её на поиски ривера, и девочка пошла на вопли проснувшихся бегунков, надеясь именно возле них отыскать своего гостя. Всю четвёрку она нашла на поляне за домом: мальчишки-бегунки прыгали с большого камня на низко свешивающуюся с дерева ветку, хватались за неё лапками и повисали, раскачивались на

ней, вопя при этом от радости и щеютки в животе. Забыв о своём плетении, Сусенк с восторгом следил за ними, качая головой в такт самодельным качелям.

Лаэтан опустила на траву рядом с ривером, некоторое время следила за бегунками, но вскоре не выдержала.

— Это правда, что у тебя есть Тайна?

Ривер укоризненно взглянул на Звёздочку, скорбно вздохнул и вяло кивнул.

— А ты мне её откроешь?

— Нет, — ривер покачал головой, — я обещал.

При этом он посмотрел на Лаэтан таким печальным взглядом, что она сразу догадалась: Сусенк только и думает об этой тайне, на самом деле он был бы сам рад её открыть, но никак не может нарушить данное слово.

— Ну вот, — огорчилась девочка, — а я в жизни своей не знала ни одной страшной тайны.

Ривер поёрзал.

— Но ведь я обещал! Никому-никому не говорить. — Ривер вздохнул ещё тягостней. — И гулять я устал. Можно, я пойду, поработаю?

— Конечно. — Лаэтан задумчиво поерошила шёрстку на голове Сусенка.

— Ой! — испуганно сжался тот.

Девочка торопливо отдернула руку.

— Прости, пожалуйста! Я совсем забыла, что тебя нельзя трогать.

Сусенк пошевелил усиками, нервно почесал ухо.

— Не то чтоб уж совсем нельзя... просто это было неожиданно.

— А можно, я тебя ещё поглажу? Ты такой мягонький!

Девочка осторожно прошлась ладошкой по коричневому загривку Сусенка, нежно почесала его за прижатым чёрным ухом и... замерла, только сейчас вспомнив слова Орона: «Он не котёнок и не щенок, а такой же, как мы...» Хотела уже

прекратить, как Сусенк доверительно подставил другое ухо, и на его мордочке появилась робкая улыбка.

— Хорошо так... приятно даже... ещё бы и ниток побольше!

Лаэтан задумалась. Нитки она, конечно же, без труда раздобудет в селении, но вот что заказать плетуну, чтобы его труд не был напрасным?

— А ты мог бы сплести большую шаль?

— Мог бы, — уверил ривер. — А что такое «шаль»?

Лаэтан сбегала в дом, отыскала там любимую мамину шаль, единственную сохранившуюся вещь из прежнего мира, память о её сёстрах.

— Вот такую же сплетёшь?

Сусенк ухватил старую штопаную вещь, связанную из белого пуха горных коз. Медленно принялся водить пальцем по рядам и узелкам, что-то бормоча себе под нос.

— Ну и? — не выдержала девочка. — Сможешь?

— Хитрые переплетения. — Сусенк, уткнувшись носом в вязку, внимательно разглядывал её со всех сторон. — Но повторить можно. Надо нитки. Много. Пушистых.

— Будут тебе нитки! — оживилась девочка. — И если ты сможешь сделать такую же шаль, то это станет лучшим подарком королеве Сежи, а ты будешь лучшим плетуном в мире!

Глава 11

Наступил вечер. Сусенк усердно трудился над шалью и уже сплёл её порядочную часть, так что было ясно: работа выйдет на славу! Белые шерстяные клубки весело подскакивали в большом глиняном горшке, в который их положила Лаэтан, чтобы они не разбегались по полу. Глядя на ритмичные подпрыгивания клубков, Лаэтан почти задремала, примостившись на краю дивана, когда её вдруг осенила идея.

— А какое ты дал обещание, Сусенк?

Тот не сразу понял, о чём речь, но потом, подумав, повторил:

— Не открывать эту тайну миротворцам.

— Но я же будущая королева миротворцев! — вскинулась Лаэтан. — Ты давал обещание ничего не рассказывать королеве?

— Нет, — удивился ривер, — никто же не знал, что я увижу её и стану с ней разговаривать.

Девочка радостно захлопала в ладоши.

— Тогда, рассказав эту тайну мне, ты никак не нарушишь данного слова!

Ривер задумался. Получалось, что Лаэтан права.

Лаэтан огляделась по сторонам: не подслушает ли их кто ненароком? Ближе подвинулась к Сусенку, заложила светлую прядь волос за ухо, готовая всё внимательно выслушать.

Ривер беспокойно пошевелил пальцами, глубоко вдохнул, словно готовясь нырнуть в воду, и, наконец, решившись, рассказал Лаэтан такую историю.

Глава 12

Раз в три дня в селение риверов приходил посланник от миротворцев с перечнем того, что требовалось сшить, связать, или просто починить из одежды. Большое семейство плетунов ни от какой работы не отказывалось, терпеливо ожидая, пока посланник всё оставит в особой беседке на опушке леса, сделанной для такого случая. Позже, когда работа бывала окончена, миротворец забирал заказанное, не пересекаясь и даже не разговаривая с риверами.

Так происходило всегда в одно и то же время, из года в год и, наверно, из века в век, пока... пока несколько дней назад, когда риверы уже почти полностью выполнили поручения миротворцев, и только последнее платье осталось донести в заветную беседку, случилось ужасное: беседка оказалась пуста! Всё, что было сделано за три дня, бесследно исчезло!

Это было настолько неожиданно и необъяснимо, что риверы растерялись и просто не знали, что им делать. Ведь

никто в селении плетунов не отважился бы на столь дерзкий поступок, как забрать что-либо из вещей миротворцев, да и птица-сторожок не видела чужаков.

Боясь признаться миротворцам в случившемся, побросав другие дела, риверы всем селением спешно взялись за работу, и к приходу миротворца весь заказ был сделан заново. Но радовались бедные труженики рано: через два дня всё повторилось вновь. Никто днём не входил во владения риверов, но приготовленная одежда для миротворцев опять исчезла! Скорее всего, кто-то приходил в селение по ночам, когда все спали, и совершал своё ужасное дело — воровство.

После долгих тягостных размышлений риверы-плетуны решили отправить посланников в соседние поселения к риверам-кузнецам, стеклодувам, гончарам, сапожникам и столярам, чтобы узнать, не происходит ли и у них чего-нибудь странного, и не появляются ли в их селениях вещи миротворцев.

Но там ничего необычного не происходило.

Тогда риверы решили до прихода посланника не выкладывать свою работу в беседку, а держать её при себе до самого последнего момента. Но тогда случилось нечто ещё более пугающее: на следующее утро из селения пропало всё бельё, что сушилось на улице, исчезли занавески с открытых окон, и даже часть начатых тканей были просто выдернуты из ткацких станков.

Риверы были страшно напуганы и растеряны. Они уже не успевали выполнять задания миротворцев, на что посланник миротворцев оставил им пространную записку, в которой просил успевать делать работу в срок.

Плетуны попытались было выставить ночную охрану, но никто из них не отличался особой храбростью, и едва сторожа слышали ночью шорох в кустах, их как ветром сдуло. Все стали очень подозрительные и осторожные, начали запираť свои дома и прятать туда всё, что только было возможно. Вот на этом тревожном фоне проступок Сусенка, неосмотрительно подошедшего к дверям миротворцев, не прошёл безнаказанно. Его близкие решили, что он как-то замешан в «тёмном» деле.

Ривер замолчал в крайне расстроенных чувствах, борясь с желанием расплакаться. Молчала и Лаэтан, представляя себе одно чудовище ужасней другого, крадущееся во мраке ночи по маленькому поселению.

— Надо папе сказать! — решила она наконец. — Он человек, а не миротворец, значит, тайну ему доверить можно, к тому же... — Лаэтан чуть не сказала, что он Король охотников, но вовремя подумала, что слово «охотник» может напугать ривера. — Папа замечательно умеет разбирать следы! Он выследит и поймает того, кто ходит к вам по ночам.

Сусенк вытер влажные глаза и с надеждой посмотрел на Лаэтан.

— Ты думаешь, он сумеет? И не заботится?

— Уж «не заботится» - это точно, — усмехнулась девочка, представив, как обрадуется папа предстоящей охоте. — С утра прямо всё ему и расскажу. Так что пойдём спать, чтобы утро наступило поскорее!

Глава 13

Всю ночь Лаэтан беспокойно ворочалась во сне, ей чудились какие-то неясные тени, которые крались за ней по пятам, прятались то за стеной, то за занавеской, заглядывали в её комнату, желая что-нибудь стащить. Несколько раз она в тревоге просыпалась, торопливо нащупывала возле себя Сусенку и со вздохом облегчения укладывалась обратно на подушку. Не выспавшаяся толком, девочка, едва рассвело, открыла глаза и... даже не поняла спросонья, что именно она увидела, но в первое мгновение ей показалось, что на подушке рядом с ней сидят огромные белые пауки!

Отшатнулась с ужасом, но «пауки» метнулись за ней следом.

— Мама!!! — отчаянно закричала Лаэтан и, не помня себя, кинулась к комнате родителей.

Крик девочки буквально сбросил Эйвора с кровати, он распахнул дверь, с удивлением поглядел на ворвавшуюся дочь.

— Что это с тобой?

— Что с тобой, маленькая? — эхом вскрикнула Сежи.

— Что это со мной? — в ужасе, прошептала Лаэтан, чувствуя, что страшные пауки не отстали, а по-прежнему висят у неё на голове, вцепившись в волосы. — Снимите! Снимите их, немедленно!

Она в смятении обернулась к отцу, увидела своё отражение в большом зеркале, висящем у дверей, и потеряла сознание.

Подхватив оседающую дочь, Эйвор положил её на кровать и повернулся к Сежи.

— Ну, и как это надо понимать?

Волосы девочки были заплетены в тонкие косички, а косички хитро переплетены между собой, образуя подобие небольших арок.

Эйвор, склонившись над дочерью, попытался распутать плетение, но оно было сделано из таких мелких косичек и с такими хитрыми узлами...

— Ни за что не расплести, — подытожил Эйвор. — Зачем это сделано?

— Это всё ривер, — сказала Сежи, торопливо одеваясь. — Не понимаю: он что, сошёл с ума?

— Погоди-ка! — остановил её Эйвор. — Тебе, как королеве, не стоит туда идти, при твоём явлении этот ривер, чего доброго, тоже упадёт в обморок.... Пойду я, ведь я всего лишь человек. Надеюсь, со мной он будет откровенен?

Лаэтан открыла глаза, увидела лицо мамы и спросила с надеждой:

— Мне это приснилось? Ужасные пауки, что вцепились мне в волосы?

Сежи положила голову дочери себе на колени и ласково погладила по щеке.

— Ничего страшного не произошло. Просто твой маленький друг перестарался, делая тебе причёску.

— Сусенк? — Лаэтан села и ощупала голову руками. — Это ведь можно исправить? Да, мама?

— Мы что-нибудь придумаем.

Возвратился Эйвор, озадаченно потёр кончик носа при виде плетения на голове Лаэтан.

— Строгий, но справедливый Суд, в моём лице, провёл расследование и постановил... Ривер, конечно же, виноват, но у него есть смягчающие вину обстоятельства. Ночью, в темноте, ему было страшно, и он перебрался поближе к маленькой королеве. Но ему по-прежнему не спалось, а нитки, как назло, закончились, поэтому он принялся плести из того, что попало под руку...то есть, из волос Лаэтан. Вот оно и получилось — то, что мы теперь видим.

— Мои бедные волосики! — всхлипнула девочка, ощупывая голову и осторожно заглядывая в большое зеркало. — Он расплетёт всё обратно?

— Увы. Твой гость сказал, что расплести не умеет и что обычно очень туго затягивает узлы и петли....

— Ты же не хочешь сказать, что... — Слезы градом покатались из глаз девочки, и в бессвязном её бормотании угадывалось только: «стричь» и «налысо».

— Это всего лишь волосы, — пожал плечами Эйвор, — и они имеют свойство отрастать. К тому же и с короткой стрижкой ты останешься для нас самой красивой девочкой в мире. — Эйвор присел на корточки возле Лаэтан. — Вот сама посмотри на меня... — Эйвор тряхнул чёлкой и лукаво улыбнулся. — Разве с такой же причёской ты не будешь хороша?

Лаэтан согласно кивала головой, но плакать не переставала. И волос-то ей уже было не так жаль, но в горле стояла горечь от того, что такое с ней сделал Сусенк, милое создание, которое она хотела назвать своим другом.

Сежи погладила дочь по руке.

— Однажды, много лет назад, когда тебя ещё на свете не было, я увидела пророчество. Рядом со мной была девушка лицом похожая на меня, глазами - на Эйвора и с короткими волосами серебристого цвета. Я сразу поняла, что это моя будущая дочь. А если уже тогда было предreshено это, то о чём же теперь печалиться?

— Я думала, что он мне друг, а он... — всхлипнула Лаэтан.

— Да не сердись ты на него, — махнул рукой отец, — он же не со зла, а с перепугу.

— Друзьями так быстро не становятся, — поняла Сежи боль дочери, — для этого требуется время. К тому же он ещё совсем малыш, прости его.

— Мне так хочется иметь настоящего друга! — неожиданно призналась Лаэтан. — Неужели я так и состарюсь без него?

Глава 14

— Не бойся, я это делал уже тысячу раз, — проговорил, лукаво улыбаясь, Эйвор, звонко щёлкая в воздухе ножницами, — и это совсем не больно.

— Только не «налысо»! — прошептала Лаэтан, втягивая голову в плечи.

— Я обрежу до вот этих узлов... — Эйвор четырежды коротко резанул ножницами, и «страшные пауки» отвалились на пол, — а дальше мама постарается распутать. Здесь косички хоть и хитрые, но не такие запутанные, я верю, что она справится. Красота! — сказал охотник, обходя дочь кругом. — Тебе и расчёсываться станет проще, и голове будет легче. — Он отступил в сторону, освобождая место для жены.

Вооружившись расчёской и большой сапожной иглой, Сежи принялась терпеливо разбирать плетения ривера.

— Отлично, уже одну прядь спасли... и эту...

— А этот пучок ужасов лучше оттяпать! — Эйвор опять приложил ножницы к волосам.

Лаэтан почувствовала, как её бедной голове становиться всё легче и всё холоднее, и всё большее количество косичек усеивало пол вокруг. Из-под ресниц она украдкой взглянула на маму.

— Всё не так уж страшно получается, — ободрила та. — С этой стороны очень даже неплохо вышло, а с другой...

— С другой быстро отрастёт! — Эйвор перекинул несколько длинных прядей с одной стороны головы на

другую, пригладил их ладонью и удовлетворённо подытожил: — Жить можно!

Лаэтан осторожно заглянула в зеркало. На неё смотрел незнакомый взлохмаченный мальчишка с большими синими испуганными глазами. Она тронула себя за обрезки волос, так же, как отец, поспешно пригладила оставшиеся длинные прядки поверх коротких.

— Да уж... — протянула она. — Зато теперь от разбойников будет удобно отбиваться: стоит высунуть меня в окно, как все они в ужасе разбегутся! — Она внимательно взглянула в глаза отца и, опустив руку, так, чтобы не заметила мама, показала ему пальцами знак «трудности», а потом, покосившись на Сежи, добавила для надёжности: «секрет!»

— Где же нам взять для тебя разбойников? — задумчиво спросила Сежи, подравнивая волосы сзади.

— Да мало ли... — неопределённо пробормотала Лаэтан и, сделав отцу «страшные» глаза, повторила свои тайные знаки.

«О! — одними губами прошептал Эйвор. — Обожаю секретные трудности!»

— Что вы там шепчетесь? — спросила Сежи, не отрываясь от работы.

Эйвор почесал кончик носа, сверкнул глазами и притворно зевнул.

— Нет, ничего. Пойду-ка, проветрюсь.

— И я! Можно, мама? — Лаэтан поспешно отряхнула состриженные волосы и, уже не глядя в зеркало, выскользнула вслед за отцом.

Заговорщицки переглянувшись, Лаэтан и Эйвор уселись на верхнюю ступеньку крыльца, и девочка рассказала странную историю ривера.

— Ну и дела! — удивился охотник. — Я мало что знаю о Закрытом Городе, но разве возможно, чтобы туда проник чужак?

На крыльцо вышла Сежи, сразу заметила замолчавших мужа и дочь.

— Что тут замышляется?

Две пары синих глаз одинаково сверкнули на неё из-под белёсых чёлок.

— Нет-нет, здесь вовсе ничего не замышляется!

— Но я же вижу.

Сежи опустила на ступеньку между Эйвором и Лаэтан, мягко обняла их за плечи.

— Признавайтесь. Лучше по-хорошему.

Лаэтан поджала губу.

— Не могу. Это чужая тайна. Я дала слово!

— Вот как? Но я хотя бы могу надеяться, что вы затеяли хорошее дело?

— Да-да! — дружно закивали головами заговорщики.

— И мне не будет потом за вас стыдно?

— Не будет! — уверила Лаэтан.

— И моя помощь вам совсем не нужна?

— Нужна, — внезапно признался Эйвор. — Разрешите нам сделать то, что мы задумали, не спрашивая сути.

— Это как?

— Напиши на чём-нибудь: «Разрешаю. Королева Сежиен».

Сежи улыбнулась, потрепала две взлохмаченные макушки, с теплотой подумала: «Благодарю Тебя, Великий Создатель, за то, что они у меня есть!» Молча поднялась, вошла в дом и, взяв лист бумаги, написала на нём ровным почерком: «То, что делают Эйвор и Лаэтан, делается с моего согласия. Королева Сежиен».

— Мапочка, ты прелесть! — восхитилась Лаэтан, прочитав.

— Да ты просто чудо, — пробормотал Эйвор, складывая листок и убирая его в нагрудный карман. Подождал, пока Сежи уйдёт в дом и прошептал: — Надеюсь, ты не собираешься идти со мной к риверам?

— Конечно, собираюсь! Кто-то же должен провести тебя до места.

— А что, я уже потерял своё обоняние? — усмехнулся охотник.

— Глупыш! — снисходительно улыбнулась Лаэтан. — Ты же не королева! Волшебная преграда перед тобой не откроется.

— А! Значит, ты опять хочешь устроить превеликую суматоху у бедных мастеров?

— Прошу тебя, папочка, - хотя бы до той двери, где они живут! Я смогу подглядывать оттуда совершенно незаметно.

— Ладно, — смиловился Эйвор. — Есть у меня одна идея, которая поможет делу. — Он зачем-то сильно вздохнул волосы Лаэтан и задумчиво пробормотал: — Я всегда мечтал о сыне... и получить его вдруг сразу десятилетним... это же просто подарок судьбы! Пойдем-ка в селение и поищем для тебя подходящую одежду.

Глава 15

Голубая рубашка, чёрные мешковатые штаны и мужская тканая шапка, надвинутая на глаза, совершенно преобразили Лаэтан, превратив её в угловатого мальчика-подростка.

— Так, — придирчиво оглядев дочь со всех сторон, проговорил Эйвор. — Руки сунь в карманы... слегка ссутулься... ногами пошаркай... — Он показал, как следует ходить мальчишке, потом лениво попинал цветы под ногами, плюнул далеко в сторону и раскованно потянулся. — Вот, примерно так.

— Мальчики что, такие... неправильные? — усмехнулась Лаэтан.

— Правильные, правильные! Просто совсем не такие, как вы, девчонки. И в таком виде тебя не узнает никто. Я же могу прийти к риверам с сыном? У меня и разрешение на это имеется.

Лаэтан, по примеру отца, довольно усмехнулась, сшибла ногой цветок и, вспомнив, что так иногда делает папа, когда не брит, с силой почесала себя под подбородком.

— Здорово! Какое приключение у нас начинается! — Она запрыгала на месте, хлопая в ладоши.

— И думаю, твоего гостя пора возвращать домой, — посерьёзнев, сказал Эйвор. — Он тебе не игрушка.

Лаэтан вяло кивнула.

— Только сперва глаза ему завязать, — продолжил охотник — Нечего ему потом шастать туда-сюда, да водить к нам своих соплеменников. Его одного на нашу голову и то многовато.

— Хорошо, папа. А что мы скажем в селении риверов?

— Об этом не беспокойся.

Лаэтан ухватила отца за рукав рубашки.

— Только ты сможешь сам понести ривера? — умоляюще прошептала она.

— Всё ещё седишься на него?

Девочка кивнула.

— А хочешь, я сделаю из него чучело? — Охотник легко увернулся от шутивого тумака дочери. — Не хочешь? А зря. Поверь: от чучела будет гораздо меньше хлопот!

Смешно загребая ногами, Лаэтан прошла за отцом в дом и в гостиной заметила Орона. Он и Сежи, стоя в дальнем от окна углу, медленно вращали перед собой призрачный звёздный свод, что-то решая между собой. Заметив чужака боковым зрением, Орон взмахом руки быстро стёр наваждение и с неудовольствием оглянулся, и, хотя Лаэтан быстро спряталась за отцовской спиной, её странный вид был замечен.

Узнав в подростке свою любимую ученицу, Орон ещё сильнее нахмурился, обернулся к Сежи, ожидая объяснений. Но не успела Сежи и рта открыть, как Эйвор быстро достал из кармана белый лист бумаги с разрешением и помахал им в воздухе.

Молодая королева лишь пожала плечами. Что она могла объяснить наставнику дочери, если и сама ничего не понимала?

— Могу я узнать, что происходит? — ровно спросил Орон, поворачиваясь к Лаэтан и разглядывая её вкось обрезанную чёлку.

— Можешь, — снисходительно ответил Эйвор. Он, не спеша, с плохо скрытым торжеством, развернул листок бумаги, показал его миротворцу, подождал, пока тот прочтёт, и спрятал разрешение в карман. Проговорил для дочери так, словно миротворец уже растаял в воздухе: — Пойдём, малышка, у нас ещё очень много дел.

Охотник толкнул дверь в комнату Лаэтан. Девочка поспешила вслед за отцом, напоследок оглянувшись на Орона. Короткое движение рукой — и в воздухе возникло созданное ею маленькое наваждение: золотой светящийся мотылёк.

— Это, кажется, тебе, — сказала Сежи, двумя пальцами подловив мотылька и опуская его в широкую ладонь Орона, — как видно, с извинениями от твоей прилежной ученицы. Насколько я помню, ты сам дал ей несколько дней отдыха от занятий? Пусть побольше побудет с отцом.

— Но что вы сделали с её волосами? — спросил Орон, как бы случайно, на мгновение, прихватывая тонкие пальцы Сежи.

— Волосы имеют свойство отрастать, — Сежи отняла руку, отвернулась, скрывая румянец, и добавила едва слышно, но строго: — Не нарушай закона... миротворец!

— Моя королева, — Орон с поклоном отступил на шаг, — прошу простить. Виноват.

Глава 16

Ривер сидел на кровати Лаэтан, почти с головой замотанный в огромную воздушную белую шаль.

— Ты закончил? — спросил Эйвор, наклоняясь над ним. — Это очень кстати. Я собираюсь сходить проведать

ваше племя... э-э, то есть, ваших мастеров, чтобы разобраться, кто там вас навещает по ночам. Могу заодно вернуть тебя домой. Хочешь? Ты ведь, наверно, сильно скучаешь по своим?

Ривер хлюпнул носом и кивнул. Потом скосил глаза на Лаэтан, сидевшую перед ним на корточках.

— Я сплёл тебе шаль, — пробормотал он печально, отодвигая невесомые складки от себя, — такую, как ты хотела.

— Какая она чудесная! — искренне поразились девочка. Она взяла шаль в руки, накинула на себя, и довольно зажмурилась, ощущая теплоту и воздушность этой вещи. — Ты самый лучший из плетунов в мире, мама будет так рада!

Эйвор наставил на ривера палец.

— Я слышал, что ты умеешь хранить тайны, и доверяю тебе. Ты должен пообещать нам... твоей королеве и мне, что ты ничего не расскажешь другим риверам о том, где ты был, что делал и что видел. Всё, что потребуется, я расскажу сам.

Сусенк кивнул.

— И даже если тебе покажется, что я говорю странные слова, ты со всем должен соглашаться и ни в чём мне не возражать.

Сусенк кивнул снова.

— Ну, что ты всё головой мотаешь? — проворчал Эйвор. — Скажи: «Клянусь! И чтобы мне сдохнуть, если нарушу эту клятву!»

— Папа! — вскинулась Лаэтан. — Можно без плохих слов?!

Но Сусенк, серьёзно глядя на охотника, неожиданно ровно повторил все слова клятвы.

— Так?

— Да. А теперь я завяжу тебе глаза, чтобы ты не запомнил путь, по которому мы пойдём.

Он старательно завязал риверу глаза лентой Лаэтан, подхватил его на руки и, осторожно выглянув за дверь спальни, прислушался.

— ... тройская династия предшествует Лао-иням, — донесся негромкий голос Сежи с крыльца. — Нам её никак нельзя зацепить!

— Там достаточно большое временное разветвление, — возразил голос Орона. — И воздействие вскоре затухнет.

Эйвор покачал головой; эти дела Сежи и её миротворцев всегда оставались для него чем-то непостижимым.

— Они заняты, — шепнул он Лаэтан, знаками показывая, чтобы она не шумела, выходя в гостиную. — Быстренько двигаемся в Закрытый Город!

Лаэтан первая шмыгнула в запретную дверь, чутко прислушалась к тишине дома миротворцев и махнула отцу рукой: можно!

Ни один звук не родился под лёгкими танцующими шагами Короля охотников; словно бесплотная тень, скользнул он по полированному каменному полу, вслед за своей провожатой.

Прошли первую анфиладу красивых узких залов, отделанных сине-голубым камнем с узорчатым витиеватым рисунком. Полированный иссиня-черный пол, как и прежде, мерцал золотистыми вкраплениями, мраморные колонны поддерживали арочные перекрытия, а молочно-белый потолок источал белый ровный свет.

— Смотри, этот свет совсем не распадается на лучи! — сказала Лаэтан и заметила, как погрузился отец.

— Да, — только и ответил он, нимало не удивляясь, будто уже видел подобное раньше.

— Это здесь! — торжествующе прошептала девочка, прижимая ладонь к обманчиво гладкой каменной стене.

Короткий оценивающий взгляд охотника не заметил никаких изъянов, но стена вдруг, словно сотканная из воздушных струй, легко разошлась в стороны.

— Хитро, — одобрил Эйвор, — и совсем не заметно. — Он заглянул в открывшийся проход. — Много у них подобных дверей?

— Не знаю. Я видела только эту.

— Впрочем, им же нужна защита только от арахонцев, которые случайно могут проникнуть сюда через наш дом. И множество других дверей с защитой делать совсем ни к чему.

Они вышли к зеленоватому тоннелю, сложенному из стеклянных арочных блоков.

Эйвор сбился с шага, замешкался, прильнув к одной из стеклянных стен.

— Идем дальше, здесь нет ничего интересного, — поторопила Лаэтан, — только морская вода, да изредка проплывают какие-то большие рыбы или животные.

— Это совсем не вода, — мрачней, проговорил Эйвор, глядя в глубину, — и не животные....

По размытым силуэтам он легко угадал причаливающие к материнскому кораблю космические катера и небольшие суда, различил бело-красные огни маяков на открытых чёрных шлюзах.

«Вот он, путь домой! — подумал он вдруг, неотрывно следя за медленно оторвавшейся от корабля светлой точкой, которая быстро набрала скорость, вспыхнула вдесятеро ярче и стремительно исчезла на фоне слабо различимых через толстое стекло миллиардов звёзд. — Вот она — свобода». Но вместо удивления или радости ощутил внутри себя горечь и пустоту, как от неожиданно раскрывшегося обмана. Эйвор с досадой покачал головой: восемнадцать лет он прожил в деревянном доме без электричества, скрывая от всех тоску по цивилизации, а оказалась, что желанное было так близко!

— Да идём же! — Лаэтан оторвала Короля охотников от стены, потянула за собой в круглый зал с рифлёной стеклянной колонной посередине. — А здесь я нашла открывающуюся вверх дверь! — похвасталась она. — Только я с ней не справилась и спустилась вон по той лестнице.

Нисколько не удивившись, Эйвор прикоснулся к выступающему из стены квадрату. Рифлёное стекло в колонне с лёгким шелестом поднялось вверх.

— Это лифт, — сказал он, входя внутрь, — здесь всё очень просто.

— Откуда ты всё знаешь, папа? Ты уже был здесь?

Эйвор помедлил, что-то решая про себя, и синие глаза его приобрели стальной оттенок.

— Лет двадцать назад у меня тоже был звёздный корабль. — Он подождал, пока Лаэтан войдёт следом за ним, и спросил её необычным для себя, бесстрастным голосом: — Вниз? На два уровня? Тогда надо коснуться здесь, — он провёл пальцем по огонькам на серой ленте. — Запоминай, это тебе может пригодиться, если ты надумаешь и дальше бывать здесь.... А для возвращения - вот эта клавиша. Я же говорю, здесь всё очень просто.

В этот миг пол ушёл из-под ног Лаэтан; она ахнула, вцепилась в руку отца, с удивлением заметила, как та непривычно холодна.

Кабина остановилась, дверь ушла вверх. Лаэтан перевела дух:

— Уж лучше бы мы пошли по лестнице.

Она уже вышла в зал, но Эйвор отчего-то всё медлил, остановившись прямо над неширокой щелью между полом и дверью. Он устремил взгляд вниз; глаза его при этом хищно сузились, а ноздри раздулись, жадно хватая поднимающийся из глубин воздух. По спине прошёл холодок, как при близкой опасности, а дух захватило от внезапно открывшейся реальной возможности СБЕЖАТЬ. Даже под ложечкой засосало от волнения, которого он не испытывал столько лет!

«Семь уровней вниз. — Эйвор легко расчленил все запахи на составляющие и прочитал их, словно открытую книгу. — Причал, ангары, заправщики и шлюзы, всё там.... Каких-то смешных сто метров! Каких-то десятков дверей, которые откроет Лаэтан, а разрешение Сежи, так неосто-

рожно ею данное, легко снимет все возникшие вопросы!» Правая рука судорожно сжалась в кулак, словно захватывая в ладонь рычаг управления и поднимая его в предстартовое положение.... От явственного предвкушения взлёта мурашки побежали по спине.

— Папа! Что с тобой? — вывел охотника из оцепенения голос дочери.

Лаэтан настороженно заглянула в глаза отца. Никогда прежде не видела она его таким собранным, отстранённым и чужим.

«Он заглотил наживку!»

С потолка опустились тонкие серые нити и оплели охотника по рукам и ногам.

«Не торопись, не дави не него, сорвётся!»

«Согласен. Столько лет я ждал этого момента... подожду ещё немного...» — нити ослабили свою силу, позволяя охотнику дышать...

«Уита не брошу, — твёрдо сказал сам в себе Эйвор, — и Лаэтан». Он уже чувствовал её руку на своей руке, но никак не мог полностью возвратиться к реальности, словно пребывая в полусне. «А Сежи?» — спросил он строго сам себя.

«А её в этой жизни всё устраивает. Она и сама не пойдёт и меня не отпустит!»

Почувствовав вдруг возникшее в душе сильное раздражение на ту, которая, как теперь казалось, долгие годы держала его в плену, охотник сжал ривера так, что тот пискнул, заелозил под плотно прижатой рукой.

Лаэтан с трудом вынула ривера из одеревеневших рук Эйвора и силой вытащила отца за пределы кабины.

«Не спеши, — неожиданно вкрадчиво подсказал внутренний голос охотнику. — Чтобы обойти охрану Орона и увести у него из-под носа Лаэтан, нужна подготовка и подходящий момент. Жди. Думай. Всему своё время, и сейчас оно ещё не пришло».

Эйвор тряхнул чёлкой, ощущая себя просыпающимся от сна, посмотрел в испуганные глаза дочери и невпопад соврал:

— Прости, я что-то задумался. — Внутреннее напряжение и душевная боль потихоньку отпускали его, позволив мыслить трезво. — И ты, Сусенк, прости, я не хотел тебя напугать.

Он открыл дверь, ведущую в мир риверов, и замер на краю огромной цветочной поляны.

Глава 17

Попав в незнакомое место, наполненное новыми запахами, Эйвор словно пробудился. Ожидаемая возможность поохотится на неведомого грабителя преобразила его. Охотник заулыбался, засиял глазами, сказал, потирая кончик носа:

— М-м! Здесь чудесно. Можешь освободить своего ривера.

Лаэтан сняла повязку с глаз Сусенка, опустила его на тропу.

— Не волнуйся, всё будет хорошо. Иди к своим и скажи, что два человека, посланные королевой Сежи, пришли, чтобы найти грабителя.

Король охотников посмотрел на следы, оставленные ривером на фальшивой, а потом на настоящей дорожке, легко отличая одно от другого, проследил за острокрылой птицей, которая, сделав над головами людей виток, быстро скрылась за макушками невысоких деревьев.

— Это и есть птица-сторожок? Да, мимо такой незамеченным можно проскользнуть только ночью. — Он оглядел небо без солнца и облаков, стену, на которой было искусно нарисовано продолжение луга, проворчал чуть слышно: — Камер слежения не заметно... доверяют друг другу. — И уважительно покивал головой: — Неплохо... весьма неплохо... Будь я ривер, мне бы определённо нравилось здесь жить.

Чувствуя, как скрипит под ногами песок, как сильно пахнет цветами и близким лесом, они дошли до широких,

плетёных из гибкого хвороста ворот. Заглянув в щель между прутьями, увидели деревья-дома с круглыми окнами, неширокую утоптанную площадку и небольшую группку риверов, обступивших понурого Сусенка.

— Папа, сделай что-нибудь поскорее, — прошептала Лаэтан, — а то они его накажут!

Эйвор распахнул створку ворот, медленно и важно вошёл в поселение и с неожиданной галантностью раскланялся перед замершими в изумлении риверами.

— Приветствую уважаемых жителей этого поселения, славных мастеров из касты плетунов! Меня зовут Эйвор, я посланник самой королевы, отправленный ею оказать вам помощь в поимке похитителя...

Риверы не шевелились, словно маленькие деревянные столбики, расставленные тут и там, и только чёрные влажные носики их трепетали, ловя дух чужаков.

— А это мой сын и верный помощник Лаен. — Эйвор указал на свою дочь, робко стоящую у него за спиной.

— Какой ещё Лаен? Разве у мальчиков может быть такое девчонское имя? — сердито прошептала девочка, тыкая отца пальцем в бок. — Мог бы придумать покрасивее.

— Имя как имя, — едва слышно отозвался охотник. — Так звали одного моего друга... в прошлой жизни.

Эйвор обернулся к боязливо толпящимся в отдалении другим риверам, явно собирающимся улизнуть, и продолжил громче:

— Королева Сежиен поручила мне поблагодарить всех вас за неутомимого мастера, который выполнил для неё невероятно сложную работу, — Эйвор отвесил важный поклон в сторону Сусенка, — сплёл Большую Королевскую Шаль!

Лаэтан что-то шепнула отцу на ухо, и тот продолжил свою возвышенную речь:

— В благодарность за хорошо проделанную работу, королева награждает этого замечательного мастера собственным именем. И теперь все вы должны звать его Мастер Сусенк!

— Я не слишком переигрываю? — почти одними уголками губ спросил охотник.

— В самый раз. Они же такие доверчивые!

Риверы загомонили, бросились к Сусенку и принялись его нежно обнимать и гладить по спине.

— Смотри, папа, они вовсе не сердятся на Сусенку, они его любят! А он-то как рад их видеть! — Лаэтан, растрогавшись, утёрла глаза рукавом.

— Вот именно, любят. А некоторые приходят без спроса, хватают их любимого собрата, уносят невесть куда... Думаешь, они не переживали за него? Думаешь, его мама тайком не плакала?

Лаэтан потёрлась носом о плечо отца.

— Он ничего не говорил про свою маму, но всё равно мне очень стыдно. Что я могу сделать для него теперь?

— Оставить в покое. Да и я был бы рад, если бы всякие плетуны не путались дома под ногами.

— Но папа... он же мой друг!

— Интересно, догадывается ли он об этом? К тому же друзей не обязательно похищать и держать взаперти, можно просто приходиться к ним в гости... — Эйвор откашлялся и продолжил свою речь, обращённую к риверам. — Королева надеется, что вы окажете Мастеру Сусенку подобающие почести, и назначила Лаена поверенным в делах с вами. Теперь он сможет приходиться от неё к вам, с заказами, в любое время. Ему же вы сможете открывать все свои трудности, о которых не решаетесь рассказать миротворцам. Лаен — совсем обычный человек, вам разрешается и смотреть на него и говорить с ним.

— Я складно вру? Будь ты ривером, поверила бы ты мне? — опять едва слышно спросил Эйвор.

— Вполне. На состязании врунов ты занял бы первое место!

Риверы робко приблизились к Лаэтан, с любопытством разглядывая светловолосого худенького мальчика, а некоторые даже осмелились потрогать его за штаны. Лаэтан

растаяла от нежности и уже готова была расцеловать всех риверов селения, когда голос Эйвора вернул её к действительности.

— Ну, показывайте скорее: где у вас тут бродят чужаки?

Риверы вновь сбились в кучку, настороженно поводя усиками.

— Сегодня мы заметили вон там, — один из мастеров указал в сторону леса, — большие страшные следы... Мы теперь боимся ходить в ту сторону!

Эйвор решительно направился в указанном направлении, быстро обнаружил среди редкой, растущей на песке травы глубокий изгибающийся след, словно по траве что-то волокли. Уже менее заметный, след шёл от леса до домиков риверов, «подходя» по очереди к каждому, а потом снова уходил в сторону леса.

Охотник присел возле следа, осмотрел его с разных сторон, чутко обнюхал и сказал в некотором замешательстве:

— Хм-м-м. Да-а.

Лаэтан присела рядом, измерила пальцами ширину оставленной борозды и поёжилась.

— Змея? Такая огромная?

Девочка настороженно оглядела ближайшие заросли и на всякий случай пододвинулась поближе к отцу. Заметив это, риверы ещё дальше отошли от леса, сбились в кучку, озабоченно шушукаясь.

— Глупости. — Охотник указал рукой вдоль следа. — У змеи он был бы зигзагообразный, и песок с краёв осыпался бы внутрь... Здесь же след ровный, и песок откинулся в стороны... Это что-то волочили!

— Дохлую змею! За голову! — холодея, выпалила Лаэтан.

Эйвор неодобрительно покосился на дочь, опустил на четвереньки, поворошил рукой траву и вскоре отыскал выемку с глубоко вдавленными внутрь ветками и травой.

— А вот это уже след от ноги. — Он поставил свой сапог внутрь следа, раза в два превышающего его размер, и озабоченно потёр кончик носа. — Здоровый он, однако!

Эйвор проследил взглядом направление и медленно пошёл к близлежащим зарослям, почему-то глядя вверх и что-то там высматривая.

— Вон! Видишь? Ветка сломана, и кора содрана, — он указал на ближайшее молодое деревце. Подпрыгнул и с трудом достал до повреждения. — Вот какого он роста!

Лаэтан испуганно схватила отца за рукав.

— Пойдём обратно, а, папа? Вдруг он сейчас следит за нами из кустов?

— Вот уж нет! Я намерен найти его и посмотреть, кто это.

Эйвор отцепил от себя дочь и слегка подтолкнул её обратно к селению.

— Подожди меня там и успокой малышей-риверов. Видишь, как они напуганы? А я сейчас... я быстренько...

Эйвор направился к замеченному пролому в кустах.

— Не ходи туда, папа! — отчаянно крикнула Лаэтан. — Он съест тебя!

— Как же он меня съест, — пробормотал Эйвор, — если он не живой?

— Не живой? — с ужасом повторила Лаэтан.

— Не живой! — ахнули с десятков тонких голосов, и несколько мастеров осели в обмороке.

Эйвор, оглянувшись, неодобрительно покачал головой.

— Нельзя же так! Побудьте здесь. Я скоро.

Глава 18

По тому, как хорошо была натоптана тропа, Эйвор понял, что похититель был здесь частым гостем. При внимательном обследовании охотник нашёл и обрывки шерстяных ниток, зацепившихся за сучки деревьев, и чёрное маслянистое пятно. Охотник давно предположил, что для кражи вязаных изделий у малышей риверов злодей использовал какой-то механизм, но зачем? Сами кражи связанных и сшитых вещей были так нелепы, что у Эйвора не рождалось ни одного предположения об истинной их цели.

Внезапно тропа закончилась, упершись в стену с нарисованным лесом, который перерезала узкая щель двери с простым кодовым замком на высоте человеческого глаз. По тому, как некоторые цифры были сильно сбиты и исцарапаны, Эйвор легко определил те из них, что чаще всего использовались, и, перепробовав несколько вариантов, заставил замок открыться.

Сразу за дверью оказался огромный тоннель, несколько не походивший на чистый коридор, по которому Эйвор дошёл до мирка риверов. Здесь было темно, сыро, в нос бил запах ржавого металла и затхлости. Эйвор прикрыл за собой дверь, подождал, пока глаза привыкнут к сумраку, и огляделся. В слабом свете редких фонарей он различил толстые маслянистые кабели, уложенные вдоль стен, сложное переплетение трубопроводов и какие-то непонятные охотнику технические коммуникации. На время Эйвор потерял след; он уже не мог глазами различать его на шершавом металлическом полу и почти не чувствовал обонянием, так как резкий дух металла и затхлости перебивали все остальные запахи. Но, логично предположив, что деваться тут больше некуда, решил просто идти дальше, в надежде, что загадка вскоре разрешится.

Прикрыв рот воротником от рубашки и стараясь глубоко не вдыхать мёртвый застоявшийся воздух, который мог расстроить чуткое обоняние, Эйвор прибавил ходу, старательно избегая грязных лужиц, натекавших со стен.

— Гнусное местечко! — пробормотал он, ускоряя шаг и едва не пропустив небольшой обрывок шерстяной нити, зажатой одной из закрытых дверей.

Охотник приложил к дверям ухо, чутко прислушался — тишина. Осторожно потянул за металлическую ручку и втянул воздух из открывшейся узкой щели. Запах был вполне жилой. Приоткрыл дверь шире. Обычный коридор, смахивающий на гостиничный, ряды одинаковых дверей с номерами и символами, холодное серое освещение и мягкое покрытие пола, на котором отпечатались влажные, ржавого цвета следы. Хорошо заметные, следы эти ушли совсем недалеко и скрывались за четвёртой от охотника дверью.

Эйвор выглянул в коридор. Увидел в конце его расширение наподобие конференц-зала, по которому сновали человеческие фигуры. Помедлил, решая, стоит ли прямо сейчас выйти и закрыть за собой дверь - или провести здесь ещё некоторое время, наблюдая из укрытия?

Решил, что стоит рискнуть и сходить на разведку, пока никого нет поблизости. На цыпочках подкрался к найденной двери, приложил ухо к холодному пластику и прислушался. Тишина. Внезапно соседняя дверь бесшумно открылась, отъехав в сторону. Молодой миротворец, отрезая охотнику путь к отступлению, шагнул в коридор, нос к носу сталкиваясь с Эйвором.

Секундная заминка со стороны обоих, недоумение на лице миротворца, и быстрое его движение рукой к груди, явно для поднятия тревоги.

— Стойте! — властно остановил его охотник. — Ни к чему поднимать тревогу. Я муж королевы Сежиен — Эйвор; думаю, вы слышали обо мне.

Миротворец, одетый в серые шелковистые одежды (как сразу смекнул охотник: ещё не дослужился до голубых), с гладко зачёсанными назад длинными светлыми волосами, окинул Эйвора оценивающим взглядом. В глазах его отразилось одновременно и понимание, и досада: наверно, совсем не таким представлялся ему царственный выбор Властительницы.

— Я нахожусь здесь по распоряжению королевы. — Чтобы не испугать незнакомца резким движением, Эйвор не торопясь вынул из нагрудного кармана листок с разрешением.

Миротворец бесстрастно прочёл, и ничего больше уже не отразилось на его лице. Он степенно поклонился, прижав ладонь к груди.

— Могу я вам помочь?

— Да. — Эйвор указал на дверь, к которой вели, скорее всего, только ему одному заметные следы. — Кто здесь живёт?

Миротворец посмотрел на символы над дверью.

— Никто. Это служебное помещение.

Он прикоснулся к клавише на стене, и дверь легко отъехала в сторону.

Внутри помещения было темно и тихо, но Эйвор сразу же заметил того, кого искал: двухметрового человекоподобного робота-андроида, стоящего в углу. У ног его была улика — ещё не высохшая ржавая лужица.

— Благодарю, больше от вас мне ничего не требуется, — сказал Эйвор миротворцу, — а я ещё немного побуду здесь.

Он тронул выключатель, пробуждая серый сумеречный свет, и внимательно разглядел похитителя. Теперь ему было ясно, с помощью кого исчезали вещи плетунов. Оставалось выяснить: зачем?

Уловив движение в помещении, андроид «проснулся» и выжидающе посмотрел на Эйвора.

— Желаете отдать вещи в стирку?

— Нет. Желая задать тебе несколько вопросов...

Но получать ответы от автомата оказалось нелёгким делом, и прошло ещё не менее четверти часа, прежде чем Эйвор докопался до истины.

Глава 19

Много лет подряд этот андроид исправно выполнял свою работу: в полуночный час он покидал свою коморку и принимался собирать по коридорам из специально устроенных для этого ниш всё, что нуждалось в стирке и чистке. Всю ночь он стирал и гладил бельё, чистил обувь, а под утро разносил всё по своим местам, никогда не путая вещи заказчиков.

Но некоторое время назад миротворцы, по-видимому, обзавелись более совершенной системой. Андроиду было велено теперь в бесшумном режиме заниматься чисткой напольных покрытий, в ниши не соваться, миротворцев не беспокоить.

Но на покрытие уходило совсем немного времени, а старая программа стирки была сродни неуголимому

голоду, она постоянно требовала добычи новых и новых вещей! Приказ миротворцев и старая программа вступили в противодействие друг с другом, и бедный андроид, скорее всего, просто перегорел бы от натуги, если бы... бродя по тайным закоулкам своего мира, он вдруг не обнаружил место, где было полно нестираной одежды и где вовсе не было никаких ниш и миротворцев! Случилось чудо, приказ не был нарушен, а профессиональный голод был утолён. Вот только... вот только селение риверов оказалось несколько дальше обычного маршрута. Пока андроид добирался до риверов, пока возвращался, пока стирал и гладил, наступало утро, и включалась установка, запрещающая покидать убежище в дневные часы. Когда же наступала следующая ночь, бедный андроид никак не мог вспомнить, у кого и где он брал вещи. В его скудной памяти просто не было для этого места.

— Так где же всё то, что ты собрал и не вернул? — задал резонный вопрос охотник.

— Не востребованные вещи отправляются на склад временного хранения.

Андроид толкнул одну из настенных панелей, и она, отъехав в сторону, открыла обширный проём. От пола и до потолка, на полках, лежали ровными рядами аккуратно выглаженные, пахнущие цветочной отдушкой вещи риверов!

В коридоре раздались приглушённые покрытием шаги.

«Трое. Весьма уверенные в себе. Кто-то из охраны, — подумал Король охотников, — как видно, миротворец не поленился-таки поднять тревогу». Эйвор принял начальственную позу — руки за спину, заложил на лбу суровую морщину и, как бы нехотя обернувшись, увидел в дверях именно тех, кого и ожидал увидеть.

Хмурый, коротко стриженный, худой миротворец в чёрном комбинезоне, с серебристыми знаками отличия на рукаве, сопровождаемый здоровенными вооружёнными андроидами, у которых были закрыты щитками лица, встали перед дверями, перегораживая выход. Цепко оглядев Эйвора, службист процедил:

— Кто вы?

— Муж Властительницы Сежиен, Эйвор Ренкор. Послан ею к вам с особыми поручениями. — Эйвор показал уже изрядно потрёпанный листок бумаги и, посчитав, что на данном этапе ему терять нечего, но, если задумка удастся, он приобретёт больше, чем мог мечтать, добавил: — Мои слова сможет подтвердить миротворец Орон.... Вы ведь знаете такого?

Начальник безопасности отступил на шаг назад, в свойственной миротворцам манере уставился в пустоту, что-то быстро уточнил у невидимого охотнику собеседника, кивнул, и, возвратившись назад, молча встал перед Эйвором.

«Ну и?» — вскинул охотник брови, не понимая, прошёл он проверку или нет.

— Что вы хотите? — холодно спросил службист.

Эйвор незаметно перевёл дух, смерил взглядом офицера с головы до ног и ответил ещё более бесстрастным тоном:

— Вы не представились.

— Начальник Службы Безопасности Заршен Ехтон.

— Что ж, Зар, начнём с простого. — Охотник холодно улыбнулся. — Известно ли начальнику СБ, что вот уже около двух недель селение риверов подвергается грабежу?

Ни один мускул не дрогнул на лице у Заршена, но зрачки его глаз расширились, а подскочивший адреналин заставил кожу выделить запах страха. Неужели на подведомственной ему территории произошло преступление, о котором он ничего не знал?

Эйвор выдержал длительную паузу, изображая из себя хмурого всезнайку рангом гораздо выше того, кто был перед ним.

Наконец железные скулы Заршена дрогнули, а брови встали домиком.

— Мне об этом ничего не известно.

Эйвор снисходительно покачал головой.

— Мне пришлось провести небольшое расследование, и вот доказательства моих слов. — Эйвор мотнул головой

в сторону заполненных стеллажей. — Чего вам не хватает, дорогой мой начальник... всё-таки безопасности, а не камбуза... людей, техники или простого профессионализма, чтобы уследить за подобными «мелочами», происходящими в зоне вашей ответственности? Какой-то свихнувшийся андроид совершенно бесконтрольно перемещается по жилым зонам, вытворяя всё, что взбредёт в его больную голову. А если в какой-то момент в его руках окажется оружие?

Заршен издал испуганное «кх» и сразу сделался ростом ниже на пару сантиметров.

— Мы всё исправим.

— Теперь вопрос несколько сложнее, — сказал Эйвор, улыбаясь службисту, словно тяжело больному, — что у нас с графиком прилётов и отлётов?

— А что у нас с графиком? — осторожно поинтересовался тот, — всё вроде бы в порядке.

— Так ли? — ехидно переспросил охотник, понимая, что в портовой зоне невозможно, по множеству объективных причин, всегда точно выдерживать заранее заданные временные параметры.

— Бывают иногда... незначительные сбои и задержки...

— Да-да? — поддержал его Эйвор. — И на этой неделе...

— Да. И на этой неделе было... пару раз.

— Покажите мне всю документацию по этому вопросу! — велел Эйвор.

Службист тягостно задумался, пытаясь понять, к чему приведёт это расследование и, видимо, вспомнив о каких-то намеренно скрытых огрехах, ещё немного уменьшился в росте.

— Идёмте.

Быстро прошли до конца коридора, на лифте спустились на две палубы вниз.

— Координационный центр, — сказал офицер, предлагая Эйвору войти.

В большом тёмном помещении, чьи границы трудно было различить, угадывались с десятков раздельно стоящих миротворцев с отрешённо-сосредоточенными лицами. Передвигая перед собой широкие, неосязаемые, светящиеся «ленты», по которым пробегали разноцветные всполохи, они то скручивали их спиральями, то комкали в сферы, а то растягивали в тонкие трескучие нити, явно создавая какую-то новую реальность, которая, может быть, отражалась на работе корабельных механизмов - или изменяла что-то в других галактиках. Технологии миротворцев были настолько несхожи с земными, человеческими, что охотник даже приблизительно не мог понять, чем заняты все эти «хирурги» мироздания, творящие нечто здесь и сейчас.

Вот стоявший поблизости от охотника миротворец вдруг начал, словно фокусник, вытягивать из раскрытой левой ладони искрящиеся голубые нити. С явным усилием он протаскивал их вверх и назад, отпускал, и нити так и оставались висеть в воздухе, размеренно мерцая и плавно изгибаясь. Вот он резко сжал ладонь, обрывая начало, и принялся как бы упорядочивать их в воздухе, непонятным охотнику способом. Нити от этого еле слышно потрескивали, и в воздухе разливался запах электричества.

Стараясь не таращить глаза по сторонам, чтобы не выдать себя неосторожным взглядом, Эйвор придал своему лицу самое пресно-унылое выражение, как если бы он только и занимался подобной рутинной работой, которая навевала на него одну только скуку.

— Надеюсь, — сказал он негромко службисту, — вы понимаете всю конфиденциальность моей миссии. Никто не должен знать, кто я и зачем сюда прибыл.

— Да, — совсем не понимая, что здесь делает Эйвор, согласился его провожающий.

— Мне нужен один специалист, которому вы в полной мере доверяете. Я проведу своё служебное расследование.

Службист молча, знаком, подозвал одного из миротворцев в серебристых одеждах, что-то прошептал ему на ухо. Тот с готовностью прочертил в воздухе перед глазами Эйвора

полосу, которая тотчас наполнилась неведомыми ему символами.

— Так, так, так... — задумчиво пробормотал охотник, внимательно разглядывая символы и как бы постепенно что-то для себя понимая. — А за предыдущий период?

Миротворец послушно добавил ниже нечто, такое же непонятное.

— Вот, — ткнул Эйвор наугад пальцем, и обернулся к службисту. — Посмотрите сами.

— Что-то не так? — переспросил миротворец в серебристом.

— Не ваше дело! — Эйвор сокрушённо поцокал языком и, внимательно, со значением, заглядывая в глаза службиста, одними уголками губ проговорил: — Сравните сами.

Покраснев от натуги и, по-видимому, тоже не слишком хорошо понимая записи, но боясь в этом напрямую признаться, начальник охраны промышчал что-то вроде: «Ну... э-э... понимаете ли...»

— Вы думаете, что это происходит само собой? — многозначительно понизил голос Эйвор. — Вы в самом деле так думаете? Не-ет! Этому есть совсем другое объяснение, и оно вас, как начальника безопасности, совсем не порадует!

Службист хрустнул суставами пальцев, нервозно переступил с ноги на ногу, не понимая, какие же выводы следует ему сделать, но догадываясь, что добром для него служебное расследование не закончится.

— Я вас не тороплю и вернусь сюда завтра, — милостиво склонил голову Эйвор. — Хочу поскорее довести до сведения королевые факты происходящего в вашем ведомстве.

— Да, — понуро кивнул Заршен.

— Подготовьте мне пропуск на все нижние палубы и освободите мне в помощь этого миротворца. Дня на три, не более.

Эйвор принял от службы безопасности небольшой чёрный пластиковый прямоугольник пропуска и сердито

помахал им перед носом Заршена, показывая, за кем здесь остаётся последнее слово.

— Готовьтесь! Я намерен вскрыть всё, что скрывалось от глаз Властительницы, и берегитесь, если в этом есть и ваша вина. Пришло время всему тайному стать явным.

Глава 20

Эйвор и Лаэтан возвратились домой к обеду, и Сежи тотчас подметила перемену, произошедшую с её мужем. Никогда прежде не был он так хмур и нервозен. Что-то буркнув в ответ на её вопросы, он залез в кладовку и, оттяпав ножом здоровенный ломоть копчёного мяса, уселся за стол в одиночестве, мрачно грызя мясо и постукивая по столу рукоятью ножа.

Перебирая в уме множества объяснений такому странному поведению, Сежи подождала, пока Лаэтан переоденется в обычное своё платье. Подавая на стол тарелки с горячей кашей, стала терпеливо выслушивать восторженные рассказы дочери о том, как она познакомилась с целой сотней замечательных маленьких риверов, как она ужасно испугалась, думая, что неведомый огромный похититель съест папу, и как, в конце концов, мастера радовались тому, что все страхи остались в прошлом. Не упомянула она только о странных «серых нитях», увиденных ею в лифте, и о том, как опасение снова пересечься с ними побудили девочку на обратном пути подниматься с отцом по лестнице.

— Я возвратила Сусенка, — поделилась своей печалью Лаэтан, — но ведь дома ему лучше, там его друзья и родные... Жалко, что из-за меня в их селении возникло столько хлопот и волнений.

— Ты сможешь навещать его... иногда, с разрешения Орона, — успокоила Сежи.

— Ой! Я совсем забыла, ведь Сусенк оставил тебе подарок. — Лаэтан принесла из своей комнаты новую шаль, набросила её на плечи матери. — Теперь ты, наконец, сможешь выбросить свою старую, штопанную!

Сежи с грустью обняла дочь.

— Спасибо, маленькая моя, за заботу, я обязательно буду носить ваш чудесный подарок, но и старую шаль не выброшу. Её вязали руки моих сестёр, вплетая в узоры свою любовь. Это единственное, что осталось мне от них, поэтому, для меня, эта штопанная шаль ценнее всех других, пусть даже очень дорогих, вещей.

Она украдкой взглянула на мужа. Тот был замкнут, если не сказать мрачен, и молчалив.

— Что с тобой? — спросила Сежи, присаживаясь рядом. — Что тебя так беспокоит?

«Не говори! — внезапно предупредил Эйвора внутренний голос. — Подумай о своей жизни: о потерянной, вернее, украденной у тебя счастливой жизни Короля охотников! Скоро придёт старость, а за ней немощь.... Кому ты будешь нужен тогда, ведь королева миротворцев так и останется молодой. Не жди, пока она оставит тебя, уходи первым!»

Этот голос зацепил за живое. Эйвор хмуро глянул на Сежи, нервно побарабанил пальцами по столу.

— Бардак в твоём королевстве, милая!

Сежи вздрогнула от этого жёсткого «милая», сказанного, словно чужим человеком.

— Что так? — спросила она осторожно и попыталась поправить загнувшийся воротник мужа, но он дёрнулся в сторону так, словно её прикосновение было ему неприятно.

— Сумасшедшие андроиды делают всё, что им заблагорассудится... и никому нет до этого дела! Да и кроме этого, я заметил немало того, на что вы, вечно занятые своими непонятными фантазиями, просто не обращаете внимания. — Эйвор в нетерпении заелозил ногами по полу, вновь нервно застучал пальцами по столу. — Я сам хочу заняться этим. Завтра. Ведь можно?! — он с такой яростью повернулся к Сежи, что та отпрянула.

— Как хочешь, — ответила она тихо, надеясь, что он заметит, какую боль он причиняет ей своей резкостью.

Но Эйвор только подпёр голову рукой и мрачно задумался. Он уже примерно представлял, чего теперь хочет.

Если удастся заложить в план вылетов ещё один, уже для себя, то система охраны никак на него не среагирует. Никто не будет знать, что этот вылет несанкционированный, и не поднимет тревогу.

Охотник посмотрел невидящим взглядом на Сежи: словно сквозь туман различил её большие, печальные, серые глаза, мягкие серебристые волосы. В сердце шевельнулась ещё не умершая нежность.

«Не смотри на неё и не думай о ней! — снова велел внутренний отрезвляющий голос. — Ты размякнешь, отступишь и потеряешь последний шанс уйти и этим вернуть свою настоящую жизнь! Она не жалела тебя, ни-ког-да! Ты просто игрушка в её руках, маленький ручной зверёк, вроде ривера!»

Эйвор с силой сжал рукоять ножа, лежавшего рядом на столе, чувствуя внезапную ярость, которой требовался выход. С неудовольствием повёл носом, чуя недавнее присутствие Орона.

— Орон! Везде этот Орон! — Охотник с силой вонзил нож в стол. — А если бы рядом со мной всегда была юная, красивая, смуглая арахонка? Всегда! Днём и ночью, и здесь за столом... и в моей спальне? Как отнеслась бы ты к сопернице?

— Но почему? — опешила Сежи, не находя причины для его внезапного гнева и чувствуя, как больно вонзаются в сердце его слова. — Разве я хоть раз дала тебе повод к ревности?

— Да просто потому! — посмотрел он внезапно совсем чужими, потемневшими от гнева глазами. — Я тоже король, Король охотников, и мне тоже нужна помощница в делах! Отчего я не могу иметь то, что имеешь ты?

Он вскочил и быстро вышел из дома, намеренно громко хлопнув дверью. Лаэтан замерла, чувствуя, как в горле встал ком, а глаза наполнились слезами. Никогда в жизни не

видела она отца таким и даже не представляла, что он может так грубо разговаривать с мамой.

«Лучше бы меня здесь не было вовсе!» — с болью подумала она, зажмуриваясь и втягивая голову в плечи.

— Прекрати немедленно! — велела Сежи, замечая, как исчезает дочь. — Только твоих наваждений мне ещё не хватало! — Она сжала виски пальцами, пытаясь унять головокружение, и быстро ушла в Запретный Город.

— Ужас, — прошептала Лаэтан, поднимая упавшую на пол новую мамину шаль и закутываясь в неё с головой. — Ну, почему так случается в жизни? Почему нельзя, чтобы всегда всё было хорошо?

Девочка вышла из дома и, ничего не замечая на своём пути, побрела в сторону леса. День, начавшийся с досадного обстригания волос, и заканчивался из рук вон плохо!

Глава 21

Лаэтан бесцельно побродила вдоль берега, издали поглядывая на свой дом и ожидая, что, может быть, папа возвратится и всё станет по-прежнему. Покидала камушки в море, но настроения любоваться его красотой, да и вообще гулять не было.

— Ну, и пусть! — пробормотала она сердито, возвращаясь к дому и залезая на своё любимое Дерево Раздумий — место, где можно было спокойно порешать все возникшие за день вопросы, не беспокоясь, что тебя найдут или помешают. — Буду здесь сидеть до тех пор, пока они не поймут, что так нельзя! — сказала девочка вслух, словно надеясь, что произнесённое слово быстрее дойдёт до родителей и они больше никогда не будут ссориться.

Она ловко вскарабкалась на высокую, толстую, отполированную её частым сидением ветку и поболтала в воздухе ногами. Орон говорил, что деревья дают силу и лечат. Наверно, это и вправду было так, потому что вскоре Лаэтан успокоилась и задремала.

Прошло довольно много времени, прежде чем она проснулась. Ноги от не слишком удобной позы затекли, а вечерний ветер принёс с моря сырость и холод. Девочка плотнее закуталась в тонкую шаль, не спасающую от холода, и, вытянув шею, посмотрела сквозь ветви дерева на свой дом. Света в окнах или его отблесков не было видно, а из трубы не тянулся дым. Дом, очевидно, был пуст, а значит, ни мама, ни отец ещё не возвратились.

Лаэтан опять загрустила, перебирая в памяти события прошедшего дня. Ей всё казалось, что если ещё немного подождать, на крыльцо обязательно выйдет мама и позовёт: «Лаэтан! Где ты, маленькая?» А потом рядом с ней окажется отец, зашумит, засмеётся, закричит на весь лес: «Мышка! Пора домой!» — но ни мама, ни отец всё не выходили и не выходили.

Совсем стемнело. Лаэтан прижалась щекой к ещё немного тёплому стволу дерева, досадуя на данное самой себе слово «не слезать, пока родители не помирятся», которое теперь мешало ей возвратиться в свою уютную комнату. В глубине души родился страх, что, если она не выдержит взятого на себя испытания, то и родители никогда больше не станут прежними. Она плотнее вжалась в ствол дерева, пытаясь черпать из него остатки дневного тепла и силы.

— Неужели никого не волнует, что на дворе ночь, а ребёнка нет дома? — пробормотала она, с досадой вдруг заметив, что влипла и щекой, и волосами в смоляную дорожку, потёкшую по стволу. — Только этого мне и не хватало! — Она попыталась очистить щёку от смолы, но лишь сильнее перемазалась. — Ну, отчего так бывает в жизни? — приуныла она, увидев, что и край новенькой белой шали прилип к дереву. — Всё хорошо-хорошо, а потом раз - и всё сразу плохо! — Она прижала к глазам шаль, пахнущую Сусенком, и тихо расплакалась.

«Прекрати ныть!» — неожиданно велел чей-то задорный незнакомый голос.

Лаэтан вздрогнула, испуганно огляделась, но никого рядом с собой не увидела. Понятное дело, что среди ночи,

на сыром ветру, на одиноком дереве, кроме неё, никого не могло быть.

— Вот до чего довели дочку свою, — сказала сама себе шёпотом, — уже совсем с ума сошла!

Она уж было собралась и дальше лить слёзы, как голос упрямо повторил:

«Прекрати! Не терплю плача!».

— Ты кто? — испуганно спросила девочка, вновь внимательно оглядываясь и даже приносясь.

«Я Кит», — ответил некто, и Лаэтан поняла, что слышит не ушами, а внутри своей головы, в ней теперь даже появилось странное непривычное напряжение, вроде сдавливания.

— И впрямь с ума сошла, — ужаснулась девочка, не зная, что ей теперь с этим открытием делать.

«Ты не сумасшедша, — уверил голос весело, — «просто мне стало скучно, и я решил с тобой немного поболтать».

— Как же я тебя слышу, но не вижу?

«Какая ты глупая! Ты меня слышишь потому, что я говорю с тобой, а не видишь, потому что я далеко».

— А ты кто такой, Кит? — Лаэтан подождала ответа, но его не было. — Ты ещё здесь? — осторожно спросила она.

«Нет. Я не здесь. Я же сказал тебе, что далеко!»

— Не сердись! — Девочка испугалась, что потеряет неожиданного собеседника. — Мне здесь очень... печально. Поговори ещё со мной?

«Ладно».

— Расскажи мне о себе, — попросила Лаэтан. — Какой ты?

«Не хочу, — отказался невидимый собеседник, — мне про себя говорить скучно. Я про себя всё уже знаю. Я...» — Последовало быстрое описание, из которого Лаэтан не поняла ровным счётом ничего.

«А ты кто?» — Голос проявил неподдельный интерес.

— Я Лаэтан.

«Лаэтан — это что?»

— Это имя. А так я девочка.

«А девочка — это что?»

Лаэтан опешила, не понимая, как можно объяснить это понятие.

— Ну, знаешь, есть девочки, а есть мальчики... мы с ними разные...

«А! Вы делитесь по половому признаку?»

— Ещё есть тётеньки и дяденьки, бабушки и совсем немного дедушек...

«Ого! У вас шесть уровней? Здорово! Больше пяти я пока не встречал!»

Лаэтан подумала, что её новый знакомый что-то не так понял, но он не дал ей времени на объяснения.

«А какая ты на вид?»

— Я? — Лаэтан задумалась, впервые пытаясь как-то себя описать, — у меня длинные... ой! Были длинные, светлые волосы... синие глаза...

«Волосы — это что?» — не унимался Кит.

— Это на голове, они тонкие и их много.

«А светлые — это что?»

Лаэтан растерялась. Никогда прежде ей не приходилось объяснять столь очевидные вещи!

— Ну, тёмные, это когда ночь и ничего не видно, а светлые — когда есть солнце и от него становится светло, —

пояснила она, сильно смущаясь от того, что не смогла дать более внятный ответ.

«Понял, — обрадовался голос. — А что такое глаза?»

— А ты чем видишь?

Кит выдал некое путаное объяснение, из которого Лаэтан сделала следующий вывод:

— Так вот это у меня синего цвета. То есть, цвета моря... Цвета, когда много-много воды.

«Здорово! — восхитился Кит. — Ты шестиуровневое существо со светящейся, как солнце, головой и водяными глазами. Такое мне ещё не попадалось! А ты старая или нет?»

— Мне только что исполнилось десять.

«Что это значит?»

— Э... в два года я была совсем маленькая, а в сорок буду старушкой...

«Так ты почти серединная?! — опять обрадовался голос. — Совсем как я! А что ты сейчас делаешь? Почему грустишь?»

Лаэтан терпеливо принялась объяснять своему новому знакомому, что такое дерево, почему она сидит на нём и не слезает, но теперь ей уже совсем не хотелось плакать.

«У вас есть стоячая вода?» — неожиданно спросил Кит.

— Стоячая? — не сразу поняла девочка. — А! Есть, конечно же. А тебе зачем?

«Если ты подойдёшь к воде и посмотришь в неё, то увидишь своё отражение, и тогда и я тоже смогу тебя увидеть».

— А! Так для отражения у нас есть зеркало! Оно куда лучше стоячей воды.

Лаэтан спрыгнула с дерева, влетела в дом и остановилась перед большим зеркалом, торопливо приглаживая взлохмаченные пряди волос.

— Ты ещё здесь, Кит? Смотри!

Лаэтан даже расширила глаза, чтобы Киту было лучше видно.

«Ой! — ужаснулся её новый знакомый. — Какая же ты страшненькая!»

— Вовсе я не страшненькая, — обиделась девочка. — Некоторые даже говорят, что я красивая.

«Нет, ты страшненькая, и даже очень! Прости, но вытерпеть твой вид я не в силах».

Напряжение в голове ослабло, и Лаэтан поняла, что Кит оставил её.

— Ну вот, даже неизвестно кто не хочет со мной дружить... — Девочка внимательно посмотрела на своё отражение, на стриженные лесенкой некогда красивые волосы, теперь к тому же измазанные смолой, и вздохнула: — И вправду страшненькая.

Нет, жизнь явно не задалась.

Глава 22

Всю ночь Лаэтан во сне упорно преследовал какой-то чёрный человек. Ей никак не удавалось ни убежать от него, ни спрятаться: какое бы тайное убежище она ни находила, чёрный неясный силуэт с ужасающей неминуемостью появлялся рядом и протягивал к ней руки, стараясь схватить. Лаэтан пыталась кричать, звать на помощь, но звук никак не вырывался из её горла, а ноги, сделавшиеся ватными, не помогали избежать преследования.

Вдобавок неведомо откуда взявшиеся в её сне арахонские дети смеялись над ней и обидно дразнились, и Лаэтан вдруг поняла, что совершенно лысая!

Измученная бесконечным бегством и насмешками, разбитая и не выспавшаяся, она села на кровати, чувствуя головокружение, и только тут осознала, что кто-то давно и настойчиво зовёт её по имени.

«Разве можно столько спать, Лаэтан?» — пробился, наконец, к её сознанию вчерашний знакомый.

— А ты откуда здесь, Кит? — проворчала девочка, снова укладываясь на постели. За окном только-только занимался рассвет.

«По моим подсчётам, ты готова проспять половину жизни!»

«Пусть, — подумала Лаэтан, переворачиваясь на другой бок. — Нам, страшеньким, это можно!» Она плотнее натянула на уши одеяло, но голос в голове не унимался.

«Не расстраивайся! Не всем же дана такая красота, как мне. Я подумал об этом и понял, что, если не буду видеть твоего отражения, то вполне смогу вытерпеть твоё общество».

— Какой ты великодушный, — проворчала Лаэтан, почёсывая голову под слившимися от смолы волосами, — даже и не знаю, как тебя теперь благодарить....

«Можешь не благодарить, — снисходительно отозвался Кит, — моя доброта, как и красота, являются одними из сотен замечательных качеств, мне присущих».

— Хорошо, я уже не сплю. Чего ты теперь от меня хочешь?

«Покажи мне свой мир. Откровенно признаюсь, что мне лень путешествовать физически, перемещая по поверхности своё прекрасное тело, но вот мысленно заглядывать в разные уголки вселенной мне очень нравится».

— Заглядывать в разные уголки вселенной, — мечтательно повторила девочка. — Это и вправду должно быть интересно!

Лаэтан быстро оделась и, услышав в спальне родителей тихие шаги матери, постаралась неслышно выскользнуть через окно во двор.

— Я покажу тебе лес, огромное море и свой дом... но попозже.

«Лес, море и дом. Как здорово! А что всё это такое?»

Глава 23

Неизвестно, где всю ночь пропадал Эйвор, но возвратился он только к завтраку, возбуждённый, с горящими глазами, однако при этом необычайно молчаливый. Не поцеловав жены и, кажется, вовсе не заметив её присутствия, он уселся за стол, сцепил перед собой пальцы и уставился в пустоту.

Сежи хотела осторожно прочесть его мысли, но за годы совместной жизни охотник научился их мастерски скрывать.

— Сок будешь? — спросила Сежи, ставя на стол перед мужем тарелку с ароматной запеканкой, только что вынутой из печи.

— Угу, — ровно ответил тот, явно не расслышав ее вопроса.

— Где ты был? — заглянула в стальные глаза мужа Сежи. — Я волновалась....

— Были дела, — безучастно ответил Эйвор, принимаясь за еду. Погружённый в свои мысли, он явно не чувствовал вкуса и не видел ничего вокруг.

— Поохотиться хочешь? — спросила Сежи, чтобы понять: слышит ли вообще её муж?

— Угу, — отозвался Эйвор, не осознав вопроса.

С улицы прибежала Лаэтан. Окинув родителей странным блуждающим взором, села к столу и принялась поспешно уминать запеканку, запивая её молоком.

— А с тобой что случилось? — насторожилась Сежи. — Ешь, пожалуйста, спокойнее. Или ты куда-то торопишься?

«Ты так аппетитно думаешь о еде, — в этот момент признался Кит девочке, — что я, пожалуй, тоже подкреплю свои силы.... Не плачь обо мне, я скоро вернусь».

— Я и не плачу, — пожала плечами Лаэтан и, заметив удивление мамы, быстро поправилась: — Ем спокойно, никуда не спешу.

Девочка и в самом деле постаралась принять свой самый обычный вид, надеясь, что мама больше ни о чём расспрашивать не будет.

Сежи закусил губу, незаметно, исподволь наблюдая за мужем и дочерью. В их доме стали происходить странные, необъяснимые вещи: вот горящий блуждающий взгляд Эйвора, скользя по комнате, зацепил Сежи.... Охотник вздрогнул, возвращаясь к реальности, нахмурился, быстро отвернулся.

— У тебя всё хорошо? — спросила Сежи, по-прежнему не находя причины столь резкого его изменения.

— Да. — Он нервно поскрёб пальцами по столешнице и неожиданно твёрдо закончил: — Всё очень хорошо!

«Он нашёл себе женщину среди арахонок, — вдруг предположила Сежи, холодея от этой мысли. — Вот почему он так странно возбуждён, и вот почему завёл вчера разговор о нужной ему помощнице!» Серые глаза Сежи потемнели, ревность начала разжигать в груди свой неугасимый огонь.

Кто же сможет теперь помочь ей и разъяснить дело? Орон? Кто как не он мог скрытно всё разведать? Нет, только не Орон! Признаться ему, что Эйвор предпочёл ей, королеве, кого-то из воинственных арахонок? Нет, её женская гордость такого вынести не могла!

Внезапно, ни слова не сказав, охотник вскочил из-за стола, поискал что-то взглядом по комнате и быстро вышел из дома.

— Станный он какой-то, да, мама? — пробормотала Лаэтан. — Тебе не кажется?

— Кажется, — сдавленно согласилась Сежи, размышляя как бы осторожно разузнать у дочери ужасное... Не пахнет ли от её отца чужой женщиной? Нет, такой позор она должна пережить сама!

— И этот запах... — подумав, продолжила Лаэтан, словно угадав мысли матери.

— Да, — испуганно согласилась Сежи, не зная, как повернуть дело в нужную ей сторону. — Не пойму только, что это... Мой нюх ведь не чета твоему.

Лаэтан с отвращением пофыркала, потёрла нос ладонью.

— Пахнет металлом, разными механизмами, — девочка хорошо запомнила запах следа андроида, и смогла сопоставить с ним череду новых, ей пока не знакомых, — и ещё чужими людьми.

— Людьми? Чужими? Да где же он нашёл у нас чужих людей?

— Это миротворцы, из Закрытого Города, — пояснила Лаэтан и, почувствовав, что в голову ей возвратился Кит, встала из-за стола. — Прости, мама, но у меня дела.

Глава 24

Лаэтан показала новому знакомому всё, что он захотел увидеть, и почувствовала, что тот заскучал. Испугавшись, что скоро он оставит её насовсем, умоляюще попросила:

— А я не могу, как-нибудь, хоть одним глазком, увидеть твой мир? Ведь я никогда в жизни не видела никакого другого, а мне тоже было бы интересно на него посмотреть!

«Да смотри, кто ж тебе мешает?»

— Но как?

«Найди место потише да потемнее, и иди на мой голос... Только не своими кошмарными длинными ногами, а...» Кит сказал что-то сложное, но Лаэтан, кажется, поняла, что он имел в виду.

— Тёмное тихое место? — Девочка улыбнулась. Она знала одно такое замечательное место.

Стараясь не привлекать к себе внимания, на цыпочках пробралась в дом, юркнула в свою комнату и открыла дверцу шкафа.

— Лучшего места в нашем мире не найти.

Чувствуя себя птенцом в гнезде, Лаэтан поудобнее устроилась среди мягких и тёплых зимних вещей. И почти тотчас унеслась вслед за манившим её голосом Кита.

Словно в коротком сумбурном сне, мелькнули хороводы звёзд, какие-то неясные тёмные спирали, и... Она вдруг явственно ощутила, что стоит на твёрдой земле. Сверху, в бордово-оранжевом небе плыли вытянутые дымные облака, чем-то похожие на серые водоросли. Вяло колыхаясь на ветру, словно в воде, они загибали концы петлями, расслаивались и так уходили за горизонт. Тусклое маленькое солнце с трудом пробивалось сквозь эту пелену, освещающая всё мрачным бордовым светом: оплывшие горы какого-то бурого вещества, из которого то тут, то там выглядывали куски то ли металла, то ли просто сгнившие деревьяшки и коряги. Ни деревьев, ни домов, ни чего-то другого, известного Лаэтан, девочка не смогла увидеть.

«Это мои горы, — важно сказал Кит, — всё, что ты видишь вокруг, принадлежит только мне, и никому больше».

— Ты можешь подойти ближе? А то я никак не могу разглядеть: что это за штуковины там торчат?

Мир, вздрогнув, ушёл вниз, потом резко приблизился, так что в животе возникло щекочущие ощущение падения, и тёмные кучи стали немного ближе.

— Ты что, прыгаешь? — догадалась девочка.

«Конечно! Так гораздо быстрее перемещаться, чем переставлять ноги по одной, как ты... Попробуй потом сама, тебе понравится».

Лаэтан внимательно вгляделась в «горы», борясь с желанием протянуть руку и пощупать их.

«Они твёрдые внутри, — подсказал Кит, — но мягкие снаружи и легко осыпаются. Прыгать по ним совсем неудобно, а в некоторых местах даже опасно».

Мир вздрогнул ещё раз, одна из гор стала ближе, и Лаэтан с удивлением осознала, что она похожа на рыболовную лодку, сделанную целиком из железа и перевернутую вверх дном, в которую зачем-то натыкали разные по длине шипы. Лаэтан не раз видела проржавевшие подковы и гвозди, и теперь была уверена, что видит нечто, сотворённое руками, а не природой.

— Эти твои «горы» кто-то сделал из металла. Но они очень долго лежали здесь, поэтому и стали такие ржавые, — задумчиво проговорила девочка. — Кто ещё живёт в твоём мире, кроме тебя?

«Никто! Я бы никого не пустил! Вот разве ещё есть мой дедушка, но он живёт так далеко, что я его никогда не вижу».

Небо прочертила яркая вспышка, которую Кит проводил взглядом, и Лаэтан имела возможность её немного рассмотреть.

— А это что было? — поинтересовалась она, прислушиваясь, но, похоже, звуки чужого мира были ей не доступны.

«Не знаю. Ерунда какая-то. Она часто тут летает, а потом падает, да так сильно, что земля подпрыгивает».

— Как интересно! — восхитилась девочка. — А это точно летает одна и та же ерундовина? Она что, потом взлетает? Или их много? А потом, когда они падают, они ломаются?

Кит задумался, запутавшись в обилии вопросов. Мир ещё несколько раз ушёл вниз и приблизился так быстро, что в животе стало щекоотно, а голова закружилась.

— погоди, не прыгай немного, у меня от этого голова кружится, — попросила Лаэтан.

«Этих штуквин действительно много, — после длительных раздумий согласился Кит. — И они часто падают. Иногда они ломаются очень громко, а иногда просто тихо лежат целые. Один раз одна такая упала здесь неподалёку. Сначала меня ослепил яркий свет... потом раздался такой грохот, что я едва не умер... меня подняло вверх и бросило в сторону... а потом, на этом месте, я нашёл стоячую воду».

— Здорово! — обрадовалась девочка. — Так значит, и я смогу тебя увидеть?

«Конечно. Только мне придётся туда прыгать».

Лаэтан сжала руками живот и на несколько мгновений приоткрыла один глаз, стараясь больше видеть внутренность шкафа, а не другой мир.

«Можешь посмотреть», — разрешил Кит.

Лаэтан увидела перед собой маслянистую чёрную поверхность, которая была очень чёрной и гладкой, и вряд ли вообще была водой. Она потянулась к ней, отыскивая отражение Кита, и увидела... существо, похожее на большой бугор, с одним глазом во лбу, которое смотрело на неё с поверхности. Лаэтан невольно отпрянула, уткнувшись в стенку шкафа.

— Это ты?! — спросила она, едва сдерживаясь, чтобы, как и Кит, не закричать: «Какой же ты страшненький!» — И у тебя всего один глаз?

«Почему же один?» Ещё два круглых чёрных глаза, расположенных на том месте, где обычно положено быть ушам, повернулись и уставились на девочку. Почувствовав, что ей становится дурно, Лаэтан только и сказала:

— Прости, мне надо домой! — и в панике выскочила из шкафа.

— Что такое? — На шум в комнату заглянула Сежи.

Девочка бросилась к ней, торопливо обняла за пояс и, дрожа, прижалась к матери всем телом.

— Ужас! Я сейчас встретила одного... Даже не знаю, как описать... всё равно что мальчика-жабу с тремя глазами!

— Что значит «встретила»? — бледнея, спросила Сежи. — Наверно, придумала?

— Нет, я его встретила. И разговаривала с ним, только не у нас, а там... далеко среди звёзд!

— Среди звёзд? — разом севшим голосом проговорила Сежи.

— Да. Он позвал меня к себе, и я увидела его планету.

Придя в невероятное волнение, Сежи схватила дочь за руку и так сильно мысленно позвала Орона, что Лаэтан стало больно в голове.

«Орон! Скорее сюда! Беда!»

— Да что ты так волнуешься? — попыталась успокоить её девочка. — Кит только на вид страшный, а так он хороший и не сделал мне ничего плохого.

Сежи не отвечала, крепко сжимая руку Лаэтан, но в глазах её бился такой страх, что девочке тоже стало страшно.

Орон пришёл быстро. С немим вопросом: «Что случилось?» — глянул на Сежи.

— Она была ЗА ПРЕДЕЛАМИ! ОДНА! БЕЗ ЗАЩИТЫ!

Орон переменялся в лице, что-то мысленно ответил Сежи и, повернувшись к Лаэтан, внимательно посмотрел ей в глаза.

— Проверь, пожалуйста, сам, — попросила Сежи. — Всё ли с ней в порядке? Я слишком волнуюсь и могу ошибиться. — Она отпустила руку дочери и отступила на шаг.

Орон сосредоточился, поднёс раскрытые ладони к лицу Лаэтан и, не прикасаясь к девочке, медленно повёл ладонями вниз, опускаясь до самого пола.

— Я не вижу изменений.

Сежи облегчённо перевела дух.

— Тогда давай вместе!

Они некоторое время по-всякому испытывали Лаэтан, прежде чем Орон заключил:

— Да. С ней действительно всё в порядке!

Сежи крепко обняла дочь, не в силах сказать ни слова.

— Что вы все так переполошились? — удивилась Лаэтан.

— Просто так, без защиты и подготовки, нельзя уходить к звёздам, — холодно сказал Орон. — Это всё равно что идти ночью в незнакомый лес, полный хищников и врагов, без огня и оружия. Один из чужаков отпустит тебя уже изменившуюся, другой вернётся вместо тебя в твоё тело, а от кого-то ты и вовсе не сможешь вырваться.

Лаэтан испуганно прижалась к матери.

— Почему вы раньше мне об этом не говорили?

— Способность «уходить» появляется, когда миротворец взрослеет, — ответила Сежи. — В первый раз я смогла услышать чужой зов и прийти на помощь в семнадцать лет. Тебе же сейчас всего десять!

— Но это ведь совсем не сложно! — удивилась девочка. — Мне кажется, я могла бы делать это и раньше, просто никто меня не звал.

Сежи и Орон переглянулись.

— Твой отец — человек. Мы боялись, что у тебя вообще никогда не проснутся эти способности.

— Теперь вы запретите мне так делать? И я больше никогда не услышу Кита? — грустно спросила Лаэтан. — Он, конечно, странный, но со временем я могла бы считать его своим другом.

— Вотсе нет. Ведь слышать чужую боль и приходить другим на помощь — это предназначение королевы миротворцев. Просто мы научим тебя делать это безопасно для себя.

Глава 25

На тропе, ведущей к дому, показался Эйвор. Сежи, заметив его через окно, испуганно округлила глаза.

— Орон, прошу тебя, уйди, пожалуйста, скорее... В последнее время Эйвор стал невыносимо ревнив.

— Хорошо. Я постараюсь не попадаться ему на глаза. — Орон открыл дверь в Закрытый Город и на пороге обернулся, сказав как бы между прочим: — Ты знаешь, что он ходит к нам?

— Пусть! — торопливо замахала рукой Сежи, боясь, что Эйвор вот-вот войдёт в дом. — Я разрешила. Если ему это так надо, пусть немного развеется!

Эйвор открыл дверь, словно вовсе не замечая свежего духа Орона, спокойно оперся спиной о косяк двери. Задумчиво велел Лаэтан:

— Принеси воды.

Отхлёбывая из кружки родниковую воду, сумрачно посмотрел на дочь.

— Я опять сделала что-то не так? — осторожно спросила девочка, старательно избегая странного давящего взгляда.

Эйвор небрежно поставил кружку на подоконник, несколько раз сжал и разжал кулаки.

— Мне интересно: вот если бы тебе лично пришлось выбирать... и выбор был бы твой совершенно свободным и добровольным.... Всю жизнь прожить королевой миротворцев, в плену непрерывной слежки Орона, бесчисленных ограничений и в одиночестве? Или... или ты стала бы Королевой охотников, по-настоящему свободной, когда ничего, кроме направления ветра и настроения, не влияют на твой выбор пути? Жить там, где захочется, идти куда глаза глядят и любить того, кого полюбишь?

Лаэтан задумалась, ощущая, как замерла за её спиной Сежи, кожей ощутила её волнение. Девочка поёжилась; она терпеть не могла вопросов на тему: «Кого ты больше любишь, маму или отца?» — которые ей иногда задавали в детстве арахонцы. Это было так же глупо, как если бы спросили: что

тебе нужнее — руки или ноги? Как она смогла бы прожить без того или другого? И теперь она чувствовала, что вопрос этот задан отцом неспроста, и если бы не присутствие мамы, девочка могла бы с лёгкостью ответить так, чтобы польстить самолюбию отца, но что ответить сейчас, когда они оба рядом?

«Прости, мама, — подумала Лаэтан специально так, чтобы Сежи её услышала, — ты видишь: ему плохо... Я должна ему помочь!»

— Быть Королевой охотников, конечно, интереснее! — сказала девочка, беря отца за холодную, крепко сжатую в кулак руку и незаметно передавая ему свою любовь и силу. — Свободная, весёлая жизнь, полная приключений нравилась бы мне больше, чем скучные занятия с Ороном. Я не смогла бы кого-нибудь из зверей убить, но наблюдать за ними, особенно за диковинными животными, мне кажется занятием очень увлекательным.

Эйвор внезапно повеселел и снисходительно взглянул на жену.

— Вот видишь, чего в действительности хочет моя дочь! — И, погладив Лаэтан по голове, вкрадчиво спросил: — А хотела бы ты путешествовать со мной? Увидеть новые места, отдохнуть, быть может, встретить новых друзей?

— Хотела бы, — серьёзно ответила девочка, пытаясь, по привычке, накрутить локон на палец, совсем забыв, что он стал теперь вдвое короче.

— Что значит «путешествовать»? — насторожилась Сежи. — Куда это вы собрались?

«Не отпусти! Ни тебя, ни дочь, — проснулся внутренний голос Эйвора. — Велит сменить все коды на корабле, поставит дополнительную защиту, усилит контроль! И это НАВСЕГДА!»

— Я хотел бы устроить нам с Лаэтан небольшой поход на озеро Грёз, — сказал Эйвор после некоторых раздумий, старательно придавая своему лицу самое добродушное выражение, — лёгкое путешествие для уже повзрослевшей девочки и засидевшегося дома охотника. Всего два дня

приятной прогулки — и перед нами возникнет изумительной голубизны озеро. Леса вокруг красивейшие, цветы и ягоды на лугах, птички поют, бабочки порхают, в озере рыбы не меряно, красота! И никаких хищных зверей крупнее мыши. Ты ведь не боишься мышей, Лаэтан? А ещё мы возьмём с собой Уита, он понесёт всё, что только может потребоваться моей дочери в этом небольшом путешествии: и тёплое мягкое одеяло, и вкусную еду.... Представь только, моя маленькая, как здорово нам там будет!

— Два дня пути? — опечалилась Сежи, никогда прежде так надолго не расстававшаяся с дочерью.

— Два дня прогулки по чудным местам. Потом три дня на озере, и в обратный путь. Разве я прошу невозможного? — В глазах охотника заплескались стальные искорки, а голос на мгновение стал чужим. — Ты же сама слышала: Лаэтан предпочитает свободу бесконечным нудным занятиям. К тому же, в честь дня рождения Орон предоставил ей небольшие каникулы.

Сежи задумалась. Может быть, Эйвору и вправду пойдёт на пользу небольшое путешествие? А то в последнее время он стал слишком напряжён и отчуждён.

— Хорошо, — согласилась Сежи, — если вам этого хочется.

«Неделя! — взорвался радостью охотник. — За это время я смогу сделать три-четыре перехода и окажусь в таких дальних мирах, что ни один миротворец меня не сыщет!» Он хорошо помнил историю Сежи, когда её, маленькую, потерянную среди миров, не могли разыскать долгих семнадцать лет!

— Только у меня одно условие, — решил Эйвор надёжно подстраховаться, — никакого Орона, или других миротворцев, в течение этой недели. Ни реальных, ни в каком другом виде. Мне до бешенства надоела слежка в этом доме, и я не хочу её чувствовать и на отдыхе.

— Я поговорю с Ороном, — растерянно сказала Сежи.

— Нет, ты должна мне пообещать, что неделю нас никто не будет беспокоить, и отдашь миротворцам об этом приказ. Королева ты всё-таки или кто? А если нам потребуется помощь, мы сами вас позовём.

— Хорошо. Я скажу Орону.

— Обещаешь?

— Да.

— Свобода! — возрадовался охотник, подхватывая дочь на руки и подбрасывая её в воздух. — Целая неделя наша!

Сежи улыбнулась.

«И правда, зачем я так его ограничиваю? Пускай развеселится!»

— Прошу прощения... — Эйвор опустил Лаэтан на пол. — Раз нам дано разрешение, я, пожалуй, начну готовиться к походу, а для начала мне надо переделать некоторые дела... — Он вполне добродушно ухмыльнулся и послал жене воздушный поцелуй.

Охотник прекрасно понимал, что Лаэтан не сможет смолчать, если неожиданно вместо путешествия на озеро её поведут «прокатиться» на космическом катере. Об этом стоило позаботиться уже теперь: мелкая сероватая травка, росшая на побережье, могла замечательно усыпить девочку на неделю, а Уит безо всяких вопросов унесёт её туда, куда прикажет хозяин. Теперь всё зависело только от точности выполнения задуманного плана, который впервые казался осуществимым.

Глава 26

Вещая птица стремительно влетела в комнату Лаэтан в приоткрытое окно, грудью бросилась на спящую девочку и захлопала по ней крыльями.

— Ты чего? — стала отбиваться от неё Лаэтан, спросонья не понимая, что происходит. — С ума, что ли, сошла?

— Ты живая! — обрадовалась птица, клювом хватая девочку за чёлку.

— Живая-живая! — Лаэтан быстро накрылась с головой одеялом, пытаясь локтями оттолкнуть от себя тяжёлые когтистые лапы.

— А Эйвор живой?

— Да живой он, живой! Что ему сделается? Умывается, наверное, — ответила девочка, садясь и прислушиваясь. — Он уже давно велел мне вставать, да я что-то заспалась. Мы с ним сегодня в поход идём!

Лаэтан длинно потянулась и весело потрепала птицу по хохолку:

— А ты вообще-то чего здесь делаешь? Я думала, ты вернулась к Робину.

— Я и улетела, а потом вернулась обратно... — Чудик опять ухватила Лаэтан за чёлку и с удовольствием потаскала её туда-сюда. — Живая! — проговорила она с превеликим удовольствием.

— Странная ты сегодня, — сказала девочка, отмахиваясь, — или случилось что?

— Случилось. Почти.

Птица поглядела на Лаэтан сперва голубым, а потом зелёным глазом.

— Мне приснился сон: будто сначала Эйвор украл у Орона тайный ключ. Потом ты с отцом пошла в какое-то страшное тёмное подземелье, где он открыл секретную дверь... и вы упали в бездонный колодец!

— Ну, и?

— Что?

— Мы выбрались оттуда?

— Не знаю. У меня от ужаса аж все кишки в животе перевернулись... И тут я проснулась.

— Ты, наверно, много поела на ночь, вот тебе ерунда и приснилась. Такое иногда случается, и это был всего лишь сон.

— А вовсе и не ерунда! Помнишь, твоя мама рассказывала нам, как мой отец Харэй доставал для неё из Чёрного

ущелья упавший туда амулет? Как проснувшаяся Старая Сила схватила его, и, если бы не розовые горные птицы аахи, он бы погиб. Так вот, во сне я точно знала, что твоего отца схватила такая же злая сила. Я уверена, этот сон — пророчество беды. Робин как услышал моё предсказание, сразу велел: «Лети скорее, предупреди Лаэтан и Сежи!» Вот только я пока нашла одну тебя. А что ты сказала — куда вы сегодня с Эйвором собираетесь?

— Через красивый лес, к озеру Грёз. На неделю. — Лаэтан задумалась, размышляя о сне Вещей птицы, который её очень встревожил. — А что это за ключ такой ты видела? Я о нём ничего не знаю.

— Он у твоего отца в рубашке. Чёрный и квадратный!

Лаэтан спустила ноги на пол.

— Квадратный ключ? Что ж, пока он бреется, я запросто смогу это проверить!

Девочка на цыпочках прокралась в соседнюю комнату, в замешательстве оглядела множество карманов на рубашке отца и решила, что следует унести рубашку к себе в комнату и уже там всё спокойно проверить. Схватив рубашку за ворот, сдёрнула её со стула и крадучись поспешила назад.

— Вот! — возвратясь в комнату, потрясла Лаэтан добычей.

— В этом, — ткнула клювом птица в один из нагрудных карманов.

Испытав неловкость оттого, что приходится без спроса рыться по отцовским карманам, Лаэтан засунула туда руку и, пошарив, обнаружила нечто тонкое и гибкое... В руке у неё оказался чёрный плоский прямоугольник.

— Это он! — в ужасе вздыбила перья птица. — Именно таким твой отец открыл дверь, и вы оба упали в бездонную пропасть!

Лаэтан живо представила, как она валится в чёрный колодец, и по спине у неё пробежал холодок.

— Что же теперь делать? — прошептала она.

— Спроси у Орона.

— Ему на неделю запретили входить в наш дом и следить за мной.

— Так сама сходи к нему.

В спальне родителей послышались шаги и встревоженный голос Эйвора:

— Кто взял мою рубашку? Лаэтан?

Лаэтан втянула голову в плечи.

— Я никогда не была у Орона и не знаю, где он живёт.

— На четвёртом уровне, — подсказала птица.

— Откуда ты знаешь? — не поверила девочка.

— А я и не знала. Оно само в голову стукнуло! А что такое «уровень»?

— Лаэтан? — сердито повторил Эйвор, приближаясь к комнате девочки. — Что происходит?

— Беги к Орону! — сказала Вещая птица, клювом подхватывая рубашку и вылетая в окно.

Но Лаэтан не успела сбежать. Дверь распахнулась, охотник перегородил девочке дорогу, довольно грубо ухватил её за подбородок и мрачно заглянул в лицо чужими тёмными глазами.

— Отдай мою рубашку! — ровным, незнакомым голосом проговорил он.

— Я не брала.

— Врёшь! От тебя пахнет страхом!

— Меня напугала Вещая птица! Она... слишком неожиданно залетела ко мне в комнату, пожелать доброго утра. — Лаэтан быстро выставила ладонь вперёд, позволяя охотнику учуять этот запах. — А рубашку, наверно, мама повесила на просушку, посмотри во дворе!

Собрав всё своё мужество, Лаэтан терпеливо дождалась, пока Эйвор выйдет из дома, и бросилась в гостиную, к запретной двери. Совсеxногкинуласьонабежатьпоголубому каменному коридору, и была всего лишь посередине пути, когда услышала за собой полный ненависти голос:

— Стой, а то хуже будет! Верни ключ!

Никогда прежде девочка не испытывала такого ужаса, как от звука лёгких шуршащих шагов, неумолимо настигающих её...

Словно во сне, когда каждый шаг даётся с трудом, а всё вокруг странно замедляется, смотрела Лаэтан, как от её прикосновения раскрывается потайная стена, и, оглянувшись, готова была закричать от того, как невыносимо медленно она закрывалась. В памяти крепко отпечатались чёрные глаза светловолосого человека, наполненные страхом и ненавистью.

«Орон! — мысленно закричала Лаэтан, изо всех сил заставляя непослушные ноги бежать дальше. — Орон, помоги! — звала она, врываясь в стеклянную кабину лифта. — Четвёртый уровень! — выдохнула девочка.

Но как только лифт провалился вниз, тягучая сила обрушилась на неё, серыми нитями спеленала по рукам и ногам, сдавила грудь, не давая возможности вздохнуть. Мир потемнел, и Лаэтан с головой погрузилась в чёрный водоворот....

— Я рядом.

Сильные руки Орона подхватили Лаэтан, вырвали из водоворота и унесли прочь.

— Что с тобой? Ответь! — услышала девочка голос Орона, который прорывался издалека, словно сквозь толстую мягкую завесу, и это тем более показалось ей странным, что она чувствовала, как её несут.

Она пыталась сказать в ответ хоть слово, хотя бы кивнуть в знак того, что она слышит, но некая могущественная Сила не позволяла ей этого сделать.

— Держись! — услышала она сквозь забвение, в которое её неумолимо затягивало. — Я помогу тебе!

Голова закружилась ещё сильнее, и Лаэтан погрузилась в засасывающий её водоворот.

Глава 27

Ещё не открыв глаза, Лаэтан по запаху поняла, что рядом с ней Орон и ещё какой-то незнакомый миротворец. Приподняв веки, различила сквозь ресницы две неясные фигуры и светлые стены маленькой узкой комнатухи. Почувствовала, что всё тело её наполняет холод и безмерная усталость.

С трудом заставив зрение работать, разглядела невысокого худенького старичка с длинными седыми волосами и аккуратной бородкой, стоящего неподалёку. Глаза его были добрые и молодые, и он, склонив голову набок, весело смотрел, как Лаэтан за ним подглядывает.

— Это кто же у нас тут очнулся? — ласково, словно совсем малое дитя, спросил он, беря Лаэтан за руку и крепко сжимая.

Мир тотчас перестал кружиться, а идущее от рук старичка тепло выгнало из тела Лаэтан холод. Девочка смогла немного оглядеться и поняла, что, наверно, находится в комнате Орона. Она была удивительно мала размерами, и кроме узкой жёсткой койки у стены да самого Орона, стоящего у двери, ничего интересного девочка не увидела.

— Можешь говорить? — спросил старичок с сочувствием.

«Нет», — вяло качнула девочка головой.

— Pfirmzinbt vikxubt, — сказал на неведомом языке старичок, но Лаэтан неожиданно поняла: «Заклятие молчания!»

— Но кто? Кто мог это сделать? — нахмурился Орон. — Свой или чужой?

Старичок, поморщившись, отмахнулся, — позже, все это позже, — и снова улыбнулся Лаэтан.

— Не бойся. Теперь всё будет хорошо. — Он положил сухую тёплую ладонь девочке на лоб, а потом сдвинул её чуть ниже, закрывая Лаэтан глаза. — Подумай о том, что ты хотела нам сказать... покажи то, что видела! — строго сказал он.

С трудом разжав кулак, прижатый к груди, Лаэтан выронила чёрный прямоугольник ключа. Подумала сна-

чала о предсказании Вещей птицы, потом о серых нитях, опутавших её в лифте, о том, как её отец вдруг стал в последние дни отчуждённым и мрачным. И наконец, с крайней неохотой, подумала о том, как он гнался за ней и как смотрел на неё чужими глазами....

— Бедняжка, — искренне посочувствовал старичок.

Раздался короткий звон, словно лопнул тонкий стеклянный сосуд, и девочка ощутила, как отпускает её сдерживающая Сила.

Лаэтан открыла глаза и посмотрела на миротворца.

— Мне больно, — сказала она, прикрывая ладонью сердце, — я точно знаю, что мой отец не был наваждением, но... он был совсем чужой!

— Да, — согласился миротворец, грустно качая головой, — он был в плену очень сильных наваждений, которые не способен распознать человек... и уж тем более он не может им противостоять. Но мы справимся. Выведем твоего отца из плена, и он снова станет прежним.

— И он никогда не будет больше ТАК на меня смотреть?

— Разум твоего отца как бы спал. Ты видела глаза **вашего врага**, желавшего и тебе, и Эйвору смерти.

— Мне страшно, Орон! — Девочка нащупала руку миротворца. — А вдруг они придут сюда?

— Не бойся, дитя, враг уже не сможет причинить вам боль.

Старичок улыбнулся, приложил палец к губам, призывая к молчанию, и вдруг резко взмахнул руками, поднимая незримую стену между собой и Лаэтан....

Стены маленькой комнаты закружились туманом, скруглились, словно в кокон замкнув Лаэтан и Орона.

— Она хорошая девочка, — донёсся сквозь туман голос уже не видимого миротворца, — береги её, Орон!

Тот поднялся, словно маленькую, завернул Лаэтан в одеяло и, посадив к себе на колени, по-отечески обнял.

— Не бойся. Я позабочусь о тебе, — твёрдо сказал он.

— И ты не сердишься на папу? — осторожно спросила девочка.

— Нет. Даже я мог бы угодить в такую ловушку, поверь я в исполнение моих неосуществимых мечтаний. А если простому человеку показать, что могут сбыться его самые сокровенные желания... мало кто не попадётся на такую приманку.

— А на меня ты тоже не сердишься? Я много чего натворила в последние дни...

— Моя работа — защищать тебя и твою маму, вы — часть моей души, вы — то, ради чего я живу.

Прижавшись щекой к плечу Орона, под ровное, негромкое биение его сердца, Лаэтан задремала. Ей чудилось, что она плывёт в уютной лодочке под безбрежным звёздным небом и гладь озера Грёз, легко покачивая её, уносит в неизведанный Мир Безмятежности.

Глава 28

— Вы закончили расследование? — спросила Сежи Орона, когда тот вернулся в её дом.

— Среди миротворцев великое смущение от этой новости. Никто не мог предположить заговора среди своих же, тем более против королевы. Но, как ни странно, в этом деле нам очень помог твой муж. Он что-то такого наговорил начальнику безопасности, что тот, буквально свихнувшись, въедливо, по букве и по знаку, разобрал с планировщиками все произошедшие за последние года вылеты. Открылись такие дела...

Орон поморщился и замолчал, явно не желая посвящать королеву в тонкости дел, которые были вне её компетенции.

— Следы привели к двум заговорщикам. Безумно жаль, что это двое наших старых миротворцев с самыми сильными способностями, на которых просто никак не могла пасть и тень подозрения. Ты должна понять, что вековые традиции трудно искоренить взмахом руки. Они не хотели понять и принять изменяющийся мир, и решили перестроить его под своё видение: королева должна быть бесстрашна и равна

со всеми, как вселенский судья, который, в первую очередь, следует букве закона, и его эмоции и чувства не могут влиять на решение.

Королева не может пересекаться с обычным миром, потому что она превыше его. И уж конечно, она не может иметь семью, потому что любовь отвлекает от управления и обычное человеческое счастье сразу опускает королеву миротворцев до уровня обычного человека. — Орон отвернулся к окну и задумался. — Мне тоже ох как нелегко было принять факт, что моя королева, словно простая смертная, будет чьей-то женой! Но прошло время, и я понял, что ты была права, когда много лет назад сказала: «В вашем мире должно быть больше любви». Любовь и вправду делает наш мир лучше, и даже то, что теперь творим мы, как миротворцы, стало отличаться от того, что было раньше. Это уже не снисхождение, не милость к погибающим, а искреннее сочувствие и сопереживание чужой боли. Теперь мы судим по закону любви, а она многое прощает.

Сежи понурилась.

— Я могу понять, почему они не смогли простить мне Эйвора, но почему не попытались уберечь Лаэтан, ведь она же будущая королева?

— Они никогда прежде не видели Лаэтан и не знали её так, как знаю я. Впервые увидев её теперь, стриженную под мальчика, в мешковатой одежде, они, по-видимому, пришли в ярость, и решили, что дочь короля-охотника как будущая королева им совсем не нужна. И что если она навсегда сгинет в бездне вселенной вместе со своим отцом, жизнь миротворцев постепенно вернётся к прежнему. Прости, в этом есть моя вина, и я её исправлю. Миротворцы должны понять истинную вашу суть. Только тогда они примут вас и признают ваше полное право быть нашими королевами.

— Что станет с этими... двумя? — спросила Сежи.

— Отправятся в зону отчуждения. Поверь мне на слово, там им не понравится.

— Нам нужна твоя помощь, — сказала Сежи, внимательно глядя в глаза Орону и не сразу решаясь высказать вслух то,

что её беспокоило. — Сегодня Лаэтан опять снился чёрный человек, который гонится за ней.

— Ты хочешь, чтобы она всё забыла? — догадался миротворец. — Все эти три дня? И ривера тоже?

— Нет-нет, не всё. Ведь у неё теперь столько радости от общения с риверами, пусть малыши побудут под её присмотром...

Дверь из комнаты Лаэтан дрогнула, в образовавшейся щели показался голубой глаз.

— Я всё слышу, — печально сказала девочка. — И ещё у меня есть новый друг Кит, я вовсе не хочу его забыть.

— Хорошо, маленькая королева риверов, все ваши пожелания будут учтены...

Орон более пристально, чем обычно, взгляделся в свою воспитанницу. Взгляд её затуманился, девочка сонно потёрла глаза кулаками, протяжно зевнула и вдруг встрепенулась:

— Надо проведать, как там мой Сусенчик. Что-то я давно его не видела... Можно мне к нему?

— Сходи, моя маленькая королева риверов, навести своих друзей, — ласково сказала Сежи, ероша коротко стриженный хохолок на макушке дочери. — Возьми для них что-нибудь вкусненькое в кухне....

И, оставшись наедине с Ороном, проговорила:

— Эйвор заболел. Он узнал, что всё было подстроено так, чтобы корабль самоуничтожился после первого же перехода. Если бы Вещая не поспела вовремя, Лаэтан погибла бы вместе с ним.... Теперь он не ест, не пьёт, не говорит со мной и целыми днями где-то пропадает. Я могла бы помочь ему при болезни телесной или при физической боли, но что мне делать с его душевной раной? Ты, Мастер наваждения, можешь ли ты ему помочь?

— Могу, — сухо отозвался Орон. — Твой муж воспримет всё как тяжёлый сон, и в памяти его не останется ничего о Запретном Городе. Пусть это место и дальше остаётся недоступным для людей.

Сежи опустила голову.

— Меня всегда будет терзать вопрос: счастлив ли со мной Эйвор или просто примирился со своей несвободой? И если он когда-нибудь попадёт на «Альфа-Валледа», не задумается ли он снова о побеге? Ты знаешь, я давно позволила бы ему путешествовать по мирам, но хорошо помню его беспощадные слова: «Я никогда не возвращаюсь в те миры, где уже был». Боюсь, что, уйдя однажды ненадолго, он не возвратится сюда больше никогда.

— Ты тоже хочешь забыть эту историю? — не понял Орон.

— Нет-нет — тот, кто любит, всегда прощает. К тому же я понимаю, как сильно должно было быть то наведённое наваждение. Не в силах человека противостоять ему.

— Отпусти его. Если он действительно любит — останется сам.

Часть 2

Глава 1

(Прошло семь лет).

Стояло неимоверно знойное лето, от жары и духоты которого могла спасти только прохлада тенистого леса. Лаэтан ускорила шаг, намереваясь поскорее укрыться от палящего солнца под густым пологом огромных деревьев. Унаследовав от миротворцев непереносимость жары (один вид открытого неба в такие дни приводил девушку в уныние), а от Короля охотников – любовь к путешествиям, она всё свободное время старалась проводить в прогулках по ещё не изведанным ею глухим местам.

Едва ветви деревьев накрыли её спасительной тенью, Лаэтан внимательно огляделась по сторонам. Никого. Закон миротворцев строго требовал от семнадцатилетней будущей королевы соблюдения определённых правил: волосы всегда должны быть закрыты от чужих взглядов накидкой, рукава платья – прикрывать руки до запястий, подол – доходить до лодыжек, а туфли – полностью скрывать ступни. Теперь, когда её никак не могли увидеть миротворцы, она с наслаждением скинула и спрятала в кустах украшенные золотым шитьём

туфли, сдёрнула с головы золотистую тонкую ткань и, сложив её вчетверо, обвязала вокруг пояса. Оценивающе оглядела получившееся: новое, шелковистое, ярко-синее платье с серебряной вышивкой по высокому воротнику и плечам, с золотистым поясом, было хорошо только среди мраморных залов Закрытого Города, но не среди густого дикого леса. Чувствуя, как прохлада земли забирает из тела избыточный жар, Лаэтан опустила взгляд, с удовольствием разглядев под ногами мелкую растительность. Орон, конечно же, знал о её пристрастии к тому, чтобы ходить босиком, но это её занятие наверняка крайне бы удивило и, быть может, даже возмутило других миротворцев, у которых ноги, наверное, существовали только для ходьбы.

Дочь Короля охотников пошевелила пальцами загорелых и обветренных голых ног, усмехнувшись, сорвала ими ближайший цветок и, ловко подбросив его вверх, подхватила рукой. От рождения, по настоянию отца, вне Закрытого Города она с весны до зимы ходила босиком, и повеление миротворцев «всегда носить обувь, как подобает истинной Властительнице» постоянно ею нарушалось.

Вдали послышался конский топот и детский смех. Не желая пересекаться с кем-нибудь из арахонков, Лаэтан благоразумно сошла с тропы в сторону и, не утруждая себя тем, чтобы прятаться, накрылась наваждением «раскидистого куста». Вскоре по тропе резво проскакала серая деревенская кобыла, на которой сидели и галдели две девчушки лет семи-восьми. Их силился догнать долговязый жеребёнок, но, замешкавшись перед упавшим поперек тропы тонким стволом дерева, он остановился и огляделся по сторонам. Понимая, что девчонки уже никак не могут её заметить, Лаэтан с любопытством посмотрела им вслед, размышляя о том, что такая жара, наверное, надоела даже стойким арахонкам.

Заметив ярко-синее пятно на фоне леса, жеребёнок остолбенел от изумления. Деревенские ткачихи не знали синего красителя, и вид странной девушки ошеломил бедное животное.

Жеребёнок вытаращил на Лаэтан глаза, вытянул шею и, хотя она быстро попятилась за толстый ствол дерева, ему так захотелось рассмотреть незнакомку, что он готов уже был идти следом.

— Уходи! Беги отсюда! — негромко велела девушка, махнув на жеребёнка цветком. Она знала, что для животных следует творить особые наваждения, в которых она ещё не набрала силу, и теперь беспокоилась, что девчонки возвратятся, заметив отсутствие своего четвероногого друга.

Впрочем, ей повезло: короткий призывный свист хозяек возымел действие. Взбрыкнув тонкими ногами, долговязый жеребёнок унёсся прочь.

— Уф, — выдохнула Лаэтан, осознав, что если и другие арахонцы прохладятся теперь в лесу, то ей придётся всё время быть настороже и прятаться. Придётся подтянуть платье так, чтобы оно стало короче, а избыток выпустить через пояс. В таком виде вполне можно продирается даже через густой кустарник, не разорвав подол.

Отводя ветки в стороны, девушка осторожно начала пробираться к замеченному ею дальнему просвету, надеясь, что там идти через лес станет легче. Неожиданно она остановилась, почувствовав необъяснимое беспокойство. Как если бы она заметила взглядом нечто интересное, но прошла мимо, это не осознав. Лаэтан задумчиво огляделась по сторонам, не понимая причину своего замешательства... Ничего особенного, всё, как всегда. Может быть, что-то учуял нос? Медленно втянула воздух, отступила на несколько шагов назад, отыскивая то место, в котором уловила тонкий, уже почти развеянный ветром, странный запаховый след. В замешательстве потопталась на месте, не понимая, что именно в этом запахе так её взволновало, и отчего теперь ей непременно требовалось найти его источник.

Стараясь не потерять «след», подняла лицо вверх, чутко отыскивая среди множества ароматов леса тот самый, единственный, чью загадку она хотела разгадать.

Шаг за шагом приблизилась к увиденному издали просвету. Сплетённые ветви разошлись в стороны, пропуская девушку на освещённую солнцем поляну. Поросшая густой, по пояс, травой, она поразила невероятным обилием розовых ароматных цветов, названия которым Лаэтан не знала, и

тучей взлетевших с них бабочек. Нигде прежде не видела она такого огромного количества крылатых перламутровых красавиц. Не удержавшись, в охотничьем азарте, Лаэтан схватила в воздухе несколько самых удивительных бабочек, дождалась, пока они замрут в кулаках, и осторожно посадив их к себе на плечи, почувствовала себя совершенно счастливой!

— Красота какая! — Раскинув в стороны руки, девушка легко покружилась в вихре взвившихся бабочек, ощутила, как вся она наполняется необычайным ароматом странных лесных цветов и трав. Если бы не новое платье, которое было жаль изорвать и испачкать, девушка непременно с разбегу нырнула бы в зелёно-розовые волны цветущей поляны, чтобы, повизгивая от удовольствия, валяться там до полного изнеможения....

Запах! Тот самый странный запах, что привёл её сюда, неожиданно снова попался ей на пути, отрезвляя.

Лаэтан замерла, насторожилась, вся превращаясь в слух, и, стараясь не упустить ни единой мелочи, огляделась. Вот оно! Чуть дальше от неё, шагах в двадцати, были явно примяты цветы. Возможно, кто-то другой, так же, как теперь Лаэтан, пожелал понежиться в душистой траве....

Немного помешкав и размышляя, стоит ли продолжить «охоту» на нечто или благоразумнее отступить, Лаэтан решила, что всё равно не уйдёт отсюда, не разгадав загадку. Упрямство и задор Королевы охотников просто не позволили

бы ей этого сделать. Прикрывшись наскоро сотканным небольшим наваждением, девушка начала бесшумно подкрадываться к своей «добыче».

Первыми в глаза бросились босые, загорелые, грязные ноги с огромными натоптанными ступнями, наверно, в жизни своей не знавшие обуви. Полотняные, много раз латанные, побелевшие от соли рыбацкие штаны, оборванные по колено; ноги, испещрённые большими старыми шрамами; простая длинная светлая рубаша без рукавов и знаков принадлежности к какому бы то ни было роду и даже без обычного для взрослого мужчины кожаного пояса, а просто подхваченная кручёной волосяной верёвкой. Чёрная неухоженная борода торчала из-под согнутой в локте загорелой левой руки, которой спящий закрывался от полуденного солнца. Взгляд девушки невольно зацепился за эту руку, на которой не оказалось мизинца и части безымянного пальца. Никогда прежде не видел подобного, девушка с изумлением разглядывала повреждённую кисть, прикидывая: какое животное или событие в жизни могло оставить такое серьёзное увечье?

Мужчина сонно потянулся, разбрасывая в стороны руки, и Лаэтан уже готова была ретироваться, когда поняла, что спящий не проснулся. Он чему-то улыбался во сне, и девушка с удивлением заметила, что незнакомец вовсе и не стар. Несмотря на нечесаную и нестриженную бороду, от роду ему было от силы лет двадцать пять.

Лаэтан прошла по незнакомцу задумчивым взглядом. Она, конечно же, не знала всех мужчин Арахонии, но этот уж слишком отличался от остальных: кто бы мог позволить себе такие спутанные лохмы, длинную бороду, неряшливую одежду? Да его засмеяли бы языкастые молодые арахонки, проходу бы не дали.... Кто-то из дальних поселений? Их жителей Лаэтан практически не знала, но не могла себе представить, что кто-то бы из них пришёл в Арахонию просто поваляться на травке, да ещё в середине дня, когда каждый, кроме, наверное, королевы, должен быть занят своим делом. И ещё это увечье... странно, ведь девушка никогда не слышала о нём.

Незнакомец что-то пробормотал во сне, и лоб его прорезала скорбная морщина.

Лаэтан отступила ещё на один шаг, но не смогла уйти вовсе. Запах, исходящий от незнакомца, будил в ней неясные тревожные воспоминания. Такого прежде с ней никогда не бывало; она, так же, как и Король охотников, сразу и навсегда запоминала любые запахи, в любом самом запутанном сочетании, и легко потом могла их мысленно «распутать» и понять, кому они принадлежат.

«Этого не может быть! — сердясь на себя, передёрнула плечами Лаэтан, вспугивая десятки бабочек. — Я никогда не забываю и не путаю запахи. Это просто невозможно!» Она с досадой опять вгляделась в лицо бородача, пытаясь хоть как-то разбудить воспоминания. Тот улыбнулся во сне, легко и безмятежно, невольно вызывая ответную улыбку у Лаэтан.

«Бедняга! Какой же ты нечесаный и заросший! У тебя и девушки-то, поди, в твоём селении нет!» Тут в голову юной выдумщице пришла мысль, как можно было бы подшутить над незнакомцем. Беззвучно рассмеявшись, она вытянула из волос свою любимую шелковую ярко-красную ленту и, сделав шаг вперёд, опустила её на грудь незнакомца. Легко представить, как сильно он будет озадачен, обнаружив подарок, как будет взволнованно оглядываться по сторонам и чесать в затылке, а потом у всех в селении спрашивать про эту ленту... Но никому и на ум прийти не сможет, что это сама королевская дочь оставила ему непрошенный дар!

Лаэтан попятилась и, словно бесплотная тень, растаяла в зелени леса.

Глава 2

Мысль о незнакомце до вечера будоражила Лаэтан, и даже засыпая, она всё гадала: заметил ли он, проснувшись, подарок? А может, вовсе не заметил и потерял? Вот было бы досадно!

А ночью на неё навалилась череда сумбурных сновидений, среди которых она видела то своего отца на побережье среди бушующих волн, то незнакомца из леса, правда, без бороды и значительно моложе.

— Вспомнила! — Девушка вскинулась на постели, но... Сновидение, растаяв, унесло с собой открывшееся знание, не оставив на его месте ничего, кроме горького тревожного послевкусия.

Лаэтан с силой сжала пальцами виски, пытаясь справиться с мыслями, но тут лёгкие ткани на окне шевельнулись, и порыв свежего ветра донёс до девушки... близкий запах незнакомца!

Лаэтан вжалась в стену, сердце мелко и быстро забилося, глаза расширились от испуга. Она ждала, что створка окна вот-вот распахнётся шире и в проёме окна покажется чёрная взлохмаченная борода.

Спина мгновенно взмокла, а в горле встал ком. Наверное, стоило позвать на помощь, но издать пронзительный крик в полнейшей тишине было мучительно стыдно.

Девушка чутко прислушалась, разбирая все звуки, пришедшие в комнату извне, но никакого движения за окном не уловила: ни шороха шагов, ни лёгкого дыхания, выдающего близкое присутствие незнакомца.

Но откуда-то же запах взялся? Лаэтан бесшумно привстала, потянулась к окну, и между слегка раздвинутых створок заметила нечто, чего не было на подоконнике вечером: кусочек коры, размером не более чем в половину ладони. Каким образом он мог появиться здесь, никак не потревожив острый слух Королевы охотников?

Лаэтан осторожно высунулась в окно, уловила, как в густой тёплой тишине летней ночи, шагах в пятидесяти от дома, хрустнула ветка. Легко прошелестела трава под удаляющимися шагами, и всё стихло.

— Но как он узнал? — поразила девушка. — Нашёл по запаху? Никто в этом мире не был способен на такое. По следам? Не верится. Зачем приходил? — Лаэтан впервые пережила страх от того, что где-то поблизости бродит тот, о ком она совсем ничего не знала.

Она поспешила плотнее затворить створки окна, накинуть на них крючок и только после этого взяла кусок коры в

руки. Странный маленький обломок, на котором было что-то нацарапано — пальцы явственно ощущали бороздки и выпуклости. Девушка втянула носом воздух: пахло бородатым чужаком, металлом и морем.

За дверью раздались шаги Орона.

— Лаэтан? — слышался его негромкий обеспокоенный голос.

— Прости, — поторопилась ответить та, — мне приснился страшный сон.

Орон помедлил немного и отошёл.

Лаэтан перевела дух. Ей вовсе не хотелось, чтобы миротворцы погнались за незнакомцем, скрутили его и навсегда отправили в необжитые земли. Тогда уж она точно не узнает, кто он такой, как её нашёл и зачем оставил этот кусочек коры.

Девушка чутко прощупала нацарапанные непонятные знаки, но это не принесло ей никакой разгадки.

«Надо терпеливо дожидаться утра, — решила она. — Ночью всё всегда кажется слишком странным, наверняка день разрешит мои вопросы». Девушка натянула одеяло до подбородка и, уже не теряя бдительности, уснула.

Глава 3

Едва заслышав шаги отца, всегда просыпавшегося с рассветом, Лаэтан вышла из своей комнаты и, раскрыв кулак, показала свою ночную находку.

— Скажи мне: что ЭТО?

Эйвор коротко взглянул на кусок коры, протянул задумчиво:

— М-м-м. Так вот оно как!

— Ну и? — затеребила девушка отца. — Что значит твоё «М-м-м»? Что это за знаки?

Эйвор задумался, глядя в сторону, и отозвался не сразу, явно что-то решая для себя.

— Это арахонская клинопись.

— Что-что?

— Да письменность это ваша дикая... — отмахнулся охотник. — Ну, не твоя конечно, а арахонцев. В нашем мире подобная называлась «клинопись». Впрочем, — он пожал плечами и отвернулся, — какая теперь разница?

— А написано-то здесь что? — не унималась девушка.

— Почём я знаю? Спроси кого-нибудь в селении, это же их язык.

Он уже собрался уйти, когда девушка ухватила отца за рукав.

— А хозяин этого кто? — не унималась она. — Ты, как я понимаю, знаком с этим запахом?

— Тарен-то? А что он? — неохотно отозвался Эйвор.

— Что-что?! — намеренно надула губки Лаэтан. — Кто он такой и откуда знает, где я живу?

— Э... ему-то и не знать? — охотник ловко вывернулся из рук дочери. — Спроси-ка лучше своего Орона. А я в ваши игры не игрок! — Он быстро отскочил в сторону и улизнул из дома.

— А Орон-то здесь при чём? — крикнула ему в след девушка.

— Я ничего не знаю! — Охотник зажал себе уши руками и, фальшиво насвистывая, пошёл прочь.

— Опять какой-то заговор! — расстроилась Лаэтан. Больше всего ей не хотелось разговаривать о незнакомце с Ороном, она отлично знала его крайне неодобрительный настрой по отношению к любым местным мужчинам, и не ждала от своего вопроса ничего хорошего. — Что же здесь всё-таки написано? — Лаэтан повертела в руках диковинное «письмо», но все эти точки и крючочки даже при свете солнца ничего ей не говорили. — Что ж, раз это арахонская письменность, кто, как не сами арахонцы, помогут мне его прочитать?

Девушка обратила свой взгляд на селение и, высмотрев там женщину, идущую с казаном к ручью, подбежала к ней...

— Это же легко понять, — покраснев, пролепетала женщина, впервые увидевшая дочь королевы так близко. — Вот это, — она ткнула пальцем в первый знак, — «Я», потом «восхваляю» или «благодарю». Дальше: точка в круге, значит «тебя», а стрела указывает, за что тебя благодарят. — Она поразмыслила над последним знаком и уверенно сказала: — За змею!

— За какую ещё змею? — не поняла Лаэтан.

— Ну, вот же! — Женщина провела пальцем по волнистой линии. — Одна линия означает «вода», две или три рядом — «море», а это... не знаю, уж очень похоже на змею.

— Может быть, лента? — догадалась девушка. — «Спасибо тебе за ленту»?

— Может быть, — пробормотала женщина, смущаясь.

— А вы Тарена знаете? — поинтересовалась Лаэтан.

— Беспалого-то? Кто ж его не знает?

— И что он?

— А что он? — не поняла вопроса женщина.

— Ну, что вы можете про него сказать?

— М-м... — женщина переступила с ноги на ногу. — Бедолага. Сирота. — Она неопределённо махнула рукой за поселение. — Совсем один живёт. — Сокрушённо покачала головой и с грустью заглянула в свой грязный казан. — Работать мне надо, скоро все проснутся, а завтрак не готов. Пойду я, а?

Лаэтан приуныла. Что же за человек такой этот «бородач», о котором всем, кроме неё, известно, но о котором она так ничего и не смогла разузнать? Придётся беспокоить Орона. В конце концов, должен же учитель отвечать на вопросы своей ученицы...

Девушка возвратилась в дом и, шумно закрыв дверь, позвала: «Орон!»

Тот не замедлил явиться и, заметив пылающие щёки своей подопечной, молча сложил руки на груди.

— Расскажи мне про Тарена, — как можно суше, почти что тоном приказа, проговорила девушка, не смея поднять на учителя взгляд.

— Тарен? — ровно отозвался Орон, как будто сразу приобретая проблемы со слухом. — О ком ты?

— Как это «о ком»?! — всплеснула руками Лаэтан. — Вы что, все между собой сговорились? Что такого ужасного совершил этот человек, о чём я никогда не должна узнать? Скажи мне, Орон, правду! И немедленно!

Орон задумался, глядя куда-то в пустоту, и зрачки его сузились.

— Хорошо, — наконец с неохотой произнёс он. — Теперь ты достаточно взрослая, чтобы правильно оценивать прошлое и не делать новых ошибок в будущем.

Он провёл раскрытой ладонью перед глазами Лаэтан, и пелена старого наваждения рассеялась. Она вспомнила себя семилеткой.

Глава 4

С утра Лаэтан была сама не своя: в груди словно стоял ком, и беспричинно хотелось плакать.

— Что с тобой, мышонок? — Отец мягко потормошил её за мочку уха, убрал прядь волос от лица.

— Не знаю! — Подперев тяжёлую голову руками, семилетка устремила тоскливый взгляд на море. — Что-то мне... не спокойно.

Подошла Сежи, легко прикоснулась к холодному лбу дочери, озабоченно посмотрела на мужа. Она восприняла тревогу, идущую от Лаэтан, но не смогла разгадать её причину.

— Наверно, это от погоды. С утра море волнуется, а к ночи разыграется шторм. Может быть, пойдёшь, приляжешь? Тебе станет легче.

— Лучше я здесь посижу, с вами.

Девочка не хотела волновать родителей пересказом страшного сна, в котором ее затягивал водоворот в страшную

пучину. И от которого, даже теперь, она чувствовала тоску и холод во всём теле. Опустив руки под стол, девочка осторожно размяла немеющие кончики пальцев. Словно сквозь тонкую завесу, опустившуюся вдруг между нею и миром, услышала, как возвратился Орон, о чём-то тихо заговорил с Сежи. Лаэтан подумала, что, наверное, заболела, и теперь уж точно несколько дней не сможет видаться со своим новым другом Тареном. Ведь только в часы и дни редких отсутствий Орона, при молчаливом одобрении отца, она могла немного побегать по берегу с сыном рыбака, «простым мальчиком, у которого не может быть ничего общего с будущей королевой миротворцев».

«Тарен». При мысли о нём колкая боль в пальцах усилилась так, будто под ногти попала заноза, а по спине прошла сильная волна озноба. Внезапно осознав причину своей тревоги, девочка сорвалась с места, резко распахнув дверь, спрыгнула с крыльца.

— Лаэтан, вернись! — крикнула вслед мама.

— Что случилось? — выскочил следом отец.

Но девочка не слышала их. Стремительно сбежала к полосе прибоя и со всех ног понеслась по плотному мокрому песку прочь.

«Быстрее! Быстрее! Ещё быстрее!» — торопил её внутренний голос.

Так быстро Лаэтан никогда не бегала, страх опоздать придавал ей силы, о которых она

даже не подозревала. Ей казалось, что она бежит так быстро, что пальцы ног почти не касаются песка, и, если бы она только смогла, то непременно взлетела!

Их любимый с Тареном обрыв над линией прибоя был уже близок. Лаэтан видела фигурку мальчика, сидящего на краю и по своему обыкновению бросающего камешки в пенящиеся волны.

— Тарен! — крикнула она, но шум бившихся о камни волн, легко заглушил её голос. — Тарен! — изо всех сил кричала девчушка, чувствуя, что сердце вот-вот разорвётся. — Пожалуйста, Тарен!

Он услышал, или почувствовал, поднялся во весь рост, приветливо взмахнул рукой. Крутой подъём отнял у девочки силы, она задохнулась на короткое время, замедлила бег, заметила, как сузился мир, быстро превратившись из яркого, разноцветного в серый. И в этот миг, коротко вздрогнув, огромный песчаный край, на котором стоял мальчик, начал неудержимо проседать, уходить вниз, всё быстрее и быстрее...

«Он разобьётся на тысячу частей!» — с ужасом осознала Лаэтан, видя, как, беспомощно взмахивая руками, валится вниз хрупкая фигурка мальчика.

Словно наткнувшись на невидимую стену, Лаэтан замерла, и даже отступила на шаг назад, подсознательно надеясь таким образом вернуть время вспять и дать Тарену возможность остаться в живых.

Край осыпающейся земли стремительно приблизился к девочке... Только что бывшая твёрдой, опора под её босыми ступнями вдруг стала зыбкой, потеряла устойчивость, начала уже проваливаться, когда Лаэтан ухватили сильные руки Орона и рванули назад.

Словно во сне, когда происходящее может вдруг замедлить свой бег, Лаэтан неотрывно смотрела, как бесконечно долго падает и падает вниз маленькая человеческая фигурка и как её догоняет и накрывает волна из камней и песка.

Подбежал Король охотников. Коротко, с отчаянной благодарностью взглянул в глаза рослого миротворца и, не тратя время на разговоры, прыгнул вниз.

— Он ведь найдёт Тарена? — с надеждой прошептала девочка, видя, как огромные морские волны подбираются к осыпи. — Ведь он сможет? Правда, Орон? Он успеет?

Миротворец закусил губу, крепко прижал к себе Лаэтан, только теперь осознавая, насколько близка была его воспитанница к беде.

— Твой отец лучший. Он сможет сделать то, что не смогу сделать даже я.

Гулко шлёпая босыми ногами по земле, мимо промчался великан Уит, взмахнув руками, прыгнул вниз... Несколько рыбацких лодок поспешили на помощь и причаливали теперь к обширной осыпи. Повинуясь указаниям Эйвора, раздирая пальцы в кровь, рыбаки прокапывали проход в том месте, где охотник учуял мальчика.

Словно соревнуясь с людьми, усиливающийся шторм остервенело набрасывался на песчаный обвал, отрывал от него огромные ломти и неотвратимо утягивал их на глубину, чтобы через мгновение возвратиться за новой порцией добычи.

Торжествующий рёв Уита перебил даже шум волн. Весь переломанный, словно тряпичная грязная кукла, бездыханный и окровавленный, был извлечён Тарен из-под земли....

Глава 5

— Твоя мама вернула его к жизни, — сказал Орон хмурясь. — А наши врачи сделали так, чтобы эта жизнь не была мучением... Настолько, насколько это было возможно в том трудном случае.

— И ты стёр мне память, — упирая руки в бока, как это обычно делал Король охотников, сказала Лаэтан.

Орон повёл плечом.

— Так было лучше.

— А Тарен? Что сделали вы с мальчиком потом?

— Ничего, кроме того, что вернули ему жизнь, — сухо отозвался Орон.

— Он тоже забыл меня?

— Нет. Я просто запретил ему искать с тобой встреч. Не в моих интересах поддерживать опасные знакомства, ведь ты тогда тоже была на волосок от гибели.

— Разве он был виноват в случившемся?! — сердито возразила Лаэтан.

— Если бы ты слушалась меня всегда, угрозы твоей жизни не было бы вовсе.

— Но тогда бы он погиб один!

— Всё, что не касается твоей безопасности, меня интересует весьма мало. Считай, что мой ему приказ — плата за его жизнь и здоровье.

Лаэтан расстроилась.

— Я всю жизнь мечтала о том, чтобы у меня появился друг... А он, оказывается, был, вот только я о нём забыла!

Орон невозмутимо пожал плечами.

— Да не был он тебе уж таким ДРУГОМ. Просто знакомый мальчик, обычный сын рыбака.

— За «обычного мальчика» я не стала бы так бороться и переживать!

— Ты слишком близко всё принимаешь к сердцу. Так не должно быть, это мешает делу.

— Делу?! Да у тебя «дело» важнее всего, даже, наверно, самой жизни! Теперь я понимаю, почему мама выбрала отца, а не тебя! — в сердцах воскликнула девушка.

Орон помрачнел, сник и, ничего не ответив, пошёл прочь.

Устыдившись своих слов, Лаэтан, как в детстве, тихо прошептала в раскрытую ладонь: «Прости меня!» — и дунула в спину уходящего миротворца.

Стайка бесплотных голубых птиц сорвалась с ладони ввысь, сделала над головой Орона круг... «Прости меня, прости меня», — слышалось в их мелодичном щебетании.

— Опять что-то натворила? — поинтересовался Эйвор, выходя из-за угла дома.

— Он мне жизнь спас, а я его обидела.

— Это ты про что? Какую жизнь, когда? — не понял Эйвор.

— Тогда, с Тареном... когда земля ушла у меня из-под ног. Ведь это он, в последний миг, сумел подхватить меня.

— А-а, — понимающе протянул Эйвор, — вспомнила, значит.

— Вспомнила, — вздохнула девушка.

— М-да... дела... — протянул охотник, потирая кончик носа. — И что теперь будет?

— Не знаю. Наверно, мне стоило бы с ним поговорить? Я имею в виду Тарена. Что ты думаешь об этом? — Лаэтан вопросительно взглянула в глаза отца, но тот лишь пожал плечами.

— Поговорить? С Тареном? М-м... Задача не из лёгких...

— Почему? Его ночной след ещё хорошо читается.

— Найти-то его не слишком сложно, но вот поговорить... хм.... Впрочем, ты теперь девочка взрослая и уже самостоятельно должна находить ответы на свои вопросы. — Не пояснив, что он имеет в виду, Эйвор ушёл в дом.

Лаэтан нахмурилась.

— Даже если я и не решусь сегодня поговорить с ним, то хотя бы издали посмотрю на него и на то место, где он живёт. Мне ещё так много всего надо вспомнить и понять в этой жизни! — решила девушка и, отыскав в воздухе едва уловимый запах молодого человека, уверенно выбрала направление.

Глава 6

Тонкая, словно нить паутины, тропа повела Лаэтан в самые дебри чащи, в северную часть побережья, на котором, из-за густого леса и множества острых высоких скал, никто из арахонцев не стал строить свои жилища. Лаэтан ощутила

волнение, холодком прошедшее по спине. Нет, она ничуть не опасалась заблудиться или наткнуться на дикого зверя, да и скалы давно научилась проходить, но вот разочарования от встречи с прошлым она действительно боялась. Ведь для неё хрупкий мальчик Тарен вдруг разом превратился в крепкого бородатого незнакомца, о котором Лаэтан не знала ровным счётом ничего. Что сможет сказать она ему теперь?

Незаметная глаз тропа, хитро обогнув высокие скалистые уступы, нырнула в расщелину, в конце которой слышался раскатистый шум моря. А Тарен, однако, не промах! Лаэтан даже не догадывалась, что на северную часть берега можно попасть таким, достаточно простым путём.

Тропа вывела девушку к маленькой лагуне. Лаэтан замерла, чутко втягивая носом воздух, внимательно оглядела открывшуюся ей часть берега, небольшую приземистую рыбацкую хижину и несколько старых прогнивших лодок, лежавших неподалёку. Ветер донёс слабый запах давно погасшего очага и рыбный дух сохнувших на лагах сетей. Ни малейшего намёка на близкое присутствие людей. Лаэтан вздохнула свободнее. Ей совсем не хотелось столкнуться сейчас с кем-нибудь и мучительно придумывать достойные королевские отговорки. Но где же Тарен? Прикрыв глаза ладонью, внимательно оглядела сверкающую от солнца гладь моря, заметила вдали маленький треугольник паруса... Что ж, пока он в море, можно оглядеться повнимательнее, ведь вещи людей иногда говорят красноречивее своих владельцев.

Стараясь ступать не по песку, а по пучкам песчаной жёсткой травы, чтобы не оставить ненужных следов, девушка подошла к домику. Сложенный из морёного, пропитанного солью топляка, ладно подогнанного друг к другу, дом слегка поблескивал высолами на солнце. Крыша местами поросла мхом, а дверь была подпёрта снаружи сучковатой палкой, мол: погоди, путник, не входи, хозяев нет дома!

Лаэтан обошла дом со стороны моря и неожиданно заметила то, что не заметила сразу: короткий деревянный столб, вкопанный между домом и берегом. Оказалось, что

это искусно вырезанная фигурка девочки с растрепанными от ветра волосами, крепко прижимающей к груди большую птицу. Лаэтан взглядела в точёные черты лица и с удивлением поняла, что видит себя! В больших, широко раскрытых глазах, ещё сохранивших оттенок голубой глины, читалось любопытство, а в волосах билась на ветру, словно живая, её красная шёлковая лента! От этого даже теперь казалось, что вся деревянная фигура вот-вот стронется с места.

— Выдумщик, — улыбнулась девушка.

Она вспомнила, с какой лёгкостью её юный друг, подбирая с песка всякую всячину, сочинял удивительные истории: сучковатые палочки при этом обращались в моряков, щепки — в лодки, а пучки трав — в морских чудовищ. С замиранием сердца и доверием к рассказу, слушала девочка истории о сражениях храброго рыбака с чудищем и о волшебном спасении юной девы с маленького острова, затерянного где-то далеко-далеко отсюда, на краю океана. Там в изобилии росли невероятной красоты цветы,

диковинные звери бродили среди неведомых деревьев, сладкоголосые птицы распевали в вышине. Не требовалось много времени, чтобы дети и сами начали верить, что где-то далеко, даже дальше, чем садится в море солнце, есть сказочный остров, на который они когда-нибудь смогут попасть.

— Я сделаю лодку с двумя парусами и назову её в честь тебя. И мы будем плыть долго-долго, но обязательно найдём наш остров! — пообещал Тарен.

А ещё Лаэтан припомнила, что иной раз ей становилось совестно за то, что она — дочка королевы, и у неё есть всё, что она только пожелает, а он — сын рыбака, у которого всего одна не латаная рубашка, да и ту мать бережёт на праздник. Тогда, желая порадовать Тарена, она украдкой приносила из дома разные вкусности, а он смешно шевелил бровями и со вздохом удовлетворения бормотал: «Да... хороша лодка — новая, а подружка — старая!»

Лаэтан нынешняя усмехнулась: хороша «старая» подружка семи лет! Провела рукой по резной деревянной фигурке девочки, дотронулась до короткого клюва, каких не бывает у быстрокрылых морских птиц. Память продолжила раскрывать перед ней давно забытые страницы прошлого...

— Лаэтан, смотри, что я нашёл! — крикнул Тарен издали, поспешно приближаясь.

Разжав руки, он показал большую розовую птицу с голубым горлышком и синим хохолком. Бедняжка ещё была жива, но голова её уже поникла, а глаза полужакрылись.

— Кто это? Откуда? — поразились девочка. Никогда прежде она не видела подобных птиц и даже не догадывалась об их существовании.

— Не знаю. Быть может, она прилетела с наших тайных островов? Весь день стая летела через море, а вечером разыгрался шторм и отняла у всех последние силы? Там на берегу я видел ещё нескольких птиц...

— Дай мне!

Лаэтан приняла несчастную в свои руки, волной любви, нежности и силы накрыла угасающий огонёк жизни. Внезапно птица встрепенулась, открыла глаза, коротко звонко вскрикнула и легко вспорхнула вверх, роняя несколько светлых маленьких перьев.

— Ожила! — обрадовался Тарен. — Ты ведь сможешь помочь и другим?

...Лаэтан теперешняя задумалась. Как жаль, что она совсем позабыла и своего юного друга, и ту небольшую стайку спасённых птиц, которые, сделав круг над головами детей, с весёлым щебетанием навсегда унесли прочь.

Неподалёку, на опушке леса, хрустнула ветка, заставив девушку вздрогнуть. Углубившись в свои воспоминания, она совсем забыла об осторожности. Ветер донёс до зазевавшейся охотницы запах человека: Тарен! Поспешно оглянувшись, ища место для укрытия... Ах, как не кстати застал он королеву возле своего дома!

С досадой понимая, что спрятаться негде, а бежать прочь сломя голову глупо, Лаэтан поспешно дёрнула конец пояса, позволяя подолу платья опасть до земли. Взмахом руки набросила на голову невесомую ткань платка.

Бородатый человек, держащий в руках вязанку с мелкой рыбёшкой, прихрамывая вышел из зарослей уже шагах в пяти от неё. Задумчивый взгляд медленно поднялся от босых пальцев девушки до её лица. Зрачки расширились — «королева!» — и молодой человек отпрянул назад, явно намереваясь спастись бегством.

Сердечко Лаэтан забилося ещё быстрее. Как глупо, как неосмотрительно было с её стороны не учесть направление ветра и подпустить чужака так близко. Что же теперь — делая вид, будто они не знакомы, молча разойтись в разные стороны? Но ведь они не враги.

Лаэтан требовательно вскинула ладонь вверх, заставляя молодого человека замереть.

— Приветствую тебя, храбрый воин Тарен! — насмешливо сказала она, делая шаг на встречу.

Молодой человек вздрогнул от звука её голоса, торопливо и неловко попытался поклониться — и оставался в таком положении некоторое время, осторожно поглядывая по сторонам и явно высматривая пути к отступлению.

— Я ищу свою Вещую птицу, — без запинки проговорила Лаэтан заготовленную ещё дома фразу. — Не видел ли ты её?

Не отрывая взгляда от земли, Тарен молча покачал головой, медленно отступая назад.

— Странно, — задумчиво проговорила девушка, делая ещё один шаг вперёд. — Мне сказали, что она полетела в эту сторону...

Лаэтан внимательно взглядела в загорелого рыбака, голова которого была повязана засаленным лоскутом ткани, на плечах выцветшая безрукавка, подпоясанная кручёной волосяной верёвкой, ноги до колен прикрыты рванными, много раз латанными штанами. И ни малейшего сходства с мальчиком из детства.

«Зачем я здесь? — с грустью подумала девушка. — Что прошло, то прошло, и глупо пытаться вернуть то время».

Молодой человек украдкой взглянул в лицо Лаэтан, неуловимо улыбнулся, шевельнул бровями, и во всём его облике проскользнуло нечто, напомнившее девушке прежнего Тарена — мальчика.

— Ты обещал сделать для меня лодку, — неожиданно для самой себя, сказала Лаэтан. — Выполнил ли ты своё обещание?

— Н-н-нет, — страшно запинаясь, выдавил из себя молодой человек. — Ор-р-рон... зап-пре-тил... — Тарен помрачнел, но сердился он скорее на себя, чем на собеседницу.

— Что с тобой? — удивилась Лаэтан. — Тебе трудно говорить?

Тарен коротко кивнул.

— Почему?

Тарен неопределённо повёл плечами и попытался что-то показать, зажав себе горло рукой, но вдруг ссутулился и, прихрамывая, пошёл прочь.

Не зная, как теперь следует поступить, Лаэтан хотела было его окликнуть, сказать на прощание что-то доброе, но не смогла выдать из себя ни слова.

Глава 7

— Я видела Тарена, — печально сказала Лаэтан отцу, найдя его в кухне.

— Замечательно, — пробормотал Эйвор, отправляя в рот последний кусок копчёной рыбы, лежащий на блюде, и взглядом отыскивая ещё что-нибудь вкусное.

— Почему ты не сказал мне, что с ним?

— А что с ним? — Эйвор подхватил с большой тарелки горсть чищенных орехов и невозмутимо набил ими рот.

— Отчего он теперь не может говорить?

Эйвор пожал плечами, намеренно долго жевал, делая вид, что не слышал вопроса дочери. Но та не отставала. Уперев руки в бока и устремив на отца взгляд, полный

упрямого терпения, она готова была ждать столько, сколько потребуется.

Король охотников хмыкнул, скорбно вздохнул, вороша оставшиеся в тарелке орехи.

— Он был на грани жизни и смерти, и в его голове что-то нарушилось. — Эйвор постучал себя пальцем по виску.

— Он сумасшедший? — нахмурилась девушка.

— Вовсе нет! Он хочет, но уже почему-то не может говорить так же, как мы.

— И что теперь делать? Как ему помочь?

— Не знаю, — пожал плечами Эйвор. — Я видел миры, где шаманы лечили таких людей испугом. Если Тарена хорошенько напугать, возможно, его мозги встанут на место. — Эйвор развеселился, припомнив что-то из прошлого. — Я бы с огромным удовольствием побыл некоторое время таким шаманом. Мне кажется, что пугать — это вообще второе моё призвание.

— Кого это вы собрались пугать? — спросила Сежи из-за полуоткрытой двери.

— Тарена.

Королева миротворцев шире открыла дверь и серьёзно посмотрела на дочку.

— Зачем тебе ворошить прошлое?

— Мне просто его жалко. Он — как умирающая птица на песке, и если не мы, то кто же ему поможет?

— Какая птица? — не поняла Сежи. — Кто теперь умирает на песке?

Лаэтан взяла Сежи за узкую белую кисть, умоляюще заглянула в глаза.

— Ты ведь гораздо сильнее меня. Неужели ты не можешь его вылечить?

Сежи отвела взгляд, отняла руку.

— Я не знаю, что ещё можно сделать. У него срослись переломы, зажили все раны... Почему он не может говорить, я не понимаю.

— Погодите, погодите! — раззадорившись, воскликнул Эйвор. — Идея напугать Тарена нравится мне всё больше и больше. Давайте я попробую, а уж если не справлюсь, тогда вы будете думать, как ему помочь.

— И как ты собираешься его пугать? — осторожно поинтересовалась Лаэтан.

— О! Мешок, кирка, охапка соломы и три часа времени... вот всё, что мне для этого нужно. Ну и, конечно, помощь Уита. Сдаётся мне, что на этой планете я лучший знаток по лечению заикания.

— Ты собираешься накинуть мешок на голову Тарену или сделать из соломы страшное чучело?

— Нет-нет, даже и не спрашивайте, — замахал руками Король охотников. — Хороший шаман своих секретов никогда не выдаёт!

Глава 8

Терпеливо прождав отца до вечера, Лаэтан не выдержала и пошла посмотреть: чем же он занимается?

День близился к концу, солнечный свет потускнел, и сумрачные тени всё удлинялись и удлинялись, захватывая землю. В таких условиях не надо было слишком стараться, чтобы кого-то напугать; даже обычные кусты, при неверном свете и хорошем воображении, сами собой начинали принимать устрашающие причудливые формы.

Ухватив в воздухе след Уита, Лаэтан прошла по побережью мимо селения, потом некоторую часть леса и вышла к тайному ходу Тарена через скалу.

Дух вспотевшего Уита и его шумное сопение ещё издали указали Лаэтан искомое место. Девушка увидела перед собой неширокую, но глубокую яму, от которой Уит оттаскивал землю в мешке.

— Папа? — Лаэтан проследила, как отец, сидя на дне ямы, киркой отбил от твёрдой земли большущий кусок. Девушка присела на краю, задумчиво заглянула вниз. — Что это вы задумали?

Эйвор устало отёр лоб, облокотился на рукоять кирки и укоризненно покачал головой.

— Вот тебе и Королева охотников! Неужели сама не сумеешь разгадать мой простейший замысел?

— Ты выкопал ловушку для огромнейшего хищника, каких у нас вовсе не водится. Это для Тарена?

— Угу.

Эйвор поймал пустой мешок, брошенный Уитом, и принялся засовывать туда отломанный кусок земли.

— Вот, теперь более или менее сносно. Достаточно глубоко, но и не слишком. — Он с натугой подал мешок Уиту и попросил Лаэтан: — Сбрось-ка мне всю ту солому, что лежит наверху. Устроим здесь мягкое, пригодное для падения место.

— Ты хочешь, чтобы Тарен свалился в эту яму? Но зачем?

— Как это «зачем»? — Эйвор подхватил охапку соломы, небрежно разбросал её по дну ямы, немного на ней поваялся, приминая, и остался весьма собой доволен. Протянув конец кирки Уиту, поторопил: — Вытаскивай меня отсюда поскорее!

Лаэтан с недоверием проследила, как охотник тщательно замаскировал яму сначала пышными ветками, а затем — слоем листьев и травы.

— Не попадётся. Ни за что не попадётся на твою уловку! У него же есть глаза, и вся эта куча листьев, неожиданно оказавшаяся на привычной тропе, выглядит слишком подозрительно. К тому же всё кругом так истоптано Уитом... Да и вообще неизвестно, сколько потребуется времени для ожидания. Мы же не знаем, как часто он проходит именно здесь.

— Глупости! — сердито отозвался охотник, мыском сапога разравнивая рыхлые горки земли и присыпая их свежесобранной травой. — А ты у нас на что? Разве хорошенькое наваждение не сумеет призвать бедного юношу в нужное нам место, в нужное время?

Лаэтан задумчиво пригладила растрепавшиеся волосы.

— Предположим, он свалится в твою яму. И что из этого?

— Мы повторим для него то неудачное стечение обстоятельств, случившееся десяток лет назад. Ведь прежде чем Тарен упал и был погребён осыпью, он увидел тебя. Сегодня мы повторим ту печальную историю: увидел тебя — упал.

— И тогда?..

— Что будет после «и тогда», — передразнил Эйвор, — мы узнаем, когда всё это случится.

Эйвор оценивающе оглядел ловушку и темнеющий лес.

— По-моему, самое подходящее время. Если ты хорошенько внушишь ему, что ты в большой опасности, у него не останется времени разглядеть нашу западню.

— Чего ради ему бросаться меня спасать? — повела бровями девушка.

— Да для того самого, ради чего он сделал из дерева маленькую светловолосую девочку. Надо быть совершенно слепой, чтобы не видеть, что ты для него дорога до сих пор, а значит, в покалеченном теле ещё осталось место для безрассудного подвига. Ну-ка, Уит, подыграй нам, изобрази ужасное чудовище, собравшееся пожрать маленькую беззащитную девочку. А ты, дочурка, постарайся сделать так, чтобы твой ужас долетел до бородатого рыбака.

Уит с готовностью протянул огромные волосатые руки в сторону Лаэтан и с диким, душераздирающим воплем, огласившим округу, ринулся к девушке.

Ответный, совсем естественный вопль ужаса, изданный Лаэтан, полетел по лесу, отдаваясь долгим многократным эхом от вековых деревьев, силой наваждения достиг дальней рыбацкой хижины.

Глава 9

Тарен, морщась, потянул лист живицы, присохший к порезу на лице. Рана болела, но уже не кровоточила. Безуспешно попытавшись разглядеть своё отражение в небольшом осколке стекла, молодой человек с досадой

отложил его в сторону. Затея первый раз за последние лет пять побриться наточенным ножом изначально была обречена на провал.

Рука осторожно ощупала клочки оставшейся щетины. Попробовать ещё подточить нож и побриться? Или уже оставить всё до утра?

Воткнув нож в косяк двери, Тарен повалился на узкую жёсткую лежанку. Заложив руки за голову, бездумно уставился вверх, в темноту. Память в тысячный раз за вечер прорисовала в воображении миниатюрные босые ступни Лаэтан, ее трепещущее на ветру лёгкое платье.... Тарен глухо заворчал, заворочался на своей лежанке, запрещая себе вспоминать ярко-голубые смеющиеся глаза девушки и светлые завитки волос возле её лица.

Ещё в детстве, мать научила мальчика самовольно не брать чужое. «Даже не смотри на чужое. Не протягивай руки. Отвернись и уйди, чтобы не нарушить закон арахонцев! — строго говорила она выпоротому сыну. — Не срами мать. Не позорь своё имя. Чужое — не твоё. Брать без разрешения — запрещено!»

Теперь, вспоминая тот урок, а также давний наказ Орона, воспреещающий приближаться к королеве, молодой человек чувствовал в душе войну между желанием непрестанно думать о ней и твёрдым пониманием того, что ему это не дозволено законом.

Крепко зажмурился, пытаясь думать о чём-то ином, и тут услышал истошный девичий крик.

Не размышляя и не мешкая, Тарен рванулся к двери, по пути выдернув нож из косяка. Не замечая бьющих по лицу веток и сильной боли в покалеченной ноге, он бросился бежать по не видимой, но ещё угадываемой тропе в сторону селения.

Успел увидеть светлый девичий силуэт, зажатый в мощных лапах чёрного, неведомого Тарену, чудища, — и вдруг земля ушла из-под ног.

Мгновение падения показалось растянутым во времени. Словно это было в детстве, когда каменный вал накатил на

него, Тарен ощущал, как валятся и валятся на него камни, не осознавая, что на самом деле это падают лёгкие ветки и листья. Показалось, что всё, это конец, из бездонной пропасти не выбраться, воздуха не вдохнуть, как вдруг...

Как вдруг над краем ямы появился сначала отсвет факела, потом показался сам огонь, осветивший взлохмаченную чёлку Короля охотников.

— Эгей! — весело прокричал он, чуть-чуть опуская факел вниз. — Тарен, отзовись!

Молодой человек попытался вздохнуть, и это легко получилось. Он медленно сел, ощупал голову руками — цела. Потрогал себя за плечи, ноги — вроде всё цело.

— Тарен, ты жив? — Над краем ямы склонилась Лаэтан, обеспокоенно вглядываясь в ворох веток и листьев.

— Не знаю. Кажется, жив.

— Говорит! — обрадовался Король охотников, опуская вниз руку. — Выбираться будешь?

— Если поможете.

— Поможем-поможем, — рассмеялась Лаэтан, — как говорится, «новая лодка хороша, да старый друг — лучше!»

Дорогие читатели, мы ещё встретимся с вами!

Татьяна Ганнибал

Оглавление

Часть 1	3
Глава 1	3
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	31
Глава 7	46
Глава 8	54
Глава 9	58
Глава 10	64
Глава 11	73
Глава 12	74
Глава 13	76
Глава 14	79
Глава 15	82
Глава 16	84
Глава 17	90
Глава 18	95
Глава 19	98
Глава 20	105
Глава 21	108
Глава 22	113
Глава 23	114

Глава 24	117
Глава 25	122
Глава 26	125
Глава 27	130
Глава 28	133
Часть 2	136
Глава 1	136
Глава 2	142
Глава 3	144
Глава 4	147
Глава 5	150
Глава 6	152
Глава 7	158
Глава 8	160
Глава 9	162

Над «Королевой риверов» работала замечательная художница из Санкт-Петербурга:

Александра Соша — ею выполнен дизайн обложек, а также иллюстрации в техниках: акварель, масло, цифровая живопись.

Сайт автора: GannibalT.ru

Контакты: Koroleva.4fantasy@yandex.ru

Художественная литература

Татьяна Ганнибал

**КОРОЛЕВА
РИВЕРОВ**